

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
имени Г. ЦАДАСЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XII

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Махачкала
1964

72(2P-64)
И 71
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
имени Г. ЦАДАСЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XII

(СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала
1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АЛИКБЕРОВ Г. А., ГАДЖИЕВА С. Ш., ГАДЖИЕВ В. Г.
ДАНИЯЛОВ Г. Д. (ответствен. редактор)
МИКАИЛОВ Ш. И., ШИХСАИДОВ А. Р., ЮСУФОВ Р. Ф.

31568

Дагестанский филиал
Академии наук СССР
Научная библиотека

И С Т О Р И Я

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ДАГЕСТАНСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПЕРЕЖИТКОВ ИСЛАМА В СОЗНАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.

Период развернутого строительства коммунизма характеризуется большими творческими поисками и успехами во всех областях идеологической деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Главным условием этого явилось восстановление ленинских принципов в партийной работе, которые характеризуют «... прежде, всего и главным образом высокая коммунистическая идейность, партийность, непримиримость к враждебной идеологии, единство теории и практики, слова и дела, творческое применение и развитие революционной теории, умение сливать воедино политическое образование, марксистско-ленинскую закалку широких масс с их организацией на решение насущных политических и хозяйственных задач».¹

Среди многообразных задач идеологической борьбы ЦК КПСС против последствий культа личности, за торжество ленинских идей, важное место заняло и разоблачение ошибок и извращений в области идейно-воспитательной работы и, в частности, в проведении антирелигиозной пропаганды.

В антирелигиозной работе, так же как и во всей идейной жизни партии и страны, оставила свои болезненные следы сталинская тенденция администрирования.

Не везде соблюдались указания В. И. Ленина о том, что «... бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу. Такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении».²

¹ Л. Ф. Ильичев. XXII съезд КПСС и задачи идеологической работы. Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25—28 декабря 1961 г. Москва, 1962, стр. 13.

² В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде рабочих 19 ноября 1918 г. Соч., т. 28, стр. 161.

Перегибы, допущенные в период культа личности Сталина, ослабляли действенность антирелигиозной пропаганды, снижали ценность их достижений, мешали людям осмыслить целесообразность борьбы с религиозными предрассудками. Слабая связь антирелигиозной пропаганды с пропагандой коммунистического мировоззрения в условиях культа личности, а также последовавшее в военные и послевоенные годы ослабление атеистической работы привели к некоторому оживлению религиозных предрассудков среди отсталой части населения. Вскоре после того, как был развенчан культ личности, партия взялась за ликвидацию последствий культа в области антирелигиозной пропаганды. Партия широким фронтом повела борьбу против религиозного дурмана.

Однако некоторые партийные организации пытались вести антирелигиозную пропаганду старыми порочными методами. Кое-где идейную борьбу с религией стали подменять критикой отдельных служителей культа, допускать факты оскорбления религиозных чувств верующих.

Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» осудило эти ошибки и подчеркнуло необходимость неукоснительного соблюдения ленинских указаний при проведении атеистической работы. «Необходимо иметь в виду, — говорится в постановлении, — что оскорбительные действия по отношению к церкви, духовенству, верующим гражданам несовместимы с линией партии и государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречат Конституции СССР, предоставляющей советским гражданам свободу совести».³

XXI съезд КПСС еще раз указал, что вопросы преодоления пережитков прошлого в сознании людей, вопросы выработки научного мировоззрения должны стоять в центре внимания партийных, советских, комсомольских и общественных организаций.

«Вся идеологическая работа нашей партии и государства, — говорил Н. С. Хрущев на съезде, — призвана развивать новые качества советских людей, воспитывать их в духе коллективизма и трудолюбия, социалистического интернационализма и патриотизма, высоких принципов морали нового общества, в духе марксизма-ленинизма».⁴

Современный этап в истории нашей страны характеризуется развернутым строительством коммунизма, успех которого зависит от активного участия в нем всего нашего народа.

---

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов..., часть IV, изд. 7, 1960, стр. 47.

⁴ Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет, Госполитиздат, 1959, стр. 55.

В этих условиях: «Первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма, как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов. Партия ставит задачей воспитание всего населения в духе научного коммунизма, добиваясь, чтобы трудящиеся глубоко понимали ход и перспективы мирового развития, правильно разбирались в событиях внутри страны и на международной арене, сознательно строили жизнь по-коммунистически».⁵

Выполнение этой задачи находится в прямой зависимости от успешной борьбы за преодоление религиозных пережитков в сознании некоторой отсталой части людей. Вот почему Н. С. Хрущев на XXII съезде говорил: «Нужна продуманная и стройная система научно-атеистического воспитания, которая охватывала бы все слои и группы населения, предотвращала распространение религиозных воззрений, особенно среди детей и подростков».⁶

Партия уделяет огромное внимание поискам и выработке новых форм и методов атеистического воспитания, соответствующих новому этапу развития нашего общества. В связи с этим большое значение приобретают вопросы о характере антирелигиозной работы, преодоления препятствий на пути атеистического воспитания масс в современных условиях.

За последние годы Дагестанская областная партийная организация накопила большой опыт борьбы против влияния религиозных верований и особенно против наиболее трудно преодолимой религии — ислама в сознании людей.

Трудность борьбы с пережитками религии в нашей республике обусловлены высокой степенью религиозности населения Дагестана в прошлом. В самом деле, трудно найти в мусульманском мире место, где ислам был бы так силен, как в дореволюционном Дагестане. Свыше 1700 мечетей, тысячи духовных школ, 40 тысяч служителей культа, что составляло свыше 4% к общему числу населения⁷ (для сравнения можно сказать, что в России духовенство не составляло и одной десятой процента). Такова картина дореволюционного Дагестана. По меткому выражению М. Н. Покровского «ислам стал отхожим промыслом Дагестана», вплоть до Октябрьской революции Дагестан являлся поставщиком мусульманского духовенства для всего Кавказа и частично Средней Азии.

---

⁵ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 409.

⁶ Там же, стр. 111—112.

⁷ Г. Д. Даниялов. Социалистические преобразования в Дагестане 1920—1941 гг., Махачкала, 1960, стр. 91.

В горах, в условиях крайне низкого развития производительных сил и культуры, трудящиеся горцы возлагали много надежд на всемогущество аллаха, которому они с неустанным терпением и пунктуальностью молились по 5 раз в сутки. Современный аварский писатель Муса Магомедов в произведении «Месть» так пишет о жизни горца в то время: «Голоден был горец или давило его безысходное горе, он обращался к аллаху. Даже у самого озлобленного пробуждалась надежда на милость бога. Трудно было жить без веры в бога в глухом ауле, окруженном цепью мрачных гор. Бедна и темна была жизнь, полна бед и невзгод, но каждый горец верил, надеялся, что с помощью аллаха, его провидения, он изменит свою несчастную долю».

Когда же эта тяжелая доля горца изменилась, не с помощью аллаха, а с помощью и под руководством атеистов-коммунистов, с помощью Советской власти, надобность в религии отпала. Подавляющая часть горцев отошла от ислама.

Конечно, отмирание старого и зарождение нового в общественном сознании горцев было не пассивным механическим актом, а закономерным результатом активной деятельности Коммунистической партии. Установление Советской власти и социалистические преобразования в Дагестане проходили в ожесточенной классовой борьбе, в ходе которой обнажалась реакционная сущность религиозных предрассудков и антинародная роль мулл и других слугителей культа.

Чтобы подорвать влияние религии, партия должна была добиться резкого повышения материального благосостояния масс, ликвидировать неграмотность, обеспечить высокий культурный уровень народа ежедневно, ежечасно на убедительных примерах из повседневной жизни доказывать несостоятельность и вредность религиозных верований.

Конечно, говорить о полном преодолении ислама еще рано. Религиозные представления, иллюзии, привычки и настроения, внедряющиеся в сознание верующих в течение многих столетий, обладают большой живучестью. «...от мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, — говорил Ленин, — не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями».⁸

Религиозные представления не только живучи, но при определенных условиях могут и оживляться.

Организовать действенную научно-атеистическую пропаганду можно лишь на основе глубокого изучения религии, на основе учета всех сторон ее воздействия на массы и степени ее распространения.

---

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 94.

Опыт показывает, ни одна религия не проникает так глубоко в быт, как ислам. Шариат определяет не только отношения верующего к богу и церкви, но и все человеческие взаимоотношения, вплоть до бытовых мелочей. Шариат — это не только религиозное право, он включает в себя публичное, частное, личное, гражданское, уголовное и семейное право и даже санитарии и гигиену. В нем строго регламентирован каждый шаг жизни верующего, каждый его поступок.

Мусульманское духовенство, не знающее никакой тайны «священства»,⁹ теснее, чем, например, христианское, связано с верующими.

Отсутствие официального духовного лица в населенном пункте не затрудняет проведение религиозных обрядов, его роль может взять на себя любой верующий мужчина. Поэтому прав был профессор Климович Л. И., когда, выступая на Всесоюзном совещании по вопросам научно-атеистического воспитания в свете решений XXII съезда, говорил: «Следует иметь в виду и то, что официальное мусульманское духовенство — это совсем небольшой процент по отношению к духовенству, реально действующему среди населения».¹⁰

В условиях растущего ослабления влияния религии на советских людей, религиозные организации делают все возможное, чтобы задержать отход верующих от ислама. Духовенство пытается приспособить ислам к условиям жизни и быта советских людей, к социалистической действительности.

Так, например, служители культа пытаются доказать совместимость идеалов ислама, его социальных принципов с принципами коммунизма. Так служители ислама пытаются доказать, что коммунистическая и мусульманская морали вполне совместимы и не противоречат друг другу. Они понимают, что идеи коммунизма прочно вошли в умы и сердца советских людей, поэтому внушают своей пастве мысль, что исходной точкой коммунистического учения является ислам, что пророк Мухаммед первый провозгласил идею создания царства божьего на земле, идею, которую сейчас, по их мнению, претворяют в жизнь коммунисты. «Мы искренне рады величественным успехам советских людей и нашей Родины, — говорит один из представителей официального дагестанского духовенства, — недалеко то время, когда наша страна сделает новый и в высшей степени важный скачок, советский народ будет пожинать богатый урожай, ради которого действовал Мухаммед. Его идеи и устремления вопло-

---

⁹ Ни по одежде, ни по образу жизни мулла не отличается от простых «мирян», и по корану им может быть любой мусульманин, имеющий элементарные познания в священном писании.

¹⁰ Журнал «Наука и религия», № 3, 1962, стр. 17.

щаются ныне в живом, формирующемся коммунистическом обществе».¹¹

Все эти хитросплетения церковников имеют целью обмануть массы, вовлечь их в лоно священного писания, спекулируя на стремлении народа к коммунизму. О такого рода махинациях духовенства, которое стремится заигрывать с рабочими и при необходимости выступает в защиту прав рабочего класса, желая «накопить маленький запасец популярности про черные дни»,¹² писал еще К. Маркс.

Мусульманское духовенство проявляет большую изобретательность в привлечении верующих и в сохранении своих позиций. При этом оно не останавливается даже перед прямым нарушением советского законодательства.

Несмотря на то, что в большинстве населенных пунктов нет мечетей, духовные лица пытаются проводить службы в молитвенных домах, у источников, колодцев и т. д. Под видом благотворительной деятельности по ремонту источников и колодцев, духовенство приспособливает их для молений.¹³

В целях распространения религии представители духовенства активно вмешиваются в личные отношения и семейную жизнь верующих, выступают посредниками при ссорах, разводах и решают эти вопросы по шариаду.

В стремлении во что бы то ни стало увеличить свою паству мусульманское духовенство зачастую вынуждено теперь нарушать и прямые предписания корана. Раньше, как известно, женщины не допускались в мечеть, теперь же во всех действующих мечетях стали оборудоваться специальные помещения для женщин, чтобы как-то увеличить число молящихся. В силу целого ряда причин освобождение женщин от религиозных предрассудков происходит значительно медленнее и служители культа используют это для расширения своего влияния на трудящиеся массы.

Особенно активизируют свою деятельность служители культа в дни религиозных праздников. Они проводят беседы на религиозные темы, устраивают громкие публичные чтения корана, организуют паломничества к «святым местам».

Учет приспособленческой тактики служителей ислама и методов их работы является важнейшим условием развертывания наступательной и действенной антирелигиозной пропаганды.

За последние годы Коммунистическая партия Советского Союза проделала большую работу по идеологическому воспитанию трудящихся по пропаганде марксистско-ленинской

---

¹¹ Цитируется по книге М. Абдуллаева и С. Гаджиева. Поговорим о мусульманской религии. Махачкала, 1962, стр. 82.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 563.

¹³ Советская этнография, 1960, № 5, стр. 149.

идеологии и преодолению пережитков в сознании людей. Важную роль в этой работе сыграли те изменения, которые происходят повседневно в жизни нашей стране, нашего народа, победоносно идущего к своему светлому будущему, к коммунизму. Партия широким фронтом повела народ на борьбу за воспитание нового человека, за человека будущего. Наряду с созданием материально-технической базы коммунизма, улучшением бытовых условий нашего народа, партийные организации больше внимания стали уделять вопросам идеологического воспитания трудящихся.

Неузнаваемо изменилась жизнь дагестанского аула. Зажиточными стали теперь колхозники, в быт прочно вошло электричество, бытовые машины. Жители гор получили возможность пользоваться новейшими видами транспорта — комфортабельными автобусами, самолетами, в селах завершена радиофикация, а кое-где и телевидение. Все это приближает быт колхозников к быту городского населения.

Грандиозные успехи советского народа в строительстве коммунизма, науке и технике произвели громадные изменения в умах людей. Все больше и глубже овладевает наш народ самой передовой в мире идеологией, все меньше и меньше в умах людей остается места для отживших догматов религии, пережитков ислама.

В этой связи характерно письмо бывшего муллы уркарахской мечети Дахадаевского района Дагестанской АССР Гасана Нурмагомедова. Он пишет, что всю жизнь аккуратно исполнял предписания ислама, просил аллаха ниспослать ему материальное благополучие. Однако только Советская власть, колхозный строй создали ему и другим пожилым людям обеспеченную старость. Меня переубедили, — пишет он, — «дни действительных чудес, совершающихся не по воле аллаха, а по воле и желанию советского народа, строящего светлое будущее всего человечества — коммунизм. Разве запуск искусственного спутника земли без разрешения и согласия аллаха в его «святое обиталище» — космос не является чудом?».¹⁴

В письме другого бывшего священнослужителя, 73-летнего старика из аула Цовкра Магомеда Меджидова говорится: «В век, когда наука и техника пробивают путь к луне, я не могу верить ни в бога, ни в пророка».¹⁵

В борьбе за преодоление ислама, как и всякой религии, партийная организация применяет самые разнообразные формы и методы. Наиболее действенным методом, проявив-

---

¹⁴ «Блокнот агитатора». Орган отдела пропаганды и агитации Дагестанского обкома КПСС, № 17, 1961 г., стр. 16.

¹⁵ Газета «Хяххя барчъ» — орган Кулинского РК КПСС и исполкома райсовета депутатов трудящихся, 28 февраля 1961 г.

шим себя на практике, является хорошо организованная систематическая воспитательная работа, а также устная научно-атеистическая пропаганда.

Действенность устной пропаганды в первую очередь определяется составом лекторов и качеством лекций. Поэтому партийные организации большое внимание уделяют подготовке и переподготовке кадров атеистов. Еще два года назад наиболее распространенной и почти единственной формой подготовки таких кадров были эпизодические краткосрочные семинары лекторов-атеистов.

Семинары очень эффективны как форма повышения квалификации уже подготовленных пропагандистов атеизма, но как средство подготовки новых кадров, конечно, недостаточны. За три-четыре дня человек, не имеющий систематических знаний в области атеизма, не может получить такую подготовку, чтобы иметь возможность с пользой для дела выступать перед верующими. А между тем, современный этап в научно-атеистической пропаганде требует резкого увеличения числа атеистов лекторов, докладчиков и постоянного повышения их квалификации.

Для разрешения этой задачи стали создаваться курсы лекторов-атеистов с более длительными сроком обучения. Например, в мае 1961 года в Махачкале 150 человек прошли двухнедельные курсы.¹⁶ Причем интересно отметить, что если раньше Дагестан являлся кузницей духовных кадров для всего Северного Кавказа, то теперь он оказывает немалую помощь соседним республикам и областям в подготовке квалифицированных пропагандистов-атеистов. Например, среди слушателей вышеуказанных курсов были представители Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесской области. В 1961—62 учебном году обком КПСС, партийные комитеты начали подготовку кадров атеистов в системе политического просвещения. В городах Кизляр, Дербент, Буйнакс и в Ботлихском районе были созданы годичные школы лекторов и пропагандистов атеизма.¹⁷ Первый выпуск Ботлихской школы составил более 40 человек учителей, врачей, зоотехников, агрономов, заведующих клубами и библиотеками, советских работников, имеющих хорошую общеобразовательную подготовку и опыт пропагандистской работы.

Улучшение работы по подготовке антирелигиозного актива благотворно сказалось на состоянии атеистической работы в районе. Резко сократились число людей, посещающих мече-

---

¹⁶ Текущий архив Дома политического просвещения обкома и Махачкалинского горкома КПСС.

¹⁷ Дагестанская правда, 10 октября 1962.

ти, паломничество верующих к «святым местам», редкими стали случаи многоженства.¹⁸

Практика организации школ атеистов при горкомах и райкомах, а также создание отделения атеизма при Махачкалинском вечернем университете марксизма-ленинизма показали, что такие школы и курсы необходимо создавать во всех городах и районах республики. При комплектовании сети партийного просвещения уже в следующем году школы стали создаваться не только при райкомах, но и при первичных партийных организациях. Например, в Хасавюртовском районе были открыты школы атеизма при 6 первичных парторганизациях. Они были организованы в тех населенных пунктах, где наиболее резко проявлялись религиозные предрассудки и пережитки.¹⁹

Мероприятия, проведенные по подготовке лекторов-атеистов, способствовали улучшению лекционной пропаганды и ее качества. Если в 1957 году в республике было прочитано 4484 лекции, а в 1958 году — 9280, то в 1961 году число лекций составило 12657.²⁰ Качество прочитанных лекций значительно повысилось.

Важное место в антирелигиозной пропаганде занимают кабинеты и уголки атеистов, ставшие методическими центрами научно-атеистической пропаганды. Их работу можно проиллюстрировать на опыте кабинета атеиста сел. Маджалис Кайтагского района. Кабинет был создан по решению бюро райкома КПСС. Руководит им совет кабинета во главе с секретарем райкома.

Первым шагом в работе кабинета явилось создание постоянно действующего семинара для подготовки пропагандистов и агитаторов.

В работе кабинета принимает участие широкий актив лекторов-атеистов. Для проведения индивидуальной работы среди населения организована специальная группа, в основном из пожилых, более опытных атеистов: бывших красных партизан, опытных партийно-советских работников, пенсионеров, пользующихся большим уважением среди колхозников.

Кабинет имеет свои отделения во всех крупных населенных пунктах района, где созданы группы лекторов. Каждый член совета раз в месяц составляет материал в помощь лекторам и рецензирует не менее двух лекций сельских лекторов на научно-атеистические темы.

Планомерная работа кабинета дала свои положительные результаты: за последнее время совершенно прекратилось

---

¹⁸ Текущий архив Дагестанского областного комитета радиовещания и телевидения.

¹⁹ Дагестанская правда, 23 сентября 1962 г.

²⁰ Текущий архив правления Дагестанского республиканского общества по распространению политических и научных знаний.

проведение мавлидов, перестали отмечаться и другие религиозные праздники.

Бюро обкома КПСС одобрило опыт Кайтагского райкома и рекомендовало другим партийным организациям²¹ использовать его в своей антирелигиозной работе.

Одним из основных условий действенности антирелигиозной пропаганды является проведение ее не кампанейски, от случая к случаю, а систематически, планомерно.

За последние годы партийные организации открыли целый ряд новых форм антирелигиозной работы. Большой интерес представляет использование традиционных народных праздников.

Интересный опыт в антирелигиозной работе накопила партийная организация сел. Кара Лакского района. У дагестанцев издавна существует обычай собираться друг у друга, чтобы коротать долгие зимние вечера. Обычно у кого-нибудь в доме собирается до 25—30 человек, почти все взрослое население квартала.

Здесь ведутся беседы на самые разнообразные темы. Агитаторы-атеисты используют эти вечера, чтобы в непринужденной обстановке побеседовать с сельчанами на антирелигиозные темы, рассказать что-либо о достижениях науки, техники, опровергающих измышления духовенства, разъяснить вред того или иного религиозного обычая, праздника. Эти беседы хорошо слушают и старики и женщины, и польза от них несомненна.

Такого рода беседы полезны тем, во-первых, что организация досуга колхозников связывается с пропагандой полезных знаний, во-вторых, колхозники отвлекаются от ненужных сплетен, рассказов, создающих порой между людьми нездоровую атмосферу. Но самое главное в том, что это дает возможность охватить систематической антирелигиозной работой именно тех людей, которые, как правило, не посещают клуба и не слушают выступлений лекторов.²²

Ценный опыт в атеистическом воспитании верующих накопили партийная и комсомольская организация Ахтынского района. Молодежь района проявляет большую изобретательность, находчивость в постановке работы с верующими.

Райком ВЛКСМ совместно с райкомом партии организовали специальные курсы-семинары, на которых прошли атеистическую подготовку бригадиры, звеньевые, ряд бригадиров из числа колхозников. Основной упор в работе стали делать на короткие 10—15-минутные беседы на естественно-научные

---

²¹ Текущий архив обкома КПСС. Протокол бюро обкома КПСС от 9/II 1959 г., стр. 1—2.

²² «Цлусса ххуллу» («Новый путь») — на лакском языке, орган Лакского РК КПСС и райсовета депутатов трудящихся, 7 апреля 1962 г.

и атеистические темы. Бригадир или звеньевой во время перерыва рассказывает колхозникам о последних событиях в политической жизни страны, о трудовом героизме советских людей и т. д. Непринужденная обстановка, при которой обычно проходят беседы в трудовом коллективе, способствует постепенному вовлечению верующих в беседы на атеистические темы. Они охотно задают вопросы, спорят по конкретным фактам, иногда долго и упорно не соглашаются. Но в конце концов эти беседы приводят к тому, что самим верующим становится очевидна вся несостоятельность их религиозных убеждений. Так атеистическая пропаганда становится действенной, тесно связанной с жизнью.

Работа с нетрудоспособными пожилыми колхозниками сосредоточена в квартальных комитетах.²³ Кроме того, периодически райком КПСС собирает женщин-домохозяек и проводит с ними беседы, организует просмотр кинофильмов, концертов художественной самодеятельности.

Успешно применяется в борьбе против ислама и такая, возникшая в последние годы форма атеистического воспитания трудящихся, как вечера вопросов и ответов и тематические вечера по отдельным проблемам, связанным с религиозными представлениями людей. Такие вечера привлекают значительное число верующих и при умелой подготовке и проведении достигают большого успеха.

Наиболее важной формой атеистического воспитания на современном этапе является индивидуальная работа с верующими.

В развертывании индивидуальной работы с верующими решающую роль сыграло постановление ЦК КПСС от 9 января 1960 г., которое предложило «широко практиковать индивидуальные формы воспитательной работы, доходить до каждого советского человека, помогать его идейному росту, конкретно и предметно бороться против пережитков капитализма в сознании людей».²⁴

Это указание партии нашло горячий отклик в партийных организациях нашей республики. Повсеместно оживляется атеистическая работа среди населения, особенно сельского, шире стал применяться метод индивидуальной работы с верующими, как наиболее действенный. Вместе с тем следует помнить, что индивидуальная работа с верующими является так же наиболее трудной, сложной, она требует большого умения, настойчивости и, главное, внимательного, терпеливого отношения к верующему. Наибольшую удачу приносит та работа, которая начинается с установления дружбы, простых человеческих отношений между агитатором и верующим.

---

²³ Блокнот агитатора, № 16, 1959, стр. 15—16.

²⁴ КПСС в резолюциях..., ч. IV, стр. 600.

Житель поселка Тарки Ленинского района Абдулзагир Шахманов, попав под влияние муллы Магомеда Хасбулатова и кадия Арсланали Мамаева, стал муэдзином²⁵ в местной мечети. Ради этого «богоугодного занятия» он оставил школу, где успешно учился в седьмом классе.

Мулла и кадий внушали Абдулзагиру, что школьные занятия противоречат святой вере, что истинные знания и мудрость заключены в коране. И юноша поверил своим наставникам. Он с рвением стал изучать коран.

Агитаторы Багандов, Шабаев, Муалханов взялись за перевоспитание юноши. Они часто встречались с Абдулзагиром и подружились с ним. Часто бывали у него дома, вели с ним душевные беседы, говорили с его матерью, старшим братом. Иногда им удавалось привести Шахманова в агитпункт. Здесь в «уголке атеиста» ему давали читать книги и брошюры, разоблачающие религию. Но в это время не дремали кадий Арсланали и мулла Магомед. Они делали все возможное, чтобы удержать своего муэдзина на «пути истины». Они уговаривали его, страшили вечным огнем в аду. Это была поистине борьба друзей-атеистов и мечети за человека. Победили друзья Шахманова. Он освободился от вредного влияния мулл, порвал с ними, вновь стал посещать школу и успешно окончил семилетку. А вскоре он и сам включился в борьбу против религиозных пережитков.

Под влиянием этих же агитаторов порвали с религией регулярно посещавший ранее мечеть молодой рабочий — маляр Асадулла Таймасханов, пожилой рабочий Хасан Арсланалиев, оставил свой «пост» и занялся полезным трудом Абдурахман Османов.²⁶

Нередко настойчивая кропотливая индивидуальная работа успешно воздействует на отдельных активных служителей мусульманского культа, примером может служить случай, происшедший в селении Хуштада Цумадинского района. Некий Джамалутдинов А., уединившись в специально затемненной комнате, объявил себя шейхом. Суеверные люди поверили ему и постепенно вокруг новоявленного «святого» начали группироваться верующие. Требовались срочные меры, но применение административных мер, что, кстати говоря, в данном случае не явилось бы нарушением советского законодательства о культах, могло создать вокруг имени «шейха» ореол страдальца «за веру». Партийная организация колхоза нашла хороший выход. Опытному агитатору-коммунисту Абдулле Закарьяеву поручили заняться этим вопросом. В течение долгого времени, почти ежедневно Закарьяев посещал «шейха» и проводил с ним беседы. Наконец, ему удалось до-

²⁵ Муэдзин — человек, призывающий «правоверных» на молитву.

²⁶ Дагестанская правда, 17 июня 1960 г.

вести до сознания Джамалутдинова всю бессмысленность его добровольного затворничества. Он не только вышел из своей темницы, но и публично признался, что он обманывал людей.²⁷ Открытое отречение «святого» явилось большой победой агитатора, значение которой в первую очередь определялось воздействием факта на людей, слепо веривших шейху.

Как отмечалось в докладе т. Эльдаровой «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» на пленуме обкома 26 мая 1960 г., в Дагестане за короткий срок, благодаря индивидуальной работе, 50 влиятельных верующих и служителей культа порвали с религией, публично высказавшись об этом в печати и по радио. Сотни обманутых откололись от различного рода религиозных сект и включились в активную общественную и трудовую жизнь.²⁸

Нет сомнения, что эти успехи были бы еще более значительными, если индивидуальная работа в целом по республике получила бы еще более широкое распространение.

Важность индивидуальной работы в борьбе за преодоление пережитков ислама в Дагестане еще и в том, что основная масса пожилых людей и домохозяек, составляющих подавляющее число верующих, весьма неохотно посещают массовые антирелигиозные мероприятия и работа с ними возможна только в индивидуальном порядке.

Издавна старики в Дагестане пользуются особым влиянием на молодое поколение, и это влияние отнюдь не исключается в области религиозной идеологии. Значительное влияние на религиозность детей оказывали верующие матери.

Это подчеркнул в своем выступлении на теоретической конференции идеологических работников республики 26—27 июня 1962 года и секретарь обкома КПСС Даниялов А. Д. «... религиозные убеждения, особенно старшего поколения, они в крови, ими пропитан человек, каждый день этот человек общается и вращается в семье, в окружении, он насаждает эти убеждения в семье и старается охватить этим влиянием близких. На лекции и доклады, которые сплошь и рядом носят декларативный характер, как известно, они не ходят. С ними надо вести индивидуальную работу».²⁹

Опыт многих первичных партийных организаций Дагестана показывает, что умелая индивидуальная работа со стариками выступает как основа успеха многих массовых меро-

²⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 5, оп. 33, д. 13, л. 20.

²⁸ Текущий архив обкома КПСС.

²⁹ А. Д. Даниялов. Целеустремленность, действенность — главное в идеологической работе. «Блокнот агитатора» № 13—14, 1962 г. стр. 77—78.

приятий по преодолению вредных пережитков прошлого. Закрывание большого количества «святых мест по республике было обеспечено во многом именно благодаря правильно поставленной предварительной работе со старыми жителями аулов. Выступления стариков на сельском сходе во многом предопределяют его решение.

Например, в селении Параул бывшего Карабудахкентского района на сходе с требованием закрыть зиярат Ильяс-устаза выступили 75-летние Изиев И. и Адлигишиев Б., 77 летний Хангишиев Б. Даже кадий местной мечети И. Исмаилов, вынужденный выступить, не осмелился сказать что-либо против стариков.

Сход единодушно постановил «ввиду того, что зиярат, находящийся в селении Параул, приносит вред колхозному производству, общественной жизни, затуманивает сознание жителей села, особенно подрастающего поколения — закрыть его».³⁰

В искоренении религии и других пережитков прошлого все большую роль начинает играть воздействие общественного мнения.

В Дагестане, как и в других республиках и областях Северного Кавказа, в последнее время широкое распространение получило обсуждение на сельских сходах пережитков прошлого, бытующих еще среди населения, резкое осуждение и отказ от вредных обычаев и обрядов.

Сельскому сходу обычно предшествует кропотливая подготовительная работа, от которой в конечном счете и зависит успешный результат собрания. Представляет в этом отношении интересный опыт Изербашского горкома партии.

Неподалеку от сел. Утамыш находилась «священная могила 16 шейхэв», которая ежегодно привлекала большое количество верующих. Паломничество сюда сопровождалось убоим скота, сбором денег, фруктов, коллективными молебнами и т. д. Вокруг «святого» места группировались тунеядцы и мошеники, которые, усердно раздувая религиозный фанатизм, превратили его в источник легкой наживы. Вскоре религиозные фанатики открыли новую «святую могилу» некоего Багадир-ата в соседнем селе Гаша. Усилили так же свою деятельность священнослужители аулов Алхаджикент и Каякент. Участились массовые богослужения — «мавлиды». В селениях Каякенте и Первомайском духовенство даже пыталось в обход советских законов открыть мечеть, обучать детей школьного возраста корану.³¹

Учитывая неблагополучное положение в постановке анти-

³⁰ Архив обкома КПСС, ф. 1637, оп. 21, д. 75, лл. 20—23; Дагестанская правда, 12 декабря 1959 г.

³¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 868, д. 3, лл. 175—176.

религиозной пропаганды среди населения, бюро горкома партии несколько раз возвращалось к данному вопросу и наметило целый ряд мероприятий по усилению атеистического воспитания населения. С целью мобилизации интеллигенции на борьбу против пережитков были проведены специальные совещания с медработниками, учителями и работниками культпросветучреждений.

В населенных пунктах стали регулярно проводиться лекции, доклады, беседы на естественно-научные и атеистические темы, тематические вечера и вечера вопросов и ответов.

Особый упор в Утамыше был сделан на индивидуальную работу. Агитаторы и регулярно приезжавшие работники горкома КПСС навещали пожилых и наиболее авторитетных людей аула и в непринужденной обстановке беседовали с ними о заботе нашего государства о престарелых, многодетных матерях, об успехах советской науки и техники. На конкретных фактах каждому объясняли несостоятельность религиозных верований, бессмысленность и вредность посещения «святых» мест.

В результате работы всей интеллигенции села многие верующие отказались от посещения зиярата. Партийная организация сочла момент подходящим для созыва сельского схода. 14 ноября 1959 г. общественность селения Утамыш вынесла решение закрыть зиярат.

Большое впечатление на присутствующих произвело выступление столетних жителей Минаша Хадулова и Бахмута Мамалаева, 85-летнего Магомеда Аджаква. Убеленный сединами Минаш сказал: «Я здесь старше вас всех и никто больше меня не бывал в зиярате. Но скажите, какую пользу приносит зиярат народу? Никакой. Он разве дал нам электричество, радио, наше нынешнее благополучие. Нет! Дорогие мои, не нужен нам зиярат. Перестал я ходить туда. И вам говорю: не ходите. Не ходите, дети мои!». Сход единодушно проголосовал за закрытие зиярата и обратился через печать к верующим других районов с призывом прекратить паломничество к этому месту.³²

Решением сельских сходов за несколько месяцев в Дагестане было закрыто 35 активно посещаемых паломниками «святых» мест.³³

Конечно, верующие с закрытием «святых» мест и мечетей не становятся сразу же убежденными атеистами. Но начало сознательному отношению к религиозным представлениям, сомнениям в истинности установлений ислама уже положено.

---

³² Справка о работе Избербашского горкома КПСС по закрытию так называемых «святых» мест в Каякентском районе. Текущий архив обкома КПСС.

³³ Текущий архив Дагобкома КПСС. Материалы II пленума обкома от 26 мая 1960 г., стр. 130.

И, главное, закрыт источник, постоянно пополнявший запас суеверий.

На народных сельских сходах обсуждаются многие другие вопросы, касающиеся вредных пережитков шариата.

Часто у того или иного человека не хватает смелости прямо отказаться от соблюдения старых обычаев, хотя он уже давно убедился в их никчемности. Главную роль при этом играет ложный стыд быть осужденным «общественным мнением», понимая под ним, ошибочно, мнение небольшой, отсталой части сельского общества. В этих случаях принятое и подкрепленное авторитетом всех жителей села решение не только помогает нерешительным, но и становится обязательным для рьяных приверженцев старины.

В феврале 1960 года в с. Нижний Дженгутай Буйнакского района состоялось собрание старых и пожилых жителей села. Собралось более 500 человек. Умудренные опытом, старые люди решительно выступили против вредных обычаев: калыма, сорокадневных поминок, шариатского брака. В решении собрания говорилось: «Мы гордимся тем, что составляем небольшую, но равноправную частицу советского народа, достигшего гигантских успехов в развитии экономики, науки, культуры и приступившего к строительству коммунизма. Вот почему мы считаем несовместимым с нашим прекрасным сегодня бытующий у нас такой позорный обычай, как калым.

Мы пожилые люди, с помощью молодежи решили изжить этот обычай. Сейчас в ауле с одобрения и при нашей помощи готовятся несколько комсомольских свадеб.

После длительного и детального обсуждения по домам, в бригадах и на сходах мы решили вести борьбу против других пережитков: зиярата, мавлюдов, браков по шариату, оставляющих многих детей несчастными, пьянства и хулиганства»³⁴.

Призыв нашел отклик во многих дагестанских аулах. Многие сельские общества постановили прекратить уплату калыма, добиваться обязательной регистрации браков в ЗАГСе, создавать атмосферу нетерпимости вокруг лиц, которые будут придерживаться старых обычаев, а злостных нарушителей привлекать к общественному суду. Контроль за выполнением решений многие общества возложили на созданные тут же советы стариков, советы девушек и другие общественные организации.

По инициативе избранного сходом совета стариков в поселке Сулак была устроена комсомольская свадьба рабочих А. Саралиева и А. Асадуллаевой. Молодые люди давно любили друг друга, но из-за калыма свадьба откладывалась.³⁵

³⁴ «Коммунист» — орган Буйнакского ГК КПСС и горсовета, 18 февраля 1960 г.

³⁵ «Дагестанская правда», 29 апреля 1960 г.

А в селении Батаюрт Хасавюртовского района общественность бойкотировала свадьбу, которую хотели провести по старым адатам. Ее организатор Казбек Сотеев понес убыток в 14 тыс. рублей (в старом масштабе цен)³⁶.

Большой вред наносят народу неофициальное духовенство, бродячие муллы, шейхи, гадалышки, знахари и тому подобные антиобщественные элементы. Они используют религию как источник легкой наживы и делают все, чтобы продлить ее существование. Их деятельность, как правило, выходит за рамки советского законодательства о культах.

В борьбе против подобного рода лиц огромное значение имеет общественность.

В программе КПСС говорится: «В борьбе с пережитками прошлого, с проявлениями индивидуализма и эгоизма большая роль принадлежит общественности, воздействию общественного мнения, развитию критики и самокритики. Товарищеское обсуждение антиобщественных поступков постепенно станет главным средством искоренения проявлений буржуазных взглядов, нравов и обычаев».³⁷

Десятки тунеядствующих ревнителей ислама под давлением общественности выступили в печати, по радио, перед сельскими сходами с заявлением об отречении от своих неблагоприятных дел и включились в честную, трудовую жизнь.

Период развернутого строительства коммунизма — решающий этап на пути преодоления религиозных пережитков, формирования коммунистического мировоззрения трудящихся. В связи с этим повседневная работа партийных организаций по идейному воспитанию масс наполняется новым содержанием.

Рассмотренные в данной статье некоторые формы и методы атеистической работы показывают, что главной заботой партийных организаций в этой работе стало расширение сферы ее действия. Это проявляется главным образом в повышении идейного и научного уровня пропагандистов и агитаторов атеизма, в поисках эффективных форм охвата верующих научно-атеистической пропагандой, в мобилизации широкой общественности на борьбу против вредных пережитков прошлого.

Однако, атеистическая работа все еще страдает серьезными недостатками. В ней много еще элементов кампанейщины и бессистемности, порой ее начинают только после каких-либо рецидивов проявления религии.

Подавляющая часть интеллигенции — учителей, врачей, специалистов сельского хозяйства — все еще стоит в стороне

---

³⁶ «Комсомолец Дагестана» — орган Дагестанского обкома ВЛКСМ. 18 декабря 1959 г.

³⁷ Материалы XXII съезда КПСС, стр. 412.

от антирелигиозной пропаганды. Из 30 тысяч специалистов с высшим и средним образованием, работавших в Дагестане в 1960 году, только 7 тысяч человек были членами общества по распространению политических и научных знаний.³⁸ И если учесть, что из их числа далеко не все занимаются антирелигиозной пропагандой, то станет ясным, какой огромный резерв может и должен быть использован партийными организациями для достижения целей атеистического воспитания масс.

---

³⁸ Текущий архив Дагестанского отделения Общества «Знание». Материалы Всероссийской научно-исследовательской конференции: «Преодоление пережитков ислама — насущная задача дня».

КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ ДАГЕСТАНСКОГО ДОКОЛХОЗНОГО АУЛА

Вопрос о сущности социально-экономических отношений, о процессе социального расслоения доколхозного аула один из важнейших вопросов истории социалистического строительства в республике. В 20-е годы эта проблема неизменно находилась в центре внимания партийной и научной общественности. Она обсуждалась на партийных конференциях и съездах Советов, на страницах периодической печати. Это и понятно: от правильного определения классовой структуры дагестанского аула в значительной степени зависела и практическая деятельность партийных и советских организаций в ауле вообще и направление сельскохозяйственной политики, в частности. Многие документы того периода, посвященные этому вопросу, носят на себя следы дискуссии, развернувшейся вокруг этой проблемы. До XV съезда партии эта дискуссия велась больше вслепую: оппоненты еще не располагали почти никакими статистическими материалами и верность суждений чаще всего зависела от умения правильно оценить и сопоставить специфические особенности, характерные для республики, и общие закономерности развития. И надо сказать, что в первое время агрикультурная и бытовая отсталость, живучесть полупатриархальных пережитков вносили в этот вопрос много путаницы, порождали ошибки в практической деятельности. Очень широко, особенно среди практических работников, руководителей партийных и советских организаций, было распространено мнение будто Октябрьская революция не внесла существенных изменений в жизнь дагестанского аула, будто дореволюционный аул не знал социального деления и прозябал на стадии общиннородовых отношений. В своей докладной записке на имя ЦК партии по итогам проверки деятельности дагестанской парт-организации инструктор ЦК ВКП(б) Ибрагимов Ш. Н. писал в марте 1924 года: «В своем большинстве дагестанский аул и теперь представляет из себя религиозно-родовую общину

с веками сложившимся бытом, обычаями и другими особенностями».¹

Эту точку зрения наиболее полно выразил Н. Самурский, бывший тогда председателем ДагЦИКа. В книге «Дагестан» он писал, что «ни торговый, ни промышленный капитал не проникал в дагестанские горы, не разложил родовой общины, и в Великую социалистическую революцию дагестанские горцы вошли с нетронутым от веков, окаменевшим патриархально-родовым бытом».² Однако материалы первого же весеннего опроса 1926 года решительно опровергли эту точку зрения. Материалы опроса свидетельствовали о довольно бурном процессе классового расслоения дагестанского аула. И этот факт уже никто не пытался опровергнуть. Но сторонники архаизации общественно-экономических отношений в Дагестане и тут пошли «своим» путем. Преувеличивая особенности аграрной революции в Дагестане и место пережитков в экономике и в быту, они стали утверждать будто в Дагестане «осереднячения, поравнения не было».³ С этим утверждением мы сталкиваемся довольно часто и в официальных документах того времени, принадлежащих как перу отдельных работников, так и исходящих от различных организаций. Эти документы содержат богатейший материал по истории социалистического строительства в республике и в этом отношении они незаменимы, но в них встречаются и неверные суждения, которые в конкретных условиях того времени, помимо желания их авторов, тормозили социалистическое преобразование аула, способствовали укреплению позиций эксплуататорских и националистических элементов и, до определенного времени, безусловно влекли за собой крупные и мелкие ошибки в практической деятельности.

Вместе с тем более близкое знакомство с материалами весеннего опроса 1926 года и выборочной 10-процентной сельскохозяйственной переписи 1927 года, более тщательное их изучение уже тогда привело многих исследователей-экономистов к мысли о том, что «Направление дифференциации крестьянства Дагестана характеризуется передвижкой крайних групп к средним, т. е. осереднячиванием деревни».⁴ Так характеризуется процесс социального деления дагестанского аула в записке «Экономика советской дагестанской деревни», подготовленной Наркомземом ДАССР в 1929 году и написанной на материалах весеннего опроса 1926 года. Такой же точки зрения придерживаются экономисты Кириллов А. С.⁵

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 13, оп. 6/№, д. 324, л. 1.

² Н. Самурский (Эфендиев). Дагестан, М.-Л., 1925, стр. 6—7.

³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 156.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 3, д. 10, л. 1—10.

⁵ Кириллов А. С. Земельная реформа в Дагестане. М., 1928.

и Масленников В. М.,⁶ участвовавшие в разработке материалов бюджетного обследования и весеннего опроса 1926 года и выборочных переписей 1927 и 1928 гг. Кириллов А. С., например, писал, что «по землепользованию середняк во всех районах (Дагестана — Г. О.) является центральной фигурой в деревне, у него почти везде сосредоточено больше половины всех земель».⁷ В целом по республике ему принадлежало 53,3 процента всех земельных угодий.⁸ И, конечно, это было результатом аграрных преобразований, осуществленных после установления Советской власти в Дагестане. Аналогичное положение наблюдалось по всей стране. 15 марта 1921 года на X съезде партии, в докладе о замене разверстки натуральным налогом В. И. Ленин говорил по этому поводу: «Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнильнее, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован, — в России больше, чем на Украине, в Сибири меньше. Но в общем целом, данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнилась, т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка».⁹

Однако острая идейная борьба, развернувшаяся в 20-е годы вокруг вопроса о процессе классового деления дагестанского аула, к сожалению, не завершилась последовательным изучением социальных отношений крестьянства в доколхозном дагестанском ауле, начиная от перехода к новой экономической политике. Дело кончилось более или менее полной для своего времени разработкой данных выборочных обследований 1926—1928 гг. Ни сравнительное изучение этих материалов, ни изучение итогов перегруппировки крестьянских хозяйств в результате Октябрьской революции не было осуществлено.

В итоге остались совершенно не изученными и такие важнейшие проблемы истории переходного периода, как характер социального строя и формы производственных отношений в доколхозном дагестанском ауле. Между тем опыт того периода привлекает внимание многих стран, строящих социализм или пытающихся встать на путь социалистического строительства, особенно стран Азии и Африки.

Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делается. Мы достаточно много писали о коллективизации дагестанского аула, об индустриализации ранее отсталой колониальной окраины, о культурной революции. За тридцать лет,

⁶ Плановое хозяйство Дагестана, 1930, № 1—2, стр. 41—50.

⁷ Кириллов А. С. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 193.

прошедших с того времени, опубликовано много статей, брошюр и монографий, посвященных истории социалистического строительства в ДАССР, дважды изданы «Очерки истории Дагестана» в двух томах. Но в них, к сожалению, вопрос о социальном строе и характере производственных отношений в дагестанском доколхозном ауле даже не поставлен. Данная статья также не преследует цели исследовать социальный строй и охарактеризовать производственные отношения в дагестанском доколхозном ауле — это задача специального исследования. В ней делается попытка раскрыть лишь один вопрос этой большой проблемы — как распределялись основные средства производства между экономическими группами крестьянства, и какие отношения складывались между ними в процессе производства.

Период, который исследуется в статье, берет свое начало примерно с 1921 года, когда в Дагестане был завершен разгром антисоветского мятежа Гоцинского, а страна в целом осуществила переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Это был очень тяжелый период. Империалистическая война 1914—1917 гг., четырехлетняя гражданская война и разразившаяся в 1922—1923 гг. засуха, голод и массовый падеж скота, нанесли народному хозяйству республики огромный ущерб. Особенно сильно пострадало сельское хозяйство. В 1923 году посевные площади по сравнению с 1913 годом сократились на 67 процентов, число овец и коз — на 33 процента, лошадей — на 36 процентов, крупного рогатого скота — на 20 процентов.¹⁰ Это не могло не сказаться на состоянии крестьянского хозяйства. Наблюдалось общее обеднение крестьян, передвижение их в низшие группы, даже по сравнению с далеко неблагоприятным 1917 годом. Приведем некоторые данные, наглядно свидетельствующие об этом. В 1917 году хозяйств без рабочего скота было 34,4 процента, а в 1923 году — уже 37,0 процентов, группа, имевшая 1—3 головы рабочего скота, в 1917 году составляла 62,4 процента всех хозяйств, а в 1923 году — 61,9 процента, высшая группа, имевшая 4 и более лошади, за это время сократилось с 3,2 процента до 1,1 процента обследованных хозяйств.¹¹

Обеднение крестьянских хозяйств в результате разрухи военных лет становится еще более отчетливым при сравнении данных по зонам. Например, на равнине число хозяйств без рабочего скота увеличилось на 10 процентов, а в предгорье — на 14,6 процента. В то же время в горах эта разница составила всего 2 процента.¹² Следовательно больше всего постра-

¹⁰ 10 лет соц. строительства в ДАССР. Махачкала, 1931, стр. 25.

¹¹ Плановое хозяйство ДАССР, № 2—3, 1929, стр. 112.

¹² Там же, стр. 117—118.

дали от разрухи равнинные и прилегающие к ним предгорные земледельческие округа, где в основном и разворачивались события гражданской войны и стихийные бедствия.

Однако надо заметить, что эти цифры далеко не полно отображают действительные итоги разорения и обнищания того времени. Дело в том, что, как мы видели выше, крупный рогатый скот, в том числе и рабочий, по ряду обстоятельств понес наименьшие потери — 20 процентов от общего поголовья. К тому же в годы гражданской войны и победы Советской власти трудовое крестьянство отобрало десятки тысяч голов скота, принадлежащего бывшим помещикам и активным контрреволюционерам, и, тем самым, как бы восполнило свои собственные потери. Куда тяжелее сказались эти годы на сельскохозяйственной технике. Число орудий по обработке почвы с 80 987 по переписи 1910 года уменьшилось до 39 049 к 1924 году, т. е. более чем в два раза. В связи с полным прекращением завоза особенно сильно сократилась численность усовершенствованного инвентаря. Например, в 1910 году железных плугов насчитывалось 29 200, а в 1924 году — всего 6488, т. е. в четыре с лишним раза меньше, борон стало меньше почти в одиннадцать раз.¹³ К сожалению, мы не располагаем материалами, дающими возможность показать, каким образом сказался этот ущерб на распределении сельскохозяйственной техники среди социальных групп. Бесспорно лишь одно, что по сравнению с дореволюционным временем в результате военной разрухи удельный вес безинвентарных дворов вырос чуть ли не наполовину.

Поэтому говорить об итогах перегруппировки крестьянских хозяйств в результате Великой Октябрьской социалистической революции по данным этих лет не приходится.

Коммунистическая партия и Советское государство своевременно приняли решительные меры, чтобы оказать помощь крестьянству и приостановить падение сельскохозяйственного производства. Благодаря этому уже с 1924 года начинается восстановительный процесс. К XV съезду партии посевные площади по сравнению с 1923 годом почти удвоились, поголовье скота было близко к уровню 1913 года, а численность крупного рогатого скота превысила довоенный уровень на 17 процентов.¹⁴

Значительные сдвиги произошли и в оснащении сельского хозяйства всевозможной техникой. В 1927 году по сравнению с 1923 годом количество железных плугов более чем удвоилось. По многим видам сельскохозяйственной техники был перекрыт и дореволюционный 1910 год. Так, в 1927 году по

¹³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 216, д. 416/2, л. 130.

¹⁴ 10 лет строительства в ДАССР, Махачкала, 1931, стр. 56.

сравнению с 1910 годом в пять с лишним раз выросло количество жаток, в четыре раза — количество сеялок, с 1804 в 1910 году до 3232 в 1927 году, увеличилось число сенокосилок и т. д.¹⁵ В это время впервые на полях Дагестана появился трактор. Накануне XV съезда партии в Дагестане насчитывалось 104 трактора. Эту усовершенствованную сельскохозяйственную технику дагестанский крестьянин получал из рук Советского государства. Однако в тот период наши возможности в этом отношении были ограничены. И наряду с самой современной базой неизбежно воссоздавалась и старая примитивная техника полеводства, которая могла обеспечить хозяйственный рост на очень небольшой срок. Так, в 1927 году по сравнению с 1923 годом почти удвоилось число таких примитивных орудий для подъема почвы, как соха и косуля. Их численность значительно превысила даже уровень 1910 года.¹⁶ Собственно говоря, когда преобладает мелкое полунатуральное хозяйство это и неизбежно.

Несмотря на эти изменения, все же сельское хозяйство Дагестана в целом не достигло уровня 1913 года. Тем более важно отметить нивелировку крестьянских хозяйств, происшедшую в результате аграрной революции. Перейдем к непосредственному анализу процесса классового расслоения дагестанского аула.

В советской исторической науке принято считать, что в послеоктябрьский период в социальном расслоении советского крестьянства главную роль играла не земля, которая была объявлена общенародным достоянием, а орудия производства. Еще XIII съезд партии в резолюции «О работе в деревне» отмечал, что если до этого орудием накопления и средством эксплуатации маломощных элементов являлась в основном земля, то теперь в этой роли выступают торговля, скот, инвентарь. Причем съезд указывал на это, как на своеобразие происходящего в деревне расслоения.¹⁷ Правда, кулак еще имел возможность путем аренды концентрировать у себя значительные массивы земли, но это уже зависело от его оснащенности другими орудиями и средствами производства.¹⁸ Главным экономическим фактором социальной дифференциации крестьян считается рабочий скот. И если учесть техническую отсталость того времени, это навряд ли может вызвать возражения. Это имеет прямое отношение и к Дагестану, правда, с некоторыми оговорками. Как мы уже отмеча-

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 100.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 100.

¹⁷ КПСС в резолюциях..., ч. 1, стр. 850.

¹⁸ В. П. Данилов. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства, М., 1961, стр. 18. (Материал для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР).

ли, до революции в Дагестане в валовом производстве сельского хозяйства преобладала продукция животноводства, в основном овцеводства. После революции, с присоединением Хасавюртовского, Кизлярского и Ачикулакского округов, чаша весов склонилась на сторону полеводства. Накануне XV съезда партии на долю полеводства приходилось 62,4 процента всей сельскохозяйственной продукции.¹⁹ Земледелие по-прежнему являлось главным занятием для подавляющего большинства населения республики. Однако в бюджете горных аулов попрежнему главную роль продолжали играть ремесло, отхожий промысел и животноводство.

Посмотрим, каковы же были итоги перегруппировки крестьянских хозяйств по владению рабочим скотом, которая произошла в результате Октябрьской революции. Вот сравнительные данные материалов сельскохозяйственной переписи 1917 и выборочного 10-процентного весеннего опроса 1926 года по одним и тем же округам (весь рабочий скот дан в переводе на рабочего вола).²⁰

Группы крестьянских хозяйств в (%%)	1917	1923	1926
Без рабочего скота	34,4	37,0	33,2
Хозяйство с одним волом	11,7	15,4	7,0
—«— с двумя волами	34,6	28,0	39,3
—«— с 3—4 волами	12,5	15,2	13,7
Свыше 4 волов	6,8	4,4	6,8
	100,0	100,0	100,0

Таблица со всей очевидностью свидетельствует о нивелировке крестьян. Всего больше уменьшилось число хозяйств или вовсе лишенных рабочего скота, или обеспеченных им совершенно недостаточно для самостоятельного хозяйствования, всего больше увеличилась группа средних хозяйств. Судя по таблице, в 1926 году средние слои составляли абсолютное большинство обследованного населения. Это выравнивание крестьян, рост низших слоев до уровня средних, происходил, главным образом, на базе их хозяйственного роста.

Одновременно, как видно из таблицы, в эти годы происходил также рост крупных зажиточно-кулацких хозяйств. И в этом нет ничего удивительного. Осуществляя переход от военного коммунизма к новой экономической политике, развязывая, правда, в определенных рамках, рыночную стихию и частную инициативу, В. И. Ленин предупреждал: «Не надо

¹⁹ Плановое хозяйство Дагестана, № 4—5, 1929, стр. 30.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 9, д. 3; Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 155; Плановое хозяйство Дагестана, № 2—3, 1929, стр. 112.

закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло».²¹ И пример Дагестана лишний раз подтверждает верность ленинского предвидения. Однако, при изучении таблицы, невольно может возникнуть вопрос: причины роста кулачества в эпоху нэпа понятны, но чем объяснить то, что за какие-нибудь 3—4 года (1921—1925 гг.) число зажиточных дворов, имеющих более четырех рабочих волов на хозяйство, достигло уровня 1917 года? Отвечая на этот вопрос, мы должны вновь подчеркнуть, что здесь, конечно сказалась незавершенность аграрной революции в Дагестане.

Если в центральных районах страны в 1918—1920 гг., т. е. в эпоху комбедов и военного коммунизма, экономическая мощь кулака была основательно подрезана и осереднячение крестьянства происходило главным образом за счет сокращения зажиточных слоев, Дагестан, как и многие другие районы страны, в это время находился в руках иностранных интервентов и внутренней контрреволюции и, естественно, не пережил революционных аграрных преобразований. Аграрная революция здесь осуществлялась в эпоху нэпа, в совершенно иных политических условиях, при совсем иной экономической политике, когда кулак получил возможность, используя рыночную свободу, наращивать свою мощь. Вместе с тем надо учесть, что в 1917 году за четыре года первой империалистической войны сельское хозяйство области пришло в упадок и в связи с этим произошло значительное сокращение этой группы по сравнению с довоенным временем.

Одновременно, эти же данные свидетельствуют о том, что в условиях Советской власти верхняя зажиточно-кулацкая группа была значительно ограничена в своем развитии. Так, в 1926 году, по сравнению с 1917 годом, поголовье крупного рогатого скота, в том числе и рабочего, выросло на двадцать с лишним процентов. Однако это не повлекло за собой соответственного увеличения этой группы по сравнению с 1917 годом. Наоборот, используемые нами данные об итогах перегруппировки крестьянства по владению рабочим скотом свидетельствуют о том, что в эти годы наиболее мощная кулацкая часть аульской верхушки росла очень медленно и далеко не достигла дореволюционного уровня. Согласно этим данным группа, имевшая свыше 8 голов рабочих волов на двор, в 1917 году составляла 1,8 процента, а в 1926 году — 1,1 процента всех хозяйств. Это говорит о том, что рост всей группы до уровня дореволюционного происходил в основном

---

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 202.

за счет увеличения не наиболее крупной кулацкой прослойки, а за счет увеличения крепких зажиточных хозяйств.

Как же распределялось между этими группами поголовье рабочего скота? К сожалению, используемые нами материалы переписей 1917 и 1926 годов не дают на этот счет никаких сведений. Но мы располагаем другими, не менее ценными материалами — данными налоговых сводок по единому сельхозналогу за 1925/1926 г. Анализ этих данных, охвативших 47,5 тысяч крестьянских дворов, показывает, что средние слои крестьянства, имевшие 2—4 головы рабочего скота на двор, составляли 48,4 процента всех хозяйств и у них было сосредоточено 57,8 процента всего рабочего скота.²² Однако, эти же данные свидетельствуют о большой неравномерности в распределении поголовья рабочего скота. Так группа бедноты, составлявшая 46,4 процента всех хозяйств, имела лишь 22,4 процента рабочего скота, а 5,2 процента кулацких дворов держали у себя 19,8 процента рабочего скота.²³ На одно хозяйство кулака приходилось в 5—8 раз больше рабочего скота, чем на двор бедняка.

Аналогичную картину мы наблюдаем и при анализе данных о распределении всякого скота в переводе на крупный. Так те же 48,4 процента средних хозяйств держали у себя 50,3 процента всего скота. Но неравномерность между крайними группами здесь еще более выразительная. Беднота, составляя 46,4 процента всех хозяйств, имела всего 17,6 процента скота, зато 5,2 процента крупных хозяйств концентрировали 32,1 процента всего поголовья.²⁴

Особенно ощутимой была эта неравномерность в овцеводстве. Главной причиной этого являлась исстари сложившаяся система животноводства, выгодная только для крупных скотоводов.

Советская власть с первых дней своего существования приняла ряд мер для облегчения участи мелкого овцеводства. Как мы уже отмечали, 4 мая 1920 года было принято постановление о бесплатной передаче горской бедноте бывших казенных и частновладельческих пастбищ. Чуть позднее в пользу маломощных животноводов был изменен и порядок их аренды. Лучшие и ближайшие пастбища в первую очередь стали отводиться мелким скотоводам и только после этого крупным собственникам скота.²⁵ Это не могло не сказаться на крестьянских хозяйствах. Произошла перегруппировка овцеводов. Число безовечных с 77,4 процента в 1917 году уменьши-

---

²² Сельское хозяйство Союза ССР в 1926—1927 гг. по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу. 1929, М., стр. 579.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ «Красный Дагестан», 14 сентября 1927 г.

лось до 70,4 процента к 1927 году. Удельный вес поголовья мелких и средних собственников в стаде с 47,3 процента вырос до 49,0 процентов, одновременно на 7,7 процента упал удельный вес зажиточных и крупных кулацких хозяйств.²⁶ Это особенно примечательно, если вспомнить, что в 1927 году овец было больше, чем в 1917 году на 22 с лишним процента. Значит весь прирост был связан с хозяйственным ростом мелких и средних хозяйств. А крупные хозяйства, наоборот, даже несколько уменьшили размеры своего стада. Так, по некоторым данным, 890 крупных собственников-кулаков до революции имели свыше 490 тыс. овец, а после революции максимальное число баранты в их руках не превысило цифры 360 тысяч, т. е. на 26,5 процента меньше, чем до революции.²⁷

Однако, несмотря на эти изменения, неравномерность распределения овец и коз между социальными группировками продолжала оставаться слишком резкой. Хотя удельный вес верхней наиболее зажиточной группы, да и общее число овец и коз в ее собственности, и уменьшился, тем не менее, и в 1927 году в ее собственности находился 51 процент всего овцепоголовья.

Это еще раз свидетельствует о том, что, несмотря на меры, принятые Советской властью, отгонное животноводство по-прежнему оставалось выгодным только для крупных хозяев. Это подтверждают также и данные бюджетного обследования 1926 года о доходности овцы в каждой из социальных групп, занимающейся откочевкой.²⁸

Группы хозяйств	Валовой доход с одной овцы	Расходы на ее содер- жание	Условно- чистый доход	В % к доходно- сти 1-й группы
Имеющие до 10 овец	5 р. 13 коп.	3 р. 28 коп.	1 р. 85 коп.	100
— « — от 5 до 100 овец	5 р. 83 коп.	2 р. 87 коп.	2 р. 96 коп.	160
— « — до 300 и более	7 р. 13 коп.	2 р. 87 коп.	4 р. 96 коп.	230

Чем больше стадо, тем быстрее рост дохода от овцеводства. Для мелких же хозяйств овцеводство доставляло много хлопот и приносило мало пользы. В этом и заключалась главная причина, обусловившая неравномерность в распределении овец между социальными группами. Но не менее важную роль играло и то обстоятельство, что в условиях национализации земли и ограничения всевозможных сделок с ней, животновод-

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 94, лл. 324—325.

²⁷ Там же, оп. 14, д. 16.

²⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 213, л. 35.

ство, в основном овцеводство, превратилось в отрасль, наиболее выгодную для наращивания капиталонакоплений. И крупные хозяйства, со свойственным им чутьем, быстро усвоили эту простую истину. Характерно, что даже на равнине, в сугубо земледельческих районах, по материалам того же бюджетного обследования, 75 процентов всей валовой продукции этой группы приходилось на животноводство, а 70 процентов всей продукции животноводства падало на овцеводство.²⁹

* * *

Важное значение для характеристики социального расчленения дагестанского аула имеет выяснение вопроса о том, как распределялись сельскохозяйственные машины и орудия среди крестьянских хозяйств. К сожалению, мы не располагаем материалами об итогах перераспределения сельскохозяйственного инвентаря в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в Дагестане. Известно только, что первая мировая и гражданская войны нанесли сельскому хозяйству Дагестана огромный ущерб. В результате разрухи военных лет и прекращения завоза сельскохозяйственного инвентаря общая численность его сократилась более чем наполовину. К 1927 году благодаря мерам Коммунистической партии и Советского государства, направленным на оказание помощи трудящимся крестьянам, эти потери в значительной степени были восполнены. Однако и тогда сельскохозяйственных орудий было на 36,9 процента меньше, чем в 1910 году.³⁰ Поэтому чрезвычайно большое число хозяйств не имело сельскохозяйственного инвентаря. По материалам весеннего выборочного обследования 1926 года пропашного инвентаря не имели 59,5 процента всех хозяйств.³¹ Это на 27,9 процента больше, чем в среднем по РСФСР и на 8,9 процента больше, чем на Северном Кавказе.³² В результате изменившейся политической обстановки и экономической политики Советского государства, в распределении сельскохозяйственного инвентаря, причем усовершенствованного, произошли большие изменения в пользу средних слоев крестьянства. По тем же материалам весеннего выборочного обследования 1926 года в их распоряжении находилось более двух третей всех усовершенствованных орудий для подъема и рыхления почвы — железные плуги, буггера, железные бороны. В их собственности находилось

²⁹ См. «Плановое хозяйство Дагестана», № 2—3, 1929, стр. 108.

³⁰ См. Перепись с/х орудий 1910 года; ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 100.

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 8, д. 13, л. 27.

³² Данные по РСФСР и Северному Кавказу взяты у В. И. Данилова. «Исторические записки», т. 55, стр. 96. См. ук. статью.

значительно больше половины сенокосилок и молотилок, не говоря уже о примитивных орудиях вроде сохи, косули, молотильных катков и т. д., в то время как до революции на долю средних слоев приходилось всего около 25 процентов всех усовершенствованных орудий. В основном эта техника тогда принадлежала зажиточно-кулацкой группе.

Наиболее полную картину распределения средств производства дают данные подворного обследования 4340 хозяйств, произведенного Наркомземом в 1927 году.³³ Согласно этим данным деревенский пролетариат, составляя 18,7 процента всего населения, держал у себя всего 9,1 процента всех средств производства. У 25,7 процента бедняцких хозяйств находилось 17,4 процента всех орудий производства. Середняки, по этим же материалам, составляли 49,2 процента населения и владели 44,7 процента всех орудий производства. Во всех этих группах удельный вес населения преобладает над удельным весом орудий производства, концентрируемого каждой группой в отдельности. Совсем другое положение в последней кулацкой группе. Эта группа составляет всего 6,4 процента всего населения, но ей принадлежит 28,8 процента всех средств производства.³⁴ Таким образом, материалы выборочного подворного обследования 1927 года свидетельствуют о том, что основную массу населения дагестанского аула и главных держателей средств производства представляли середняки. Вместе с тем, данные свидетельствуют также о значительной неравномерности в распределении сельскохозяйственной техники между крайними социальными группировками. Если удельный вес середняков и находящихся в их руках средств производства примерно совпадает, то этого не скажешь о батрацко-бедняцкой и кулацкой группах. Составляя 44,4 процента всего обследованного населения, нижняя батрацко-бедняцкая группа имела лишь 21,9 процента всех средств производства. На ее долю приходилось 94,9 процента всех безинвентарных хозяйств и в среднем на двор она имела 0,01 усовершенствованных орудий вспашки.³⁵ Кулацкая группа, наоборот, была наименьшей по своему удельному весу среди населения — всего 6,4 процента, — зато имела в своей собственности 28,8 процента всех средств производства. По материалам весеннего выборочного обследования 1926 года

---

³³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 213, л. 31. (Средства производства в данном случае включают живой и мертвый инвентарь).

³⁴ Данные об удельном весе групп населения взяты из докладной записки Наркомзема «Экономика советской дагестанской деревни» и относятся к 1926 году. См. ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 3, д. 10, л. 1—7.

³⁵ См. «Итоги разработки материалов весеннего выборочного обследования 1926 г.» ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 8, д. 13, л. 27. (Цифры выведены мною — О. Г.).

количество хозяйств без пропадного инвентаря в этой группе составляло всего 0,3 процента.³⁶

Неравномерность в распределении средств производства между социальными группами особенно становится отчетливой при сравнении средних показателей степени обеспеченности одного хозяйства каждой из социальных групп. Вот данные того же подворного обследования. Средний размер средств производства на одно хозяйство бедняцкой группы по этим данным выражался суммой в 284 рубля, середняка — в 543,6 рубля, кулака — 2422 рубля.³⁷ Другими словами, кулак был обеспечен средствами производства почти в десять раз лучше, чем бедняк, и в четыре с лишним раза лучше, чем середняк.

Однако, в распределении сельскохозяйственных орудий существовала не только количественная, но и качественная неравномерность. Как свидетельствуют итоги весеннего выборочного обследования 1926 года, примитивные простейшие орудия обработки почвы — сохи, косули, деревянные плуги и бороны, молотильные катки — составляли основную массу сельскохозяйственного инвентаря бедняцких дворов. Наоборот, в кулацких хозяйствах этих орудий было единицы. Так, из 9866 простейших орудий, зарегистрированных обследованием в 1926 г. в 15354 дворах, верхней зажиточно-кулацкой группе, сеющей свыше 8 десятин на двор, принадлежало всего 147 орудий, или 1,4 процента. Совсем по другому распределяется сложный сельскохозяйственный инвентарь. Беспосевные и сеющие до 1 десятины, составляя около 80 процентов всех обследованных дворов, имели в своей собственности около 20 процентов этого инвентаря, а у сеющих свыше 8 десятин на двор, составлявших всего 1 процент обследованных дворов, — 22,0 процента этого инвентаря. Больше того, некоторые виды сложного сельскохозяйственного инвентаря в значительной степени все еще концентрировались в собственности этой эксплуататорской группы. Так, в ее собственности было 76,2 процента всех сеялок, 77,5 процента всех жнеек и т. д.³⁸

В дальнейшем по мере развертывания социалистического строительства в деревне и усиления всемерной помощи бедноте, позиции верхних слоев ослабели, средние слои значительно пополнились за счет хозяйственного роста бедноты. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы экспедиции, организованной Дагобкомом партии в октябре 1928 года для изучения социального лица дагестанского аула. Как показывают эти материалы за два года удельный вес батрацкой группы уменьшился на 4,1 процента, произошло также сниже-

³⁶ Там же.

³⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 213, л. 31.

³⁸ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 8, д. 13, л. 27.

ние на 2,2 процента удельного веса этой группы и во владении средствами производства. Бедняцкая группа за это время увеличилась количественно на 1,9 процента, но удельный вес живого и мертвого инвентаря в его распоряжении уменьшился на 2,6 процента. Удельный вес середняков увеличился и количественно и качественно. На 3,3 процента выросло число душ населения, на 18,7 процента их удельный вес в обладании средствами производства.³⁹ Для более четкого представления происшедших за это время изменений нами составлена сравнительная таблица по материалам этих двух обследований.

Распределение населения и средств производства
по социальным группам

	1927		1928	
	Душ населения в группе (в %/о)	У них средств производства (в %/о)	Душ населения в группе (в %/о)	У них средств производства (в %/о)
1. Пролетариат	18,7	9,1	14,6	6,9
2. Бедняки	25,7	17,4	27,6	14,8
3. Средняки	49,2	44,7	52,4	63,5
4. Кулаки	6,4	28,8	5,4	14,8

Как свидетельствует таблица, по численности населения крайние группы уменьшились, увеличились группы бедняков и середняков. Это свидетельствует об экономическом подъеме низших групп и постепенном вытеснении высшей группы. По отношению к средствам производства выросла только средняя группа. Удельный вес остальных групп имеет тенденцию к уменьшению. Особенно резко снизился удельный вес верхней кулацкой группы. Но это результат не прямой экспроприации, не насильственного ограничения и изъятия средств производства, а экономической политики советского государства, направленной на подъем бедняцко-середняцких масс и ограничение кулака. Осуществляя политику, направленную на подъем экономики ранее отсталых национальных окраин до уровня передовых, коммунистическая партия и Советское государство за десять лет существования Советской власти добились блестящих результатов по индустриализации национальных окраин и оснащению сельского хозяйства этих районов передовой сельскохозяйственной техникой. Помощь сельскому хозяйству особенно возросла после XV съезда партии. Так, в 1928 году в Дагестан было завезено сельскохозяйственного инвентаря в четыре с лишним раза больше, чем в 1926 году,

³⁹ Плановое хозяйство Дагестана, 1930, № 3—5, стр. 26—32.

и в два с лишним раза больше, чем в 1927 году.⁴⁰ Вся эта техника поступала в распоряжение бедняцко-середняцких слоев крестьянства и способствовала их быстрому хозяйственному подъему, улучшению их технической оснащенности.

Несмотря на очевидные изменения неравномерность в распределении средств производства не исчезла. Собственно говоря, пока хозяйство основано на частной собственности этого и не может быть. В результате целенаправленной классовой политики коммунистической партии и Советского государства удалось ограничить рост крупных эксплуататорских хозяйств и обеспечить подъем низших бедных групп до уровня средних, самостоятельных. Но ликвидировать неравенство, если хозяйство основывается на частной собственности, невозможно и опыт нашей деревни переходного периода — яркое тому свидетельство. Кулацкая группа, будучи в пять раз меньше бедняцкой количественно, имела одинаковое с ней количество средств производства, а вооруженность в среднем одного хозяйства кулака была в семь раз выше батрацкой, в четыре раза выше бедняцкой и в два раза выше середняцкой. Если стоимость живого и мертвого инвентаря в бедняцком хозяйстве в 1928 г. выражалась в среднем суммой в 260 рублей, то в кулацком она доходила до 2030 рублей.⁴¹

Таким образом, благодаря бескорыстной братской помощи народов нашей Родины и, прежде всего великого русского народа, в Дагестане постоянно увеличивалось количество новой техники, улучшалась, совершенствовалась техническая база сельского хозяйства республики и на этой базе происходил подъем маломощных слоев горцев. Вместе с тем, надо сказать, что несмотря на все эти изменения в дагестанском доколхозном ауле еще преобладала примитивная техника. Достаточно сказать, что усовершенствованные орудия и машины в общей сумме средств производства крестьянских дворов в 1927 году составляли на равнине 5,1 процента, в предгорье — 0,6 процента, а в горах 0,3 процента.⁴²

Среди орудий подъема почвы в большинстве районов республики по-прежнему преобладала соха. Сохи, косули и прочих примитивный инвентарь составляли 83,4 процента всех орудий по подъему почвы.⁴³ Это объясняется тем, что Советское государство тогда еще не имело достаточно сил и средств, чтобы решительно реорганизовать техническую базу сельского хозяйства. Оно оказывало трудящемуся крестьянину всемерную помощь. Но потери в период гражданской войны были настолько велики, что выделяемой современной техники не

⁴⁰ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 56.

⁴¹ «Звезда», № 1—2, 1930, стр. 57.

⁴² ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 101.

⁴³ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 100.

всегда хватало даже на восстановление старого дореволюционного уровня. Поэтому крестьянство часто обращалось к сохе, тем самым за свой счет и своими силами воссоздавая и примитивную техническую базу. В 1928 году количество железных плугов в Дагестане не составило и половины от уровня 1910 года, зато количество сох с 51787 выросло до 57504.⁴⁴ Поэтому и рост крупного кулацкого хозяйства в первый период нэпа происходил здесь не столько на базе введения улучшенной техники, так как Советская власть в первую очередь и на льготных условиях обеспечивала техникой бедняцко-середняцкие слои крестьянства и кооперативные объединения, сколько на базе более рациональной организации хозяйства, чем у низших групп. По итогам выборочного обследования 1926 года мы знаем, что зажиточно-кулацкие слои аула были значительно лучше оснащены инвентарем, чем низшие батрацко-бедняцкие и середняцкие слои. Но если рассмотреть размеры и состав основных средств производства по социальным группам, то мы увидим, что и в этой высшей группе мертвый инвентарь, машины и орудия в составе средств производства играют не такую уж большую роль. Для иллюстрации исследователь располагает материалами бюджетного обследования 1926/1927 года по центрально-равнинному району, который объединяет основную часть Кизлярского округа (без Караногая) и большую часть Хасавюртовского округа. Вот итоги разработки этих материалов о размерах и составе средств производства на одно хозяйство в среднем.⁴⁵

Группы хозяйств	Всего средств производства на 1 х-во (в рублях)	В том числе		
		Живой инвентарь	Мертвый инвентарь	Хозяйствен. постройки
1. Пролетарская	236,26	162,21	49,39	24,66
2. Бедняцкая	364,88	285,56	61,07	18,12
3. Средняцкая	762,9	576,43	140,58	45,9
4. Зажиточная	882,53	647,62	179,68	55,23
5. Кулацкая	5547,25	4884,48	471,48	191,29

Эти данные говорят о колоссальной неравномерности в распределении средств производства между социальными группами крестьянства, но сейчас речь не об этом, сейчас нас интересует состав средств производства. Рассматривая таблицу в этом плане мы видим, что основная, главная часть средств

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Плановое хозяйство Дагестана, № 2—3, 1929, стр. 107.

производства приходится на живой инвентарь: рабочий и продуктивный скот, птицу, пчел и т. д. На ее долю приходится от 68 до 88 процентов всех основных капиталов. При этом характерным является то, что чем выше группа, тем больше возрастает удельный вес живого инвентаря. Удельный вес мертвого инвентаря и хозяйственных построек в составе средств производства наиболее низок в самой верхней и самой мощной группе. Более того, и в валовой продукции сельского хозяйства животноводство в этой группе почти в четыре раза преобладает над земледелием. И это в таких сугубо зерновых округах, как Кизлярский и Хасавюртовский!

Нам уже приходилось отмечать, что переход крупных хозяйств к животноводству в этот период объясняется национализацией земли и ограничением всевозможных сделок с землей. Но, как видно, это далеко не единственная причина такого перехода. В условиях технической отсталости и наличия достаточно обширных пастбищных орудий животноводство, меньше поддаваясь учету и контролю со стороны органов власти, давало больше простора для частной инициативы, тем более, что сложившаяся отгонная система скотоводства, как мы уже отмечали, была выгодна только крупным хозяевам. Кроме того, животноводческое направление крупного хозяйства стимулировалось и наличием широких массивов пустующих земель, вполне пригодных под пастбы скота. Без всяких затрат используя эту землю для потравы, крупные барановоды добивались большого экономического эффекта. Чтобы рассуждения не были беспочвенными, сошлемся на итоги бюджетного обследования 1926 года об интенсивности использования сельскохозяйственной площади. По этим данным в низшей батрацко-бедняцкой группе затраты на гектар земли достигали 35 руб., а в самой верхней кулацкой — всего 11,6 руб. Зато в первой группе на рубль затрат получали всего 1,52 руб. дохода, а в последней пятой — 2,73 руб.⁴⁶ Такая высокая эффективность сельскохозяйственного производства в этой группе, в тех конкретных условиях достигалась, в основном, не за счет введения улучшенной техники, а путем более рациональной организации хозяйства и большой экстенсивности использования земельных угодий, при наличии большого количества средств производства, выраженного в живом инвентаре.

Таким образом, и в распределении орудий производства мы видим ту же картину: в доколхозном ауле основным держателем средств производства был середняк, однако неравномерность в распределении их по группам оставалась большой и она была источником закабаления и эксплуатации.

---

⁴⁶ Там же, стр. 109.

Обратимся теперь к данным о распределении земли. В начале статьи мы говорили, что в переходный период, в условиях национализации земли, главную роль в социальном расслоении крестьян играли рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь и в дальнейшем убедились, что в результате Великой Октябрьской социалистической революции в их распределении между различными социальными группами произошли коренные изменения, в пользу средних слоев крестьянства. Посмотрим теперь, как отразился этот факт на распределении земли.

Как уже отмечалось, в ходе аграрных преобразований, осуществленных Советской властью, сотни и тысячи горских крестьян получили землю и освободились от помещичье-кулацкой кабалы. Благодаря перераспределению земли в крестьянстве произошла перегруппировка по обеспеченности земель. Так, при выборочной разработке данных переписи 1917 года выяснилось, что удельный вес безземельных крестьян в области составил 9,4 процента, а малоземельных, имеющих не больше десятины посева на двор, — 77,5 процента.⁴⁷ Судя по материалам обследования 1926 года, спустя 9 лет после сельскохозяйственной переписи 1917 года, в результате Октябрьской революции распределение земли имело совсем другую картину. Удельный вес безземельных снизился на 2,7 процента и составил 6,8 процента, а число дворов, имеющих до одной десятины, с 77,5 процента в 1917 году сократилось до 40,1 процента в 1926 году, т. е. на 30,4 процента.⁴⁸ Об этом свидетельствуют и материалы обследования по отдельным округам. Например, в Хасавюртовском округе удельный вес безземельных с 28,1 процента в 1917 году уменьшился до 17,7 процента к 1926 году.⁴⁹ В общем при сравнительном анализе материалов переписи 1917 и 1926/27 гг. по землевладению мы четко прослеживаем все ту же тенденцию к поравнению крестьян, к сглаживанию неравномерности.

Больше всего это характерно для округов, где до революции помещик занимал видное место в землевладении. Для примера обратимся к данным все по тому же Хасавюртовскому округу. По материалам переписи 1917 года верхняя зажиточно-кулацкая группа округа концентрировала у себя 62,1 процента всех земельных угодий и 38,6 процента всей пашни. В 1927 году ее удельный вес в посевной площади со-

---

⁴⁷ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 59, 100—108, 112—116.

⁴⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 107, л. 116.

⁴⁹ Данные по 1926 г. извлечены из архива Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 23, л. 95.

ставлял лишь 14,1 процента. У нижней батрацко-бедняцкой группы в 1917 году находилось 34,9 процента всех посевов округа, а в 1927 году — лишь 26,4 процента. Зато удельный вес посева средних слоев поселения вырос с 26,5 процента в 1917 году до 59,9 процента всех посевов в 1927 году.⁵⁰

Аналогичное положение мы наблюдаем и в Кюринском округе, только здесь процесс нивелировки, поравнения крестьян происходил на другой базе. До революции более половины всего сельскохозяйственного производства округа находилось в руках 7,62 процента дворов или вовсе не имеющих посевов, или имеющих не более трех десятин на двор. Верхняя зажиточно-кулацкая группа быстро увеличивалась, но играла видную роль лишь в овцеводстве. На ее долю приходилось около трети всего сельскохозяйственного производства округа. Первой группе принадлежало 41,9 процента всей земли округа, зажиточно-кулацкой — 30,0 процентов и средним слоям — 28,1 процента всей земли. Совсем другую картину обнаружило обследование 1927 года. Нижней батрацко-бедняцкой группе принадлежало уже 32,2 процента всей пашни, а верхней — зажиточно-кулацкой — всего 8,9 процента. Вся остальная пашня — 58,9 процента всей площади — находилась уже в руках середняков.⁵¹

Материалы выборочного обследования 1927 года дают полное представление о распределении земли между различными социальными группировками накануне XV съезда партии. Вот итоги разработки этих материалов.⁵²

Группы населения	Хозяйств в группе (в %%)	У них всей земли в %%	У них посева в %%
Пролетариат	18,8	14,3	7,9
Бедняки	29,4	18,3	15,9
Середняки	46,7	53,3	59,0
Кулаки	5,1	14,1	17,2
Итого:	100,0	100,0	100,0

И здесь мы наблюдаем ту же картину, что и при анализе данных о распределении рабочего и продуктивного скота,

⁵⁰ Данные о землепользовании в 1927 году извлечены из ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 47, л. 1.

⁵¹ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 47, л. 2.

⁵² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 157.

сельскохозяйственного инвентаря и т. д.: центральный фигурой в земледелии является середняк. Составляя 46,7 процента обследованных хозяйств, он концентрирует у себя 53,3 процента всех земельных угодий и 59,0 процента всей пашни республики. Вместе с тем очевидна неравномерность в распределении земли между крайними группировками, особенно в распределении посевной площади. 48,2 процента хозяйств двух нижних групп имеют всего 23,8 процента всей пашни, а 5,1 процента хозяйств, составляющих верхнюю кулацкую группу, держат у себя 17,2 процента пахотной площади. На двор кулака приходилось в среднем в 7—8 раз больше пашни, чем на двор бедняка.⁵³

Таким образом, анализ распределения средств производства между экономическими группами и распада населения на социальные слои показал, что центральной фигурой в доколхозном дагестанском ауле был середняк. Средние слои составляли и абсолютное большинство населения, в их распоряжении находилось и больше половины всех средств производства: скота, земли, орудий труда и т. д.

Вместе с тем, мы заметили огромную неравномерность в распределении населения и средств производства между крайними группировками. Эта неравномерность и служила почвой для развития отношений найма и сдачи средств производства, для кабальной эксплуатации бедноты кулаками.

* * *

Теперь о характере производственных отношений в доколхозном дагестанском ауле. Для этого важнее всего установить масштабы найма и сдачи средств производства, а также выяснить: каково участие в этой «операции» различных экономических групп крестьянства. Эта, пожалуй, наиболее трудная проблема, стоящая перед исследователем переходного периода в истории нашей республики. И трудность ее в значительной степени обусловлена слабостью материальной базы. Кроме материалов выборочного весеннего обследования 1927 года, мы не располагаем никакими сведениями по этому вопросу. Следовательно, мы можем судить о положении дел только на 1927 год, не имея никакой возможности документально проследить эволюцию отношений найма и сдачи на различных этапах развития. Но это не снижает ценности материалов, имеющих в распоряжении исследователя, тем более, что это единственный доступный источник, позволяющий анализировать конкретные формы производственных отношений в доколхозном дагестанском ауле.

---

⁵³ Там же.

Мы отметили, что в результате аграрной революции в дагестанском ауле произошло поравнение, нивелировка крестьянских дворов. Вместе с тем пришлось констатировать и другой факт, а именно: годы гражданской войны и разразившиеся затем голод, засуха и массовый падеж скота нанесли сельскому хозяйству республики такой урон, который, несмотря на большую заботу коммунистической партии и Советского государства, сказывался и накануне XV съезда партии. Так, удельный вес дворов, лишенных средств производства, оставался все еще слишком высоким. В этой группе в распределении средств производства, даже по сравнению с дореволюционным временем, не произошло коренных перемен. По сравнению с 1917 годом всего на 1,2 процента уменьшилось число хозяйств без рабочего скота, а дворов без пропадного инвентаря, по сравнению с дореволюционным периодом, даже стало больше. В 1926 году по материалам весеннего выборочного обследования они составляли 59,5 процента, т. е. больше половины всех дворов не имело орудий для подъема почвы. О самостоятельном хозяйствовании этой группы не приходится и говорить. Правда, рабоче-крестьянская власть делала все, чтобы путем организации прокатных пунктов, через кооперацию и различные общественные организации вырвать эту группу из кабалы. Но материальные возможности Советского государства в тот период были еще ограничены и в своем большинстве эти слои населения попадали в зависимость к своим более состоятельным соседям. Источником такой зависимости являлось неравномерное распределение средств производства между экономическими группами. Если в низшей батрацко-бедняцкой группе ощущался острый недостаток средств производства, а середняк был обеспечен лишь настолько, чтобы относительно самостоятельно вести хозяйство, то в высшей группе, как мы видели, размеры средств производства значительно превышали трудовые возможности семьи. Естественно, что излишек средств производства не лежал у нее «мертвым грузом», а служил источником наживы и обогащения. Характерно, что число хозяйств, сдающих инвентарь в наем, составляло 5,2 процента всех дворов, т. е. почти столько же, сколько и кулаков.⁵⁴ К найму средств производства прибегало 34,8 процента всех хозяйств.⁵⁵ Таким образом, в отношении найма и сдачи орудий и средств производства (живой и мертвый инвентарь), согласно материалам весеннего опроса 1927 года, было втянуто 40,0 процентов всех крестьянских дворов Дагестана. При очень высоком удельном весе безинвентарных (59,5%) и не имеющих рабочего скота (33,2%)

⁵⁴ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 100.

⁵⁵ Там же, ф. 22, оп. 11, д. 24, л. 36.

число дворов, нанимающих средства производства, сравнительно небольшое (34,8%). Причину этого, во-первых, надо искать вообще в слабой обеспеченности Дагестана средствами производства. Сказались годы войны и послевоенной разрухи, когда почти прекратился ввоз сельскохозяйственной техники, а бывшая до этого в употреблении в значительной степени вышла из строя. Выше уже отмечалось, что даже в кулацких хозяйствах сельскохозяйственных орудий и машин было сравнительно мало. Во-вторых, значительная часть бедняцких дворов предпочитала не обременять себя малоэффективным хозяйством и либо шла в отход на рыбные и промышленные предприятия, либо работала по найму в сельском хозяйстве. Достаточно отметить, что в 1926 году в Дагестане было зарегистрировано свыше 58 тысяч отходников.⁵⁶ И, в-третьих, довольно значительная часть дворов находила выход, вступая в супругу. Так, по данным 1927 года супругающиеся составляли 35 процентов всех крестьянских дворов республики.⁵⁷

В Дагестане в это время своим скотом и своим инвентарем вполне самостоятельно обрабатывали пашню лишь 32 948 дворов из обследованных 120 тысяч, т. е. 27,4 процента всех хозяйств.⁵⁸ Среди нанимающих средства производства особенно выделялась группа, обрабатывавшая пашню наемным скотом и наемным инвентарем. 32 641 хозяйство из 42 010, прибегающих к найму средств производства, приходится именно на эту группу. Это 27,1 процента всех обследованных дворов.⁵⁹ К найму рабочего скота, при наличии своего инвентаря, обращались всего 2,8 процента дворов, а своим скотом и наемным инвентарем обрабатывали землю 4,9 процента дворов.⁶⁰ Очевидно, что главным образом к найму рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря прибегали наиболее маломощные слои населения, лишенные средств производства. Итоги того же весеннего выборочного обследования свидетельствуют, что 98,5 процента всех дворов, обрабатывающих пашню наемным скотом и наемным инвентарем, были малоземельными, имевшими не более одной десятины посева на хозяйство.⁶¹ Они же составляли в основном группу, обрабатывающую пашню с помощью супруги. Зато в верхних группах, сеющих свыше 8 десятин на двор, мы почти не встречаемся с наймом средств производства. Эти группы, наоборот, являлись сдатчиками средств производства. Плата за прокат

---

⁵⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 107, л. 118.

⁵⁷ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 101.

⁵⁸ Там же, ф. 22, оп. 11, д. 24, л. 36.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, л. 53.

инвентаря и рабочего скота производилась главным образом отработками и частью урожаем, редко — деньгами. Принято объяснять это тем, что путем кабальных отработок кулак стремился обеспечить себя даровой рабочей силой. Это совершенно верно. Но нужно учесть и то, что идя на это кулак преследовал далеко идущие экономические и политические цели. Обращение к натуральной оплате в значительной степени было обусловлено новой экономической политикой, когда рынок стал связующим звеном между городом и деревней, когда кулак предпочитал сосредоточить в своих руках продукты сельского хозяйства в натуре, с одной стороны, как средство закабаления деревенской бедноты, с другой — как средство экономического нажима на Советское государство.

Следствием неравномерного распределения орудий производства было не только развитие отношений найма — сдачи рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. На этой почве развивалась также и земельная аренда. Арендные отношения охватывали в среднем до одной трети (27,6%) всего населения республики.⁶² Исследователи доколхозной советской деревни считают, что в тот период в качестве главных сдатчиков выступали бедняцкие и маломощные средние слои крестьянства, а ведущую роль среди арендаторов играли середняки. Материалы о развитии арендных отношений в Дагестане лишний раз подтверждают эти мысли. Так, согласно данным весеннего выборочного обследования 1926 года, 87,5 процента всех сдающих дворов и 70,2 процента всей сданной в аренду пашни приходилось на группу беспосевных или сеющих не более трех десятин на двор. Зато среди арендаторов она не играла сколько-нибудь значительной роли. На их долю приходилось 23,3 процента всех арендующих дворов и лишь 16,5 процента всей арендуемой пашни.⁶³ Средняки, наоборот, играли сравнительно небольшую роль среди сдающих, но зато занимали центральное место в группе арендаторов. Они составляли 63,3 процента всех дворов, участвующих в аренде, и им принадлежало 51,7 процента всей арендуемой пашни.⁶⁴ Удельный вес кулацких дворов среди арендующих был невелик, всего 9,8 процента, но они концентрировали у себя 31,8 процента всей арендуемой пашни.⁶⁵ Таким образом социальный смысл арендных отношений ясен. Не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, или имея их в совершенно недостаточном количестве, маломощные слои населения очень часто были вынуждены бросать сельское хозяйство и обращаться к другим источникам

⁶² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208 (см. табл. Б).

⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 8, д. 13, л. 29.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

заработка, для зажиточных же слоев аренда служила средством наживы и обогащения. Аренда в хозяйстве середняка, главным образом, являлась показателем экономического роста и улучшения его благосостояния, так как носила трудовой характер и была основана на собственных трудовых ресурсах. Это положение характерно для всей страны поэтому нет нужды подробно останавливаться на нем. Гораздо важнее выяснить, что особенного, отличительного было в этих отношениях и чем это особенное, отличительное вызвано к жизни.

Рассматривая материалы об аренде пашни в Дагестане, мы не заметили почти никаких отклонений от общей линии развития. Обратимся теперь к тем же данным, но при этом расширим круг показателей, проследим, например, движение не только пашни, но и всей земли в совокупности. Возьмем данные по Ачикулакскому округу, извлеченные нами из материалов 10% весеннего обследования 1927 года. Согласно этим данным в округе было 4380 крестьянских дворов, из которых 2608, или 59,3 процента всех хозяйств были втянуты в арендные отношения.⁶⁶ Из них 741 хозяйство арендовало землю, а 1867 — сдавали ее в аренду.⁶⁷ 93,3 процента сдающих дворов либо вовсе не занимались земледелием, либо сеяли не больше 5 десятин на двор.⁶⁸ Явление — общее для всей страны. Но вот рассматриваем данные о том, кто арендовал земельные угодья, как сталкиваемся с фактом, выходящим за рамки принятых положений. 73 процента всех арендуемых дворов были из группы, сеющей свыше 10 десятин на двор, т. е. явно зажиточно-кулацкой.⁶⁹ Таким образом, если в аренде пашни первенствовал середняк, здесь ведущее место явно принадлежит кулаку. А как распределялось между ними земля? Обратимся к цифрам. В округе за 4380 хозяйствами было закреплено свыше 65 тысяч десятин сельскохозяйственных угодий.⁷⁰ Из этой площади в сферу арендных отношений было вовлечено свыше 23 тысяч десятин, т. е. более трети всех земельных угодий.⁷¹ Кто же сдавал эту землю и кто ее нанимал? 97,6 процента всей сданной площади принадлежало тем же беспосевным или сеющим не более 5 десятин на двор, т. е. беднякам и маломощным середнякам. Зато 89,3 процента всей арендованной площади приходилось на верхнюю группу, сеющую свыше 10 десятин на двор. Особенно выделялась самая мощная группа, сеющая на двор

---

⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 25, л. 2.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

свыше 20 десятин. Она сосредоточила у себя 76,7 процента всей арендованной земли.⁷² В этой последней группе в среднем на двор приходилось 52,4 десятины и 39,5 из них были арендованными. Чем объяснить это явление, в чем причина такого «отклонения от нормы»? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно вспомнить о хозяйственной специализации района. В Ачикулакском округе основное сельское население составляли ногайцы-скотоводы, с овцеводческим уклоном. Как мы отмечали выше, свыше половины овец и более трети крупного рогатого скота в животноводческих районах принадлежали кулакам. Естественно, что они играли ведущую роль и в аренде пастбищно-сенокосных угодий.

Если в земледельческих районах путем аренды весь земельный фонд перераспределялся в соответствии с численностью в хозяйстве орудий производства, то здесь фактическое перераспределение всего земельного фонда, в основном пастбищно-сенокосного, происходит пропорционально с численностью скота. Это характерно не только для равнинного Ачикулакского округа, но и для горных животноводческих районов, где значительная часть поголовья скота, особенно овец, все еще находилась в собственности кулака.

О чем это говорит? Это говорит о том, что в таких областях и республиках, как Дагестан, позиции кулака в экономике, его роль в общественной жизни были еще очень сильными. И объяснялось это не только исторической отсталостью, но и нередко сельскохозяйственной специализацией того или иного района.

Однако, показывая место кулака в арендных отношениях, мы не должны забывать, что ему уже не суждено было играть той роли, какую он играл в дореволюционном ауле. До революции на равнине в земледельческих районах области арендуемая земля нередко играла значительно большую роль, чем наделенная. В первую очередь это касалось наиболее мощных предпринимательских слоев населения. В качестве примера можно сослаться на Хасавюртовский округ, где, по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года, 57,2 процента всей обрабатываемой площади, в группе сеющих свыше 10 десятин на двор, являлись арендуемыми. В Советское время такого мы не наблюдаем ни в одном районе республики. Даже в Ачикулакском округе, где земельная аренда получила наибольшее развитие, в этой группе арендуемая площадь составляла 30,7 процента всего землепользования.⁷³ В результате национализации земли помещичье землевладение и помещичья кабальная аренда в основном были ликвидированы.

⁷² Там же.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 25.

Сотни и тысячи представителей трудового крестьянства получили землю, поэтому отпала и нужда в аренде. Если раньше аренда была порождением безземелья и малоземелья, то теперь она получила развитие на почве отсутствия средств производства. Однако, у старой и новой аренды сохранились и общие черты. И тогда и теперь она была источником развития крупного капиталистического производства. Но, если раньше возможности для развития крупного предпринимательского хозяйства были почти неограниченными, то в условиях Советской власти об этом и речи не могло быть. Национализация земли, да и вся сельскохозяйственная политика партии и Советского государства были непреодолимым препятствием на этом пути. Вообще допущение найма — сдачи и арендных отношений в нашей стране было делом временным и вызванным необходимостью восстановить разрушенное войной хозяйство. Как только восстановление в основном было завершено и партия решительно взяла курс на социалистическое переустройство сельского хозяйства, отношения найма — сдачи стали постепенно ограничиваться и вытесняться, стала свертываться база частнокапиталистического сектора. С обобществлением средств производства и победой коллективного хозяйства аренда вообще прекратила свое существование.

Теперь о формах оплаты за аренду. Те же материалы весеннего выборочного обследования 1927 года дают об этом достаточно полное и точное представление. Если судить о формах оплаты по числу дворов, участвующих в аренде, наиболее распространенной была издольная аренда. «Из доли» снимали земли в 35, 5 процента случаев. Наименее распространенной была аренда за отработки — всего в четырех случаях из ста.⁷⁴ В целом натуральный расчет со сдатчиком вели 62,5 процента всех дворов, участвующих в аренде, 30,6 процента — деньгами и лишь 6,9 процента — смешанным способом.⁷⁵

Совсем иная картина обнаруживается при рассмотрении данных о площади земли, охваченной той или иной формой аренды. Так, 51,3 процента всего арендуемого фонда снимались за деньги, 17,6 процента — смешанным способом и 31,1 процента — за натуральную плату. В первых двух случаях арендуемая площадь составляла 3—4 десятины на двор, а в третьем — едва достигала десятины.⁷⁶ По этим данным можно сделать заключение, что денежная форма оплаты была распространена среди более зажиточных слоев населения, а натуральная, наоборот, среди мелких арендаторов из маломощных бедняцко-средняцких слоев. Собственно говоря, в тех

⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 25.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

конкретных условиях это было неизбежно. Если отдавая на прокат орудия производства, зажиточный, в целях обеспечения себе дешевых рабочих рук, предпочитал отработки, то арендуя землю, он стремился единовременной денежной оплатой как бы освободиться от сдатчика и получить полную свободу в отношении продуктов земледелия. Такой знаток доколхозной советской деревни, как Хрящева А. И. отмечала в свое время, что преобладание денежной оплаты станет понятным, если вспомнить, что арендуют землю более зажиточные слои, которым невыгодно вставать по отношению к сдатчику в положение отработчика или другие зависимые условия.⁷⁷

Материалы о распределении земли в Дагестане еще раз доказывают иллюзорность крестьянских представлений об уравнительном переделе. В обстановке неравномерного распределения орудий производства равного распределения земли быть не может и опыт доколхозной советской деревни яркое тому свидетельство.

* * *

Для определения характера производственных отношений исключительно большое значение имеет изучение такого важнейшего их элемента, как эксплуатация наемного труда. Итоги выборочного обследования 37 аулов в 1927 году свидетельствуют о том, что в продаже и найме рабочей силы участвовали 69,3 процента всех крестьянских дворов республики.⁷⁸ Из них 44,3 процента продавали рабочую силу, а 25,0 процентов нанимали ее.⁷⁹ Какие же социальные группы поставляли всю необходимую рабочую силу и кто нанимал ее? Итоги переписи дают ответ и на этот вопрос. К продаже рабочей силы прибегали 70,0 процентов дворов, не имеющих средств производства, и 54,2 процента дворов, имеющих средства производства на сумму менее 200 рублей. Это, в основном, пролетарские и полупролетарские бедняцкие слои населения. Они поставляли на рынок свыше 70 процентов всей рабочей силы. Из середняков к работе по найму прибегали 30,4 процента дворов — это 29,5 процента всех рабочих, а из кулаков всего лишь 5,6 процента.⁸⁰ Среди наемного персонала выходцы из этой группы составляли всего 0,5 процента. Таким образом, участие той или иной социальной группы в отчуждении рабочей силы целиком и полностью связано с ее обеспеченностью средствами производства: чем больше средств производства, тем меньше рабочих рук выбрасывает двор на рынок.

⁷⁷ А. И. Хрящева. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926, стр. 27.

⁷⁸ Архив Дагобкома КСПС, ф. 1, оп. 9, д. 208 (см. табл. Б).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

Совсем иная картина раскрывается при рассмотрении материалов о нанимающих рабочую силу. Из группы, не имеющих средств производства, или имеющих их на сумму не более 200 рублей, т. е. из группы бедноты, к найму прибегали всего 10,2 процента дворов. Из середняков к найму рабочей силы прибегали 42,9 процента всех хозяйств, а из кулаков — 68,0 процентов. Как видим, пропорция обратная. Если в первом случае по мере роста обеспеченности группы средствами производства ее участие в продаже рабочей силы все более и более сокращалось, то здесь, наоборот, степень участия в найме тем выше, чем больше средств производства.

Таким образом очевидно, что основными поставщиками необходимой рабочей силы являлись беднота и маломощные середняки, а в качестве главных нанимателей выступали зажиточно-кулацкие элементы. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции на базе аграрных преобразований, осуществленных Советской властью, батрацко-бедняцкая группа значительно уменьшилась, тысячи представителей горской бедноты получили землю и стали на путь самостоятельного хозяйствования. Естественно, вследствие этого сократились также пролетарские и полупролетарские слои аула. Достаточно сказать, что почти наполовину уменьшилось и число отходников, и число сельскохозяйственных рабочих.⁸¹ Но изменения были не только количественные. Так, по свидетельству материалов переписи 1917 года по Хасавюртовскому округу и Южно-Табасаранскому наибству, более половины всех дворов нанимателей и около двух третей всей наемной рабочей силы приходилось на самую мощную кулацкую группу. По другому обстояло дело в дагестанском ауле в начале переходного периода. 12,7 процента всех дворов, использующих наемную силу, не имели рабочего скота, 75,4% имели от 1 до 4 голов и лишь 12,9 процента дворов — свыше 4 голов.⁸² Это значит, что больше двух третей нанимателей являлись середняками.

Чем объяснить такое сравнительно широкое применение наемной рабочей силы в бедняцко-середняцких слоях крестьянства Дагестана? Анализируя аналогичное явление в до-reволюционном ауле, мы отмечали, что из-за скудности природных ресурсов добрая половина трудоспособного населения вынуждена была искать средства к существованию на стороне. На этой почве широкое распространение получило отходничество. Дело доходило до того, что в разгар полевых работ на местах выхода не хватало рабочих рук и даже бедняцким хозяйствам приходилось использовать наемный труд. Но если в этом заключалась основная причина довольно частого обра-

⁸¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 107, л. 119.

⁸² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208 (см. табл. 6, цифры выведены мною — О. Г.)

щения бедноты к найму рабочей силы в дореволюционном Дагестане, то в переходный период применение наемного труда в значительной мере связано с хозяйственным ростом бедноты до уровня середняков. Однако использование наемного труда в этой группе вызвано не столько расширением хозяйства сверх трудового и капиталистическим накоплением, сколько необходимостью в возможно короткие сроки закончить уборку и избежать потерь урожая. Поэтому здесь мы почти не встречаем постоянных рабочих. Наем в этой группе был краткосрочным, обычно на время уборочных работ. Но не это для нас сейчас главное.

Нам важно выяснить место капиталистической эксплуатации наемного труда. Для этого мы располагаем исключительно ценными материалами Центрального статистического управления за 1926 год.⁸³ Согласно этим материалам, в 1926 году в Дагестане было 18,5 тысяч временных рабочих, для которых работа по найму являлась чуть ли не единственным источником существования. 15,3 тысячи или 82,7 процента из них батрачили в индивидуальных крестьянских хозяйствах.⁸⁴ Посмотрим, какие же социальные слои они представляли, на кого они работали и каковы были условия их найма и труда.

Как показало обследование, 83,5 процента этих рабочих не имели рабочего скота, а 58,3 процента — были беспосевными.⁸⁵ Так что сомневаться в их пролетарском происхождении не приходится. Теперь о группе нанимателей. 10,3 процента дворов этой группы не имели рабочего скота и в значительной степени были беспосевными, дворов с 1—2 головами рабочего скота было 35,9 процента, с 3 и более — 41,0 процента.⁸⁶ Здесь, наоборот, преобладает зажиточно-кулацкий элемент. Об этом же свидетельствуют и данные о продолжительности сроков найма. У одного и того же нанимателя работали до 1-го месяца — 2,0% всех рабочих, от 1 до 3 месяцев — 2,0% рабочих, от 3 до 6 месяцев — 4,1% рабочих, от 6 до 9 месяцев — 20,4% рабочих, от 9 месяцев до года — 6,2% рабочих, и год и более — 65,3% рабочих.⁸⁷ Памятуя, что к долгосрочному найму, как правило, прибегает крупное предпринимательное хозяйство, мы смело можем сказать, что подавляющее большинство сроковых рабочих тоже «оседало» у кулаков.

Эта группа сельскохозяйственных рабочих находилась в наиболее тяжелом положении. По данным обследования усло-

---

⁸³ Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г., М., 1928.

⁸⁴ Там же. См. табл. 2, стр. 122—123.

⁸⁵ Там же. См. табл. 3, стр. 124.

⁸⁶ Там же, стр. 54.

⁸⁷ Там же, стр. 30.

вий труда и быта батрачества в 1926 году сельскохозяйственному рабочему приходилось скитаться в поисках работы в среднем 0,9 месяца, остальные 11,1 месяца составляли средний срок найма — это почти в два раза выше, чем в среднем по СССР. Рабочий день длился в среднем 12,7 часов. А в страдную пору батраки трудились, как говорится, от зари до зари. 85,4 процента всех рабочих, нанятых кулаками, несмотря на категорическое запрещение, вынуждены были выходить на работу даже в праздничные дни, не говоря уже о воскресных днях⁸⁸. В итоге за два летних месяца на каждого рабочего приходилось 60,6 дней физической работы — больше чем в любом другом районе страны.⁸⁹ И за этот тяжелый изнурительный труд батрак получал в среднем 17,4 рубля. По стране в среднем среднемесячный заработок составлял 15,4 рубля, как будто бы меньше, чем в Дагестане.⁹⁰ Однако это только видимость. В Дагестане из 17,4 рубля 11,1 рубля приходилось на хозяйские харчи, в то время как в целом по стране — 7,3 рубля. И если учесть, что продукты сельского хозяйства в республике из-за отрицательного хлебного баланса были в общем-то дорогие, то окажется, что рабочие здесь фактически получали гораздо меньше за более длительную и тяжелую работу. Поэтому не случайно, в республике число рабочих, получавших зарплату деньгами, было самым низким в стране (от Дагестана в этом отношении отставала лишь Киргизия).⁹¹ Показательны в этом отношении сравнительные данные, приведенные в издании ЦСУ СССР «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 году». На 100 рублей зарплаты приходилось деньгами: в Дагестане 18,4%, в РСФСР — 43,8%; продуктами сельского хозяйства соответственно — 22,3% и 10,9%; отработками — 0,6% и 1,6%; хозяйскими харчами — 58,7% и 39,9%. Удельный вес рабочих, имевших в составе заработной платы деньги, составлял в Дагестане 50,0% дворов, а по СССР в целом — 77,7%; продукты сельского хозяйства — соответственно 56,3% и 22,3%; отработки — 6,3% и 4,0%; хозяйские харчи — 87,5 и 86,8%.⁹² Таким образом, в Дагестане преобладала натуральная форма оплаты наемного труда, причем львиная доля этой платы приходилась на «хозяйские харчи», в то время как в среднем по стране преобладала доля денежного заработка. Это значит, что сельскохозяйственный пролетариат в Дагестане находился в сравнительно худших материальных условиях, что кабальные формы зависимости и эксплуатация здесь были гораздо тяжелее. Используя

⁸⁸ Там же, стр. 34—35.

⁸⁹ Там же, стр. 37.

⁹⁰ Там же, стр. 40.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, стр. 43.

естественный земельный голод, плохую обеспеченность средствами производства и высокие цены на сельхозпродукты, кулак фактически диктовал свои условия. Характерно то, что если в среднем по РСФСР письменными трудовыми договорами было охвачено 60,1 процента всех рабочих, то в Дагестане эта цифра составляла всего 20,8 процента⁹³ (в этом отношении положение было хуже лишь в одной Бурято-Монголии). Это значит, что в Дагестане на заранее оговоренных условиях работал лишь один рабочий из пяти, а четверо вовсе не оформляли своих отношений с кулаком и целиком зависели от его капризов. Очень часто они работали на кулака без всякой оплаты, за продовольственную или семенную ссуду, за прокат инвентаря или рабочего скота. Не поддаваясь учету или контролю со стороны органов Советской власти, эта форма кабальной эксплуатации была наиболее тяжелой для рабочих и самой выгодной для кулаков. Именно поэтому кулачество так умело использовало все выгодные им условия, чтобы с наименьшим риском и за бесценок получить необходимые рабочие руки.

Однако это не означает, что батраки находились в бесконтрольной зависимости от кулаков. Советское государство вело решительную борьбу против кабальных сделок, регулируя отношения найма-продажи рабочей силы, оно постоянно стремилось направить их по законному руслу. Эта борьба резко усилилась в связи с курсом на коллективизацию и ограничением и вытеснением кулачества экономическими мерами. На этой почве с 1927 года наемный контингент в кулацких дворах стал постоянно уменьшаться. Если в 1926 году в индивидуальных дворах было 15,3 тысячи наемных рабочих, то в 1927 году их было уже 13,4 тысячи, а в 1928 году уже 10 тысяч.⁹⁴ Надо отметить, что это было результатом не столько ограничительных мер, сколько всемерной экономической помощи партии и советского государства, благодаря которой бедняк освобождался от кулацкой кабалы и становился на путь самостоятельного хозяйствования.

Наряду с индивидуальными дворами к найму рабочей силы прибегали и сельские общества. У них в 1926 году было занято 3,6 тысячи человек; или 17,3 процента всех постоянных сельскохозяйственных рабочих.⁹⁵ В подавляющем своем большинстве это были пастухи и подпаски. Обследование условий труда и быта батраков показало, что рабочие сельских обществ и групп нанимателей находятся в лучшем положении, нежели рабочие индивидуальных дворов. Об этом красноречиво свидетельствовали и данные об условиях найма. Так, средний срок найма в сельских обществах и груп-

⁹³ Там же, стр. 32.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, стр. 122—123.

пах нанимателей составлял 6,7 месяца, вместо 11,1 в индивидуальных хозяйствах, на 5,4 рубля был выше и среднемесячный заработок рабочего, причем из этой суммы на так называемые «хозяйские харчи» приходилось всего 4,9 рубля.⁹⁶ Правда, и здесь преобладала натуральная оплата наемного труда, однако удельный вес получавших зарплату деньгами был выше чем в индивидуальных дворах почти наполовину.

Любопытно и другое обстоятельство: число рабочих в индивидуальных хозяйствах падало, а здесь, наоборот, увеличивалось. Так, в 1928 году в «сельских обществах и у групп домохозяев» было 3,6 тысячи рабочих, а в 1927 году — 5,4 тысячи, т. е. увеличилось на 50 процентов.⁹⁷ Это происходило потому, что наемный труд в этой группе нанимателей лучше поддавался учету и контролю, и Советское государство, регулируя отношения найма-продажи рабочей силы, до поры до времени главное свое внимание сосредоточило на борьбе против кабальной кулацкой эксплуатации. Но из этого не следует делать вывода, будто групповой наем рабочих не носил эксплуататорского характера. Боясь лишиться права голоса, к групповому найму все чаще и чаще стали прибегать и кулаки. Однако здесь элемент «сокрытия» был минимальным и органы власти в нужный момент могли на основании закона защитить права батрака.

Однако далеко не все рабочие нанимались индивидуальными дворами или группами домохозяев. Многие из них шли в совхозы и другие государственные предприятия и таким образом оказывались в сфере социалистических производственных отношений. В начальный период нэпа таких рабочих было еще сравнительно мало. Так, на 1 мая 1926 года в совхозах Дагестана числилось 392 срочных рабочих, главным образом поденных, и 49 служащих, всего 441 человек.⁹⁸ Но по мере развертывания совхозного строительства их численность быстро возрастала. Срочные рабочие, о которых мы вели речь, составляли значительное меньшинство наемного персонала, поставляемого дагестанским аулом на рынок рабочей силы. Как и до революции типичнейшим представителем пролетарских и полупролетарских слоев аула был рабочий с наделом.

Анализируя распределение средств производства между социальными группами, мы пришли к выводу, что свыше 40 процентов всех дворов были маломощными, хозяйственно несамостоятельными. От собственного хозяйства эта группа получала лишь 47 процентов годового дохода семьи.⁹⁹ Поэто-

⁹⁶ Там же, стр. 41.

⁹⁷ Там же, стр. 122—123.

⁹⁸ Батрачество и пастушество в СССР, М., 1929, табл. 3, стр. 7.

⁹⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 10, л. 117.

му, естественно. в Дагестане очень широкое развитие получали всевозможные промыслы.

Так, комиссия РКИ, осуществившая бюджетное обследование Даргинского округа, установила, что в 96% обследованных аулах основным подспорьем для 24,7 процента всех хозяйств был кустарный промысел.¹⁰⁰ О социальной природе этих хозяйств говорит тот факт, что среди них 52% были безземельными и 48% — малоземельными. Комиссия РКИ определила, что 85,7 процента кустарей бедняки, а 14,3 процента — середняки. Основным их занятием было производство кавказского сукна. Этим делом занимались 81,3 процента всех кустарей,¹⁰¹ в основном женщины. Мужчины предпочитали отхожий промысел.

Всесоюзная перепись населения 1926 года зарегистрировала 58 141 отходников, на 35 тысяч человек меньше, чем в дореволюционном 1913 году.¹⁰² Очевидно, что такое резкое сокращение численности отходников произошло в результате аграрных преобразований, осуществленных Советской властью, а также целенаправленной классовой политики Коммунистической партии и Советского государства, обеспечивших рост значительной части бедноты до уровня середняков. Однако Октябрьская революция не могла одним махом разрешить такой серьезнейшей проблемы, как неравномерное распределение производительных сил и средств производства. Поэтому и после революции перед многими тысячами представителей горской бедноты продолжал стоять вопрос: где добыть средства к существованию? И источником этих средств по-прежнему продолжал оставаться отхожий промысел. По-прежнему большая часть их (33 тыс.) уходила за пределы республики, меньшая (25 тыс.) — оставалась внутри. Но далеко не прежними остались отношения найма-продажи. До революции, как правило, почти все отходники попадали в сферу капиталистической эксплуатации. Это и понятно. В условиях господства частной собственности и засилья монополий иначе и быть не могло.

Совсем другое дело в Советскую эпоху. Национализация промышленности и транспорта, строительство крупных социалистических предприятий в сельском хозяйстве в корне изменили положение. Теперь особенно много рабочих рук поглощала быстро развивающаяся индустрия. Надо отметить, что в конце 20-х годов на этой почве сельскохозяйственный отход, который до революции занимал такое значительное место, постепенно, с развертыванием нового строительства, как внутри республики, так и за ее пределами, стал терять

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, л. 119.

свое значение. Подавляющее большинство отходников стало оседать в промышленности и на новостройках. Это значит, что огромное большинство отходников в условиях Советской власти оказалось в сфере последовательно социалистических отношений. Наблюдалась характерная для переходного периода картина: имея ничтожное хозяйство на клочке земли, отходник, с одной стороны, несомненно являлся частным собственником и в определенной мере носителем буржуазных отношений. Однако его личное хозяйство далеко не обеспечивало его личных нужд и, естественно, он вынужден был восполнять дефицит, прибегая к отхожему промыслу, в основном нанимаясь сезонным рабочим на рыбные промыслы, на промышленные предприятия, транспорт, строительство и в совхозы, т. е. работая в социалистическом секторе. Следовательно, с другой стороны, будучи рабочим социалистической промышленности, он представлял социалистические производственные отношения. И надо заметить, что не менее 80 процентов всех рабочих, связанных с сельским хозяйством, составляли именно отходники, втянутые в сферу влияния различных производственных отношений.

* * *

В дореволюционном дагестанском ауле основной производительной единицей, особенно в горном Дагестане, являлось мелкое бедняцкое и маломощное середняцкое хозяйство. На эту группу приходилось до 70 процентов всего населения области и около двух третей всего сельскохозяйственного производства. Однако процесс социального расслоения основательно прошелся по дагестанскому крестьянству, особенно на земельной равнине явно наметилась тенденция к поляризации крайних групп, резко возросла неравномерность между ними, особенно в такой отрасли, как овцеводство. На этой почве почти половина трудоспособного населения постепенно превращалась в деревенский пролетариат.

Совсем по другому выглядит социальное лицо дагестанского доколхозного аула. Национализация земли и передача помещичьих и казенных угодий горской бедноте, постоянная и все растущая всесторонняя экономическая помощь и политическая поддержка со стороны Коммунистической партии и Советского правительства привели к тому, что значительное число маломощных крестьян сумели подняться до уровня середняков. Средняк в общем занял центральное место и по числу населения, и как производящая единица, и как собственник основных средств и орудий производства. Как отметил XV съезд партии, в укреплении середняка и заключалась отличительная особенность социального расслоения крестьянства в переходный период.

Вместе с тем, рассматривая процесс социального расслоения дореволюционного дагестанского аула, можно заметить, какое большое влияние оказывали на его характер и степень развития, естественные условия, действующее извне историческое влияние и другие эмпирические обстоятельства. Октябрьская революция, конечно не могла ни ликвидировать воздействия этих факторов, ни уравнивать их последствия для всех областей и районов, не взирая на их прошлое, на степень их экономического развития и т. д. Поэтому очень важно проследить социально-экономические процессы по тем же географическим зонам — по горам и равнине. Во-первых, это позволит нам еще полнее ощутить и подлинные итоги Октябрьской революции, во-вторых, и это главное, поможет понять последующий ход развития событий и дифференцированную политику в отношении гор и равнины в период коллективизации.

На первых порах революция не ставила да и не могла ставить перед собой задачу ликвидировать исторически сложившуюся неравномерность в размещении производительных сил и средств производства. Как была аграрная перенаселенность гор до революции, так она осталась и после революции. Правда, будет глубоким заблуждением думать, будто Октябрь не внес никаких изменений в это обстоятельство. Ликвидация помещичьего и особенно казенного землевладения, передача республике ряда округов, имеющих свободный земельный фонд, позволили наделить землей многих горских тружеников. Достаточно обратиться к данным об изменениях в землепользовании, чтобы убедиться в этом. Так, согласно переписи 1917 года в Аварском округе беспосевные составляли 2,7 процента всех дворов, а по данным ДСУ на 1926 год — 1,6 процента. Дворов с одной десятиной вместо 47 процентов в 1917 году стало 28,6 процента в 1926 году, зато число дворов, имеющих до 3 десятин посева, увеличилось на 11,1 процента.¹⁰³ То же самое и в Гунибском округе. Здесь численность не сеющих сократилась еще больше — в три с лишним раза.¹⁰⁴ Это, конечно, имеет прямое отношение к аграрной революции и ни в коем случае нельзя умалять значения этого факта. Конфискация казенных земель и передача их горской бедноте, наряду с всесторонней экономической помощью Советского государства, не могла не вызвать перегруппировки сил по землевладению. Однако в самых горах земли вообще не хватало, а безинвентарной маломощной бедноте равнина в тех условиях была недоступна. Поэтому «земельный голод» в горах и огромные массивы плодороднейшей, но пустующей земли на равнине по-прежнему были характерны для Дагестана.

¹⁰³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 23, л. 95.

¹⁰⁴ Там же.

Достаточно отметить, что несмотря на происшедшие перемены, в горах по-прежнему преобладало мелкое землевладение. Это особенно бросается в глаза при сравнении гор с равниной. Например, по одним и тем же данным, в 1926 году в Хасавюртовском округе хозяйств, сеющих три и меньше десятин на двор, было 28,1 процента, а в Аварском округе — 86,8, в Андийском — 89,5, в Гунибском — 89,4 процента.¹⁰⁵ И в этом нет ничего удивительного, если учесть, что в этих округах на душу населения приходилось в среднем от 0,18 га пашни и садов в Андийском, до 0,20 га в Гунибском и 0,26 га в Аварском округах.¹⁰⁶ Малоземелье не могло не сказаться на процессе социального расслоения дагестанского крестьянства после революции. Обратимся к материалам о классовой структуре и экономической мощи каждой социальной группы горского аула.

Материалы сельскохозяйственной переписи 1917 года по Гунибскому и Аварскому округам свидетельствуют о том, что до революции в горном Дагестане основной производительной силой являлось мелкое крестьянское хозяйство, главным образом бедняцкое, имеющее не более 1 головы рабочего скота и 25 овец на двор. Вместе с бесскотными, таких дворов, например, в Гунибском округе было 69,0 процентов. Они держали у себя 50,9 процента всего крупного рогатого скота, 26,6 процента всех овец и 56,3 процента всей земельной площади. Средних, самостоятельных дворов насчитывалось 3056, или 23,6 процента, и держали они у себя 33,1 процента крупного рогатого скота, 20,2 процента овец и 29,7 процента всей земли.¹⁰⁷

Таким образом, 84 процента всего крупного рогатого скота, 46,8 процента всех овец и 86,6 процента всех земельных угодий находились в собственности бедноты и малоимущих середняков и лишь в овцеводстве преобладали зажиточно-кулацкие слои аула. Примерно таким же было положение в Аварском да и в других горных округах.

При анализе распределения орудий и средств производства между трудовой и эксплуататорской частями населения гор после революции особых внешних перемен на первый взгляд не заметно. Бедняцко-середняцкие слои по-прежнему оставались основной производительной силой, кулачество, хотя в результате революции и понесло потери, но по-прежнему продолжало господствовать в овцеводстве. Однако, если обратиться к данным по социальным группам, видно что перемены произошли грандиозные. В 1926—1927 году Народный комиссариат земледелия произвел выборочное обследование

---

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, оп. 9, д. 107, л. 115.

¹⁰⁷ Там же.

4330 дворов в 35 селениях республики, в том числе 903 двора Андийского, Аварского, Гунибского и Самурского округов.¹⁰⁸ Как показало это обследование, в горах подавляющее большинство дворов по-прежнему было бедняцким — 62,9 процента. По сравнению с 1917 годом налицо некоторое уменьшение — на 6,1 процента, но факт абсолютного преобладания бедноты среди населения очевиден. Сохранили они свое ведущее положение и в землевладении. В их распоряжении оставалось 46,6 процента всей земельной площади — больше чем у любой другой группы. Но если эту цифру сравнить с дореволюционными данными заметим, что земли у бедноты стало меньше почти на 10 процентов (на 9,7%), а по владению средствами производства они отодвинулись на второе место, уступив первенство, правда с минимальным перевесом в 0,4 процента, середнякам.¹⁰⁹ Более ощутимые перемены произошли в группе середняков. На 10,1 процента вырос ее удельный вес среди населения и резко улучшилось ее положение в производстве. Сосредоточив у себя 39,0 процентов всех средств производства, 44,8 процента всей земли и 45 процентов всей пашни, она реально претендовала на ведущее место в доколхозном ауле внутреннего горного Дагестана.

Наиболее рельефное представление об изменениях, происшедших в нагорном Дагестане в результате Октябрьской революции, дают данные о социальных группах по владению рабочим скотом. Верность этих данных обусловлена, во-первых, тем, что для определения социальных групп и по переписи 1917 года и по выборочному обследованию 1926 года взяты одни и те же аулы, и, во-вторых, рабочий скот в период военной разрухи к 1917 году понес совсем незначительные потери и в какой-то мере мог служить наиболее верным показателем действительного соотношения социальных групп до революции и изменений, происшедших после революции.

Согласно этим данным в 1917 году в горах дворов без рабочего скота было 33,1 процента, а в 1926 году — 26,5 процента, дворов с одним волом в 1917 году было 26,0 процентов, в 1926 году — 18,2 процента. Это значит, что в результате утверждения рабоче-крестьянской власти пролетарские и полупролетарские слои населения горного Дагестана уменьшились на 14,4 процента. Удельный вес дворов с 2—4 волами с 34,7 процента в 1917 году увеличился до 49,6 процента в 1926 году. Хотя не сильно, но все же уменьшилась и верхняя группа, имевшая свыше 4 волов на двор. Ее удельный вес с 6,2 процента в 1917 году уменьшился до 5,7 процента в 1926 году. Таким образом, крайние группы уменьшались, увеличивались средние слои. Вместе с тем бросается в глаза

¹⁰⁸ Архив Дагобкома КПС.С., ф. 1, оп. 9, д. 209.

¹⁰⁹ Там же, л. 92—93.

и очень незначительные, на первый взгляд, изменения в верхней зажиточно-кулацкой группе. Однако если сделать дальнейшее дробление этой группы, то заметим, что и здесь произошла решительная перестановка сил. Так, в 1917 году дворов, имеющих до 8 голов рабочего скота, в этой группе было 4,6, а в 1926 году уже 5,1 процента, т. е. больше на 0,5 процента, зато наиболее мощный слой, имеющий свыше 8 голов на двор, с 1,6 процента в 1917 году уменьшился до 0,6 процента в 1926 году.¹¹⁰ И это при абсолютном увеличении поголовья рабочего скота в 1926 году по сравнению с 1917 годом. Это значит, что рост верхней группы происходил главным образом не за счет увеличения наиболее мощных кулацких дворов, а за счет хозяйственного роста зажиточных слоев.

Перейдем к анализу данных о социальном расслоении равнинного аула. Материалы переписи 1917 года убеждают нас, что до революции и равнинные районы развивались далеко неравномерно. Если северные районы равнины, например, Хасавюртовский округ, низменная часть Темир-Хан-Шуринского округа, решительно встали на путь капитализма, если в этих округах крупное предпринимательское хозяйство заняло доминирующее положение, то в южной части равнины, в частности, в Южно-Табасаранском наместничестве Кюринского округа, процесс расслоения еще не завершился, крупное кулацкое хозяйство играло здесь куда более заметную роль, чем в горах. Тем не менее значительно больше половины производства оставалось еще за бедняками и маломощными середняками.

Каково же было положение этих округов после революции? По данным обследования Хасавюртовского, Махачкалинского и Кизлярского округов, в 1927 году¹¹¹ удельный вес бедноты в этих округах достигал 39,5 процента, середняков — 53 процента, кулаков — 7,5 процента. Таким образом, среди населения плоскости абсолютное большинство составляли середняки. Между тем, согласно переписи 1917 года, в Хасавюртовском округе две трети всего населения составляли пролетарские и полупролетарские бедняцкие слои. В 1917 году в округе было 28,1 процента беспосевных дворов, а в 1926 году — уже 17,7 процента — на 10,4 процента меньше. С 48,6 до 28,1 процента, т. е. на 20,5 процента уменьшилась и группа, сеющая 3 и меньше десятин на двор. Зато в два с лишним раза (с 15 до 30,9 проц.) выросла группа, сеющая 3—5 десятин, т. е. средняя группа. Большие изменения произошли и в группе многопосевных. Она уменьшилась почти

---

¹¹⁰ «Плановое хозяйство Дагестана», № 2—3, 1929, стр. 116 (цифры введены мною — О. Г.).

¹¹¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 85—86.

в два раза.¹¹² Явный процесс осереднячения, поравнения крестьян!

По данным 1927 года середняк на равнине занял центральное место не только среди населения, но и в производстве: ему принадлежало 62 процента всей пашни и 44,2 процента всех средств производства.¹¹³ Еще более предпочтительным было положение середняка в южных районах равнины. До революции 41,9 процента всей земли, 56,1 процента всего крупного рогатого скота и 26,8 процента всех овец держали 66 процентов дворов, которые имели не более 3-х десятин на двор или вовсе беспосевные, т. е. явно бедняцкие. В 1927 году беднота составляла 30,2 процента населения этого района и у нее находилось 15,3 процента всех посевов и 16,4 процента всех средств производства. В это время абсолютное большинство населения было уже средним. Средняки составляли 61,5 процента всех дворов и у них концентрировалось 73,9 процента всей посевной площади и 64,6 процента всех средств производства этого района.¹¹⁴

Такое решительное преобразование равнинного аула будет вполне понятным, если вспомним, что наряду со сравнительно высоким социально-экономическим развитием здесь концентрировалось свыше 80 процентов всей конфискованной земли. Из 441 тыс. га земли, конфискованной сразу же по утверждении в республике Советской власти, 356 тыс. га приходились на равнину. Эта земля поступила в распоряжение трудового крестьянства и способствовала хозяйственному росту бедноты до уровня середняков.

Теперь о предгорной полосе. Она существенным образом отличалась и от внутреннего нагорного Дагестана и от низменных районов. Если в первой зоне преобладало животноводство, а во второй земледелие, то в предгорной зоне, куда входили Буйнакский, Кайтаго-Табасаранский, Даргинский и Кюринский округа, преобладало хозяйство смешанного типа. До революции в этом районе начался процесс перехода от капиталистических отношений к капиталистическим. Однако, согласно переписи 1917 года, несмотря на интенсивный процесс расслоения, и в этом районе преобладал мелкий производитель, главным образом, бедняк и маломощный середняк. Судя по переписи 1927 года, в исследуемое время на центральное место уверенно выдвинулся уже середняк. Средняки составляли и 50,1 процента всего населения, им принадлежали и 57,6 процента всей земли, и 49,7 процента всех средств

---

¹¹² Данные о распределении пашни в 1926 г. извлечены из архива Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 23, л. 95.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

производства. Беднота, составляя 46,3 процента всего населения, владела 32,9 процента всей земли и 29,7 процента всех средств производства.¹¹⁵

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции характер социально-экономических процессов в Дагестане повсеместно претерпел коренные изменения. Если в дореволюционном Дагестане шел процесс разорения мелкого производства и рост крайних групп — верхней кулацкой и низшей пролетарской, — с одной стороны, наблюдалась концентрация производства и эксплуатация наемного труда, а с другой — разорение мелкого собственника и превращение в товар его рабочих рук, то после революции главным направлением социально-экономического развития аула был процесс осереднячения, поравнения, нивелировки неравномерности. Однако этот процесс в связи с естественными и историческими условиями и в зависимости от степени развития классовых отношений и классовой борьбы в прошлом в различных районах республики развивался неравномерно.

Например, на равнине, где в основном была сосредоточена помещичья земля и, следовательно, был фонд наделения бедноты, где в результате проникновения капитализма социальные отношения были сравнительно высокоразвитыми, после революции процесс осереднячения шел сравнительно быстрыми темпами и к 1927 году середняк безусловно стал центральной фигурой.

Иначе обстояло дело в горах. Накануне революции в общественной жизни и в быту нагорного аула господствовала патриархальщина, слабо было выражено классовое деление аула, частновладельческих земель, которые впоследствии составили бы фонд наделения бедноты, было очень мало, поэтому классовый антагонизм здесь не получил такого развития. Очень часто интересы религии и рода брали верх над классовыми интересами. Эти факты, наряду с острым естественным земельным голодом, сыграли немалую роль в том, что и после революции в горах преобладала беднота. И еще. Надо заметить, что рост бедноты до уровня середняков сдерживался и самим хозяйственным направлением этой зоны. Ведущей отраслью сельского хозяйства в горах являлось животноводство, в основном, отгонное овцеводство. Две трети всего сельскохозяйственного производства в нагорном Дагестане приходилось именно на эту отрасль. Между тем известно, что отгонная система овцеводства в условиях индивидуального хозяйствования рентабельна только для крупного собственника. Поэтому, как уже было отмечено, даже в условиях Совет-

---

¹¹⁵ Там же, стр. 90—91.

ской власти, когда труженику были предоставлены максимум льгот, процесс хозяйственного роста мелких овцеводов протекал слишком медленно.

Различие между горами и равниной проявлялось не только в степени развития процесса осереднячения аула. Оно было еще более наглядным в степени их технической оснащенности. Так, обследование 1926 года зарегистрировало в республике 37 624 сельскохозяйственных орудия, из них 22 174, или 59,0 процентов, примитивных и 15 450, или 41,0 процента, сложных, усовершенствованных. Как распределялась эта техника между географическими зонами? На горы приходилось 21 243 орудия, или 56,5 процента всей зарегистрированной техники. Из них 21 243, или 98,6 процента, составляли примитивные сохи и лишь 1,4 процента являлись усовершенствованным. На равнине, наоборот, соотношение было в пользу усовершенствованных орудий, — они составляли 92,2 процента всей земледельческой техники равнины.¹¹⁶ Таким образом усовершенствованная земледельческая техника, для эксплуатации которой требуются относительно обширные земельные просторы, концентрировалась на земледельческой равнине, где и были такие массивы. А в горах, где земли не хватало, где преобладало террасное земледелие на клочке, добытом у природы трудом поколений, в то время сложной технике, из-за сильной пересеченности поверхности, как говорится «делать было нечего». Мелкий собственник, которому принадлежала земля в горах, вполне обходился примитивной сохой для вспашки своего клочка.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СОЛДАТ В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К концу XIX и началу XX столетия центр революционного движения переместился с Запада на Восток. В России, представлявшей узловой пункт противоречий империализма, поднималась величайшая народная революция во главе с революционнейшим в мире пролетариатом, имевшим такого серьезного союзника, как революционное крестьянство. Перед русским пролетариатом стояли задачи всемирно-исторического значения. В. И. Ленин в 1894 г. в своей знаменитой работе «Что такое «друзья» народа и как они воюют против социал-демократов?» писал «... русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) *прямой дорогой открытой политической борьбы* к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».¹

Империализм в России привел к тому, что революция стала практической неизбежностью, создались благоприятные условия для взятия власти пролетариатом. Поэтому необходимо было вооружить пролетариат России научно обоснованной программой о путях и средствах свержения царизма, ликвидации всех остатков феодализма и завоевания демократической республики. Эта великая миссия была выполнена В. И. Лениным.

В. И. Ленин в своих классических трудах блестяще осветил все вопросы, поставленные ходом развития России. В работах «Что такое «друзья» народа и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и в других, на основе глубокого изучения экономического и политического развития России конца XIX—начала XX столетия, В. И. Ленин пришел к выводу, что в конкретных условиях России, сложившихся к этому периоду, единственным путем разрешения задач надвигав-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 282.

шейся первой русской революцией является вооруженное восстание. В условиях, когда реакция располагала огромными военными и политическими силами, мирный путь развития революции был исключен, рабочие в союзе с крестьянством могли добиться своего освобождения только силой оружия.

Для революционного преобразования России необходимо было создать общественную силу — союз рабочего класса с крестьянством, способную подняться против старых сил общества и разбить их. В. И. Ленин учил большевиков, что вооруженное восстание революционной армии, которая состоит в «1) вооруженном пролетариате и крестьянстве, 2) в организованных передовых отрядах из представителей этих классов, 3) в готовых перейти на сторону народа частях войска»,² является важнейшим средством ликвидации царизма, остатков феодализма, а затем капитализма в России.

В связи с приближением первой русской революции перед большевиками встала серьезная задача соединить в один общий мощный революционный поток борьбу рабочих, крестьян, солдат и матросов.

Победа революции могла быть достигнута лишь при условии завоевания армии на сторону революционного народа. В. И. Ленин ставил исход революции в прямую зависимость от поведения солдат, матросов и указывал партии на необходимость привлечения их на сторону революции. «... Если революция не станет массовой и не захватит самого войска, — писал Ленин, — тогда не может быть и речи о серьезной борьбе».³ Подавляющая масса армии рекрутировалась из крестьян, поэтому борьба партии за солдат и матросов была борьбой за укрепление союза рабочего класса с крестьянством.

Привлечение армии на сторону революции приобретало исключительно важное значение еще и потому, что царизм в борьбе против революции в стране опирался на вооруженных солдат и матросов. Поэтому в ходе развития революционных событий в России особенно усилилась борьба разных классов и партий за армию. Каждый класс стремился использовать армию для достижения своих целей в данной революции.

В. И. Ленин еще в 1902 году, разрабатывая программу борьбы пролетариата России, в своей работе «Что делать?» призывал социал-демократов сплотить всех недовольных существующим строем, «идти во все классы населения», посылать своих гонцов и в армию, для организации всенародной борьбы против царизма.

В. И. Ленин указывал на необходимость изучения военного дела, требовал обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание

² В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 337.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 148.

военных организаций, входящих в нашу партию. В. И. Ленин предлагал «направить все усилия к скорейшему закреплению и оформлению всех имеющихся связей среди офицеров и нижних чинов... образованию особых групп служащих в войске социал-демократов с тем, чтобы группы эти занимали определенное положение в местных комитетах (как ветви комитетской организации) или в центральной организации (как учреждения, созданные непосредственно центральным комитетом и непосредственно ему подчиненные)».⁴

Выполняя указания великого В. И. Ленина и исходя из решений съездов и конференций, партия создавала и укрепляла армейские организации и посылала туда опытных и закаленных коммунистов. В годы первой русской революции огромную работу в армии вели ученики и соратники В. И. Ленина — Я. М. Свердлов, М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, С. Шаумян, М. Цхакая, В. В. Куйбышев, Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, Е. М. Ярославский, Р. С. Землячка и др.

В целях завоевания солдат на сторону революционного народа наша партия издавала ряд газет, в которых разоблачала самодержавно-помещичий строй, разъясняла солдатам необходимость совместной борьбы с рабочими и крестьянами, как единственного средства свержения царизма и остатков феодализма.

Выступления солдат и матросов в период первой русской революции неразрывно связаны с общим ходом политической борьбы рабочих и крестьян, с экономическим и политическим положением страны накануне революции. Выступления рабочих и крестьян и поражение царской России в русско-японской войне нашли отклик в армии и привели к солдатским восстаниям.

Революция 1905—1907 гг. дала немало прекрасных примеров умелого использования большевиками царской армии. Замечательным образцом привлечения армии на сторону революции является славное восстание моряков на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г. Это было первым массовым революционным выступлением моряков против самодержавия. Восстание оказало огромное революционизирующее влияние на царскую армию. Под влиянием выступлений рабочих, крестьян и восстания моряков Черноморского флота развернулось мощное революционное движение и среди царских войск в Дагестане.

* * *

Окраинное положение Кавказа, который находился с давних времен под постоянной угрозой нашествия со стороны иноземных захватчиков, и рост национально-освободительного

---

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 435.

движения, развернувшегося под влиянием первой русской революции, привели к дальнейшему усилению здесь армии. По неофициальным данным в 1905 году в Дагестане были расквартированы следующие военные части. В Темир-Хан-Шуре — 254 резервный батальон, Дагестанский конный полк, 21 артиллерийская бригада, пулеметная сотня; в Порт-Петровске — 255 Аварский резервный батальон, крепостная артиллерийская рота, артиллерийский полк 21 арт. дивизии, батальон Самурского пехотного полка, сотня Конно-дагестанского полка; в Хасавюрте — Ширванский полк, в Дешлагаре — 83 Самурский пехотный полк, учебная команда, в Дербенте — 256 Гунибский резервный батальон, сотня Дагестанского конного полка; в Хунзахе — пластунский казачий батальон, рота крепостной артиллерии; в Нижнем Дженгутае — сотня Дагестанского конного полка; в Халимбек-ауле — сотня Конно-Дагестанского полка; в укреплении Ведено — батальон 222 пехотного резервного Шацкого полка; в Нижнем Казанище — сотня Дагестанского конного полка; в Чирюрте — батальон Ширванского пехотного полка и др.⁵

Численность армии здесь росла с каждым годом. Если в 1906 г. было расквартировано 7339 солдат⁶, то через год их количество увеличилось до 9 тысяч.⁷ Опираясь на эту вооруженную силу, царское правительство проводило здесь колониальную политику, жестоко подавляло революционное движение трудящихся масс области. Поэтому перед большевиками Дагестана встала серьезная задача — завоевать эту вооруженную силу на сторону революции.

Царское правительство бдительно оберегало армию от проникновения революционных идей. Поэтому требовалась особенно тщательная конспирация и умение использовать самые разнообразные формы и методы борьбы. Работа большевиков осложнялась еще и тем, что приходилось вести борьбу против буржуазных и мелкобуржуазных партий, прежде всего, эсеров и меньшевиков, усиливших раскольническую деятельность среди солдат и матросов. Эта борьба носила особенно острый характер в Дагестане, где влияние мелкобуржуазных партий среди солдат было сильным.

Для усиления партийной работы среди солдат были созданы военные бюро в социал-демократических организациях Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры, в которые вошли представители от каждой роты. Большую помощь этим организациям в развертывании большевистской агитации оказывали Бакинский и Грозненский комитеты РСДРП. Основная задача большевистских военных организаций заключа-

⁵ Газ. «Красный Дагестан», 31 декабря 1925 г.

⁶ Обзор Дагестанской области за 1906 г., стр. 7.

⁷ Там же, за 1908 г., стр. 7.

лась в том, чтобы своей работой среди солдатских масс подготовить переход армии на сторону революционного народа.

Большевики неустанно разъясняли солдатам необходимость совместного их с рабочими и крестьянами выступления против царизма. Об огромной работе, проведенной большевиками среди солдат, говорил на III съезде РСДРП член Кавказского союзного комитета РСДРП Миха Цхакая: «особенное внимание на Кавказе обращено на работу в войсках. Солдаты многих полков заразились «революционной бациллой. Во многих полках и офицеры даже, под влиянием листковой агитации в среде рядовых, отказываются командовать при стачках».⁸

Большая работа среди солдат в Дагестане была проведена Темир-Хан-Шуринской социал-демократической организацией. Она распространяла среди солдат листовки, прокламации, газеты, брошюры, полученные из России, составленные Бакинским комитетом, Грозненской группой РСДРП.

В результате большевистской агитации солдаты в Дагестане выступали не только с требованием улучшить материально-бытовое положение, но и с политическими требованиями.

Особенно большое влияние на настроение солдатской массы оказывали выступления рабочего класса и крестьянства страны. Набранные из крестьян солдаты были связаны с деревней. Рассказы новобранцев, письма родных знакомили солдат с невыносимо тяжелым положением в деревне, борьбой крестьян за землю и свободу. Кроме того, у самих солдат было достаточно оснований подняться на вооруженную борьбу против существующего строя. Характеризуя бесправное положение солдат, В. И. Ленин писал: «Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личность, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком».⁹

Под влиянием борьбы рабочих и крестьян и в результате огромной работы, проведенной большевиками, росла революционная сознательность солдатских масс, их солидарность с революционным народом. Было немало случаев, когда солдаты отказывались стрелять в восставших рабочих и крестьян.

В апреле 1905 года произошло вооруженное выступление крестьян сел. Атлы-Боюн Темир-Хан-Шуринского округа против бека Джамалутдина Тарковского, незаконно захватившего пастбищный и пахотный участок «Кокрек», принадлежавший этому обществу. Для подавления восстания из Темир-Хан-Шуры была послана хорошо вооруженная сотня

⁸ Протоколы третьего съезда РСДРП. Партиздат. 1937, стр. 136.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 36—37.

Дагестанского конного полка. Крестьяне оказали всадникам вооруженное сопротивление. Приказ командира сотни «открыть огонь» по восставшим не был исполнен всадниками.

Постепенно приходят в движение и сами солдатские массы. 22 сентября 1905 г. произошло волнение среди солдат 21 летучего артиллерийского полка, расквартированного в г. Порт-Петровске. Непосредственным поводом к нему послужило беззаконие, творимое офицерами. Солдаты несли не только военную службу, но и по усмотрению командиров должны были выполнять различные полевые и строительные работы. В течение месяца их заставляли строить помещение для делопроизводителя полка. Доведенные до отчаяния, солдаты отказались выполнять приказания командира и открыто заявили фельдфебелю, что они не желают строить дом для делопроизводителя, что они «не для этого призваны на службу». Под давлением коллективного выступления солдат командир полка вынужден был прекратить работу.

Борьба трудящихся Дагестана была составной частью первой русской революции, она развивалась под непосредственным влиянием выступлений рабочего класса и крестьянства России. Огромное влияние на развитие революционного движения в стране оказала Всероссийская октябрьская политическая стачка 1905 г. Мощное революционное движение рабочего класса и крестьянства заставило насмерть перепуганного царя выступить с манифестом 17 октября. Стачка, начатая московскими рабочими, стала распространяться по всей стране. Под ее влиянием развернулись революционные выступления рабочих, крестьян и солдат и в Дагестане.

23 октября 1905 года произошла крупная политическая демонстрация трудящихся города Темир-Хан-Шуры. С целью завоевания на свою сторону солдат местного гарнизона демонстрантами была послана делегация к казармам резервного батальона. Все попытки командования использовать солдат для подавления демонстрации не имели никакого успеха. Солдаты отказались подчиниться командирам, чем высказали свою солидарность с демонстрантами.

Большая группа солдат с оркестром двинулась на городскую площадь, где проходила демонстрация трудящихся города. Демонстранты в течение дня шли «от одних казарм к другим», всюду встречаемые восторженными приветствиями солдат. В каждой казарме присоединялись к демонстрации толпы солдат. К концу дня солдаты составляли уже почти половину демонстрантов.¹⁰ Демонстранты несли красные знамена, пели революционные песни. Демонстрация прошла под большевистскими лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание!» Большеви-

---

¹⁰ Газ. «Красный Дагестан», 31 декабря 1925 г.

ки распространяли листовки, в которых разъясняли народу, что царь издал манифест не по своей воле и что обещание свобод вырвано у царя революционной борьбой народных масс; убеждали солдат в том, что манифест 17 октября это обман, ловушка, рассчитанная на то, чтобы выиграть время для мобилизации сил против революции, призывали народ к оружию, к подготовке вооруженного восстания.

Демонстрация 23 октября занимает важное место в истории революционного движения в Дагестане. Это было первое массовое политическое выступление солдат совместно с горцами. Оно способствовало дальнейшему сближению местного населения с солдатами и в свою очередь оказало огромное революционизирующее влияние на солдат в Дагестане, участились случаи дезертирства и отказа подчиняться приказам командиров.

Следующее крупное выступление солдат произошло 27 ноября 1905 года в слободе Хасавюрт. Восставшие солдаты Ширванского полка предъявили командованию ряд экономических и политических требований. По поводу этого выступления газета «Казбек» сообщала: «Сегодня вспыхнули беспорядки среди солдат Ширванского полка, главным образом, среди солдат срока 1902 года, они уже должны были быть уволены, часть их уже отправлена на родину, а остальные задержаны на два месяца. Эти задержанные, в числе около 500 человек, собрались у дома командира полка и потребовали, чтобы их отправили домой. Кроме того, они потребовали: 1) немедленного возвращения батальона Ширванского полка, посланного несколько дней тому назад на усмирение в Пятигорск, и 2) улучшение условий жизни».¹¹

В результате большевистской агитации все попытки начальства пустить в ход испытанное оружие — разжечь межнациональную вражду, натравить восставших солдат на горцев и евреев не увенчались успехом. В специальном воззвании большевиков к восставшим солдатам Ширванского полка говорилось: «Товарищи! Стойте дружно, действуйте в порядке, избегайте погромов, не трогайте жителей».¹² К солдатам присоединилось до тысячи местных жителей.¹³

По инициативе самих солдат в гарнизонах стали создаваться социал-демократические организации. Военные организации большевиков возникли в Порт-Петровске, Дербенте, Дешлагаре, Темир-Хан-Шуре. Они распространяли в казармах и вблизи расположения войск революционные листовки Бакинского комитета РСДРП, местных социал-демократических организаций, прокламации большевистского «Союза сол-

¹¹ Газ. «Казбек», № 2362. 1905 г.

¹² Там же.

¹³ Очерки истории Дагестана. т. I, Дагкнигоиздат, 1957 г., стр. 306.

дат» — «Ко всем солдатам», «Братья солдаты», 2-ой листок «Новостей союза солдат Тифлисского гарнизона», «Из солдатской и народной жизни» и др.

Наиболее активно работало Темир-Хан-Шуринское военное бюро. Оно было организовано в конце октября 1905 года при Темир-Хан-Шуринской группе РСДРП. Прокламации военного бюро выходили почти каждый день.

В январе 1906 г. военное бюро решило организовать вооруженное выступление солдат. Был налажен контакт с гарнизонами селений Леваши, Хунзах, Чирюрт и железнодорожной вольной охраной (Ширванский пехотный полк). В силу плохой организованности и подрывной деятельности меньшевиков, орудовавших среди солдат, выступление не состоялось.

В марте был налажен выпуск гектографированных листовок — «Новости союза солдат». Листковая литература служила сильным средством большевистской агитации в войсках.

Листовки Темир-Хан-Шуринского военного бюро рассказывали солдатам о тяжелых условиях жизни трудящихся страны, об общности интересов рабочих, крестьян и солдат. Они убеждали солдат не стрелять в народ, призывали к совместному выступлению с рабочими и крестьянами страны. В одной прокламации, которая широко распространялась среди солдат, Темир-Хан-Шуринская военная организация писала: «Неужели мы будем дальше молчать, когда наших родных за то, что они просят кусок хлеба, самодержавное правительство беспощадно избивает плетьюми, сажает в тюрьмы, грабит до последней копейки, расстреливает наших жен, детей, отцов, матерей, братьев и сестер! Вспомните, товарищи, те несчастья, какие происходят с нашими родными в губерниях Херсонской, Саратовской и по всей России? Неужели они пишут нам о своих несчастьях, заливая свои письма слезами, для того, чтобы мы, прочитав, позабыли о них? Неужели для того, чтобы мы смеялись над ними и даже своим оружием их расстреливали, когда они плачут от голода и со слезами протягивают к нам руки, прося у нас помощи и защиты? Неужели мы слепы, что не будем видеть их рыдания? Пора товарищи, открыть глаза и видеть слезу отцов! Пора увидеть обман наших начальств, которые так ловко обманывают нас...»

Прокламация заканчивалась призывом: «Долой самодержавие! Да здравствует революция и русская революционная армия».¹⁴

Военные бюро призывали солдат к восстанию. Они разъясняли солдатам зависимость военного восстания от восстания рабочих, крестьян, и призывали к совместным выступлениям

¹⁴ Рук. фонд ИИЯЛ Дагестанского филиала Академии наук СССР. д. 1376, л. 30.

под руководством пролетариата, являющегося самым решительным и последовательным борцом против самодержавия.

Разоблачая политику натравливания солдат на горцев, проводимую правительством, большевики Дагестана проводили значительную работу по воспитанию солдат различных национальностей в духе пролетарского интернационализма, в духе дружбы и совместной борьбы против царизма, а также по укреплению связей между солдатами и трудящимися горцами Дагестана. В обращении к солдатам Темир-Хан-Шуринского гарнизона они писали: «Знайте, товарищи, что горцы не враги, а искренние друзья ваши. Они так же угнетены, как и вы, они так же, как и вы, готовятся к борьбе с нашим общим врагом и угнетателем-правительством. Они никогда не пойдут против вас, а наоборот, готовы помочь вам, если это будет нужно».¹⁵ Большевицкая агитация имела исключительно важное значение. Под ее влиянием солдаты в Дагестане решительно становились на сторону горцев.

Военное бюро Темир-Хан-Шуринской группы РСДРП на 13 апреля 1906 года наметило общее выступление солдат Темир-Хан-Шуринского гарнизона. Основные требования солдат, составленные военным бюро для всех частей, были отпечатаны на гектографе и распространены среди солдат. По плану военного бюро вооруженные воинские части рано утром должны были потребовать командиров и предъявить им свои требования. В случае отказа командира выслушать их, восставшие должны были назначить своего командира, подчиняясь распоряжениям военного бюро. По широко задуманному плану выступление солдат Темир-Хан-Шуринского гарнизона должно было положить начало всеобщему выступлению солдат, дислоцированных в Дагестане. 13 апреля выступили только солдаты 254 резервного батальона. В 8 часов утра вооруженные нижние чины 2, 3, 4 роты этого батальона в числе 200 человек собрались около казармы батальона и потребовали к себе командира.¹⁶ Перепуганный командир не явился. К восставшим прибыл штаб-офицер батальона подполковник Александров, которому нижние чины вручили свои требования. Эти требования состояли из 16 пунктов и в основном носили экономический характер:

1. Немедленное увольнение нижних чинов срока службы 1903 года с выдачей хорошей одежды, остающимся нижним чинам выдать все готовые вещи, не исключая и одежды, кому полагается.
2. Улучшить питание.
3. Запретить офицерам вскрытие солдатских писем.
4. Продукты и провиант принимать назначенными людьми по одному от каждой роты.
5. Газеты выписывать по выбору нижних чинов, а не по при-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала Академии наук СССР, д. 1388, л. 7.

казу.¹⁷ Под влиянием роста национально-освободительного движения на национальных окраинах, в частности в Дагестане, в одном из пунктов требований солдат говорилось о необходимости равноправия для угнетенных национальностей.

Темир-Хан-Шуринское военное бюро, стремясь поднять на восстание всех солдат гарнизона, обратился к ним со следующим воззванием: «Товарищи солдаты! Вам уже известно, что резервный батальон забастовал и выставил ряд требований... Солдаты резервного батальона ждут, что вы все последуете за ними и также предъявите свои требования. Присоединяйтесь, товарищи, к ним, поддержите их, а они поддержат вас. Если вы соединитесь вместе, то вашей силы испугается начальство и не посмеет вам отказать».¹⁸ «В военном бюро, — пишет П. Ковалев, — была твердая уверенность, что в случае удачи выступления Петровск, Дешлагар и Чирюрт присоединятся к ним. Остальные гарнизоны выступить против не посмеют. Командование, узнав об этом, сумело предпринять меры. Поэтому не все выступили».¹⁹

Так, в силу недостаточной подготовительной работы среди солдат гарнизона и мер, принятых командованием, осведомленном о готовящемся солдатском выступлении, остальные части не поддержали выступление батальона. Подполковник Александров выслушал солдат и пообещал исполнить предъявленные ими требования. Солдаты поддались провокационному обману и разошлись по казармам. Утром 14-го апреля казармы были оцеплены пулеметной командой и сотней Дагестанского конного полка, вызванной из Н. Дженгутая. Руководители выступления и члены военного бюро были арестованы. Требования солдат и не были выполнены.

Недовольство солдат существующим строем особенно усилилось в связи с разгоном 1-й Государственной думы. Отношение солдат к нему отражало настроение крестьян, ждавших от думы разрешения земельного вопроса. Роспуск думы усилил волнение среди крестьян. Для соединения солдатских волнений с выступлениями рабочих и крестьян В. И. Ленин требовал от большевиков: «Усиленно использовать именно роспуск думы, как повод к концентрированной агитации с призывом к всенародному восстанию. Разъяснить связь политической стачки с восстанием. Направлять все усилия к тому, чтобы достигнуть объединения и совместного выступления рабочих, крестьян, матросов и солдат на активную вооруженную борьбу».²⁰ Большевики Дагестана, руководствуясь указаниями Ленина, развернули агитацию среди солдат, которая

¹⁷ Там же, л. 8.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 2, л. 107.

¹⁹ Газ. «Красный Дагестан», 31 декабря 1925 г.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 101—102.

дала замечательные результаты. Так, солдаты Самурского полка открыто заявляли, что помещики мешают крестьянским депутатам разрешить земельный вопрос.

Крупным выступлением солдат и матросов в период первой русской революции и наиболее значительным из всех солдатских выступлений в Дагестане было вооруженное восстание солдат 83 Самурского пехотного полка, вспыхнувшее в урочище Дешлагар (ныне Сергокала) 17 июля 1906 года.

В основе восстания лежали политические мотивы — недовольство солдат существующим строем, стремление свергнуть царизм, остатки феодализма.

Восстанию предшествовала большая подготовительная работа, проведенная Бакинским комитетом РСДРП и большевиками Дагестана. Отдельные батальоны и роты Самурского полка долгое время несли полицейскую службу в Баку, Грозном, Владикавказе, Порт-Петровске и по линии Владикавказской железной дороги. Многие самурцы были участниками славных боевых выступлений рабочих ряда городов России и Кавказа.

2 декабря 1905 года в Баку состоялась мощная вооруженная демонстрация солдат Бендерского полка и других частей. Демонстрацию охраняли артиллеристы с тремя орудиями. Солдаты Самурского, Сальянского полков и казаки 2-го Хоперского полка, посланные для подавления демонстрации, отказались стрелять в своих товарищей.²¹

Особенно большое революционизирующее влияние на солдат Самурского полка оказало выступление бакинского пролетариата. Участник восстания солдат 83 Самурского пехотного полка Тихон Евгеньевич Бесчетнов в своих воспоминаниях пишет: «Третий батальон Самурского полка в 1904 году находился в Баку. Он был послан в помощь Сальянскому полку охранять восставших каспийских моряков. Наши солдаты присоединились к восставшим, вместе с моряками пели Марсельезу. Тогда офицеры сняли наш караул. Еще до этого, во время выступления рабочих Баку, все солдаты присоединились к рабочим. Наши солдаты хотели обстрелять Сальянский полк, который не присоединился к рабочим. Тогда Нижницкий (в будущем — один из руководителей восстания — А. Г.) пришел к нашим артиллеристам и говорил, что нельзя стрелять в полк потому, что там кроме офицеров есть и солдаты. Мы вернулись из Баку, имея опыт совместной революционной борьбы с рабочими».

В Баку солдаты третьего батальона 83 Самурского полка через слесаря торгового общества «Кавказ и Меркурий» Новикова стали членами подпольной партийной организации, находившейся на Балаханской улице, против пересыльной ка-

---

²¹ «Бакинский рабочий», от 11 октября 1955 г.

зармы. И после возвращения в Дешлагар в апреле 1906 года солдаты держали связь с Бакинской организацией РСДРП через Новикова и Бельского, демобилизованного в 1905 году преподавателя Бакинской женской гимназии. Они через Самойленко, Нижницкого посылали революционную литературу в Дешлагар.

Как сообщается в одном из донесений помощника начальника бакинского губернского жандармского управления в Дагестанской области, отдельные части Самурского полка в 1905 году находились в г. Баку и «там достаточно восприняли революционные идеи».²²

Бывший подпоручик 7-й роты 2-го батальона Самурского полка, ныне пенсионер В. Турнэ, командированный в июне 1906 г. в Армавир за запасными солдатами, в своих воспоминаниях пишет, что в июне 1906 г. Самурский полк пополнился революционно настроенными солдатами из запаса. «Всего их было около 400 человек рядовых и младший комсостав. Когда мы ехали, они открыто выражали злость, недовольство существующим строем, мобилизацией. Они и приняли активное участие в восстании».

После возвращения подразделений Самурского полка из Баку в Дешлагар, в полку был организован подпольный революционный кружок. Организаторами и руководителями кружка были унтер-офицер Федот Самойленко, мастерской старшего разряда Нога и рядовые Чаусов, Яковенко, Голубятников.

Руководители кружка держали связь с Бакинским комитетом РСДРП.²³ В подготовке вооруженного восстания в 83 Самурском полку, — как говорится в жандармском донесении, — «путем преступной пропаганды среди нижних чинов наиболее деятельное участие принимал... ученик бакинского ремесленного училища Туманов — он же Монетов».^{23*} Бакинский комитет через почтальона Ивана Григорьевича Савина пересылал в Дешлагар газеты, журналы, листовки для распространения среди солдат. Было немало случаев, когда командование обнаруживало у солдат большевистские газеты «Рядовой», «Казарма» и др. Численность членов кружка доходила до 40 человек. По сообщению участника восстания Самурского полка Забиякина, члены кружка тайно собирались в лесу недалеко от Дешлагара. Солдаты читали большевистские газеты, листовки, беседовали о положении в стране. Члены кружка вели большую агитационную работу среди солдат, готовили их к вооруженному восстанию.

По воспоминаниям Бесчетнова, «революционную работу среди солдат Самурского полка вел Самойленко. Он выписывал

²² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1416, л. 6.

²³ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1417, л. 14.

^{23*} ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 1, д. 21, л. 102.

вал революционные газеты из Баку для распространения среди солдат. Такую же работу вел и штабс-капитан Нижницкий. Через Нижницкого из Баку мы получали подпольную литературу, которую читали на своих тайных собраниях».

16 июля 1906 года в 3 часа дня под руководством Самойленко состоялось тайное совещание членов кружка, на котором присутствовало около 40 человек. Здесь обсуждался вопрос о восстании. Чтобы придать восстанию широкий размах, было решено приурочить начало выступления к прибытию Дагестанского пехотного полка из г. Грозного, который должен был сменить Самурский полк. По этому плану самурцы должны были встретить Дагестанский полк с пением «Марсельезы» флагами и совместно с ним поднять восстание.

Решение тайного совещания стало известным командованию. В офицерском клубе состоялось экстренное совещание офицерского состава. Было решено на следующий день вывести из крепости всех солдат без оружия, обыскать их, посадить под арест и предать суду всех, у кого будет найдена хотя бы брошюра.

Осведомленная о планах командования, руководящая революционная группа в 11 часов ночи вновь собрала совещание. Участники совещания решил начать восстание немедленно, т. е. в ночь на 17 июля, и распределили обязанности между руководителями восстания. По намеченному плану, восставшие в первую очередь должны были захватить почту, телеграф, оружейные склады гарнизона, обезоружить учебную команду полка, на которую могло опереться командование, освободить арестованных солдат. Было решено арестовать командира полка Лемкуля, подполковника Кузнецова, батальонного командира Покровского, командира 10 роты Саркисова, штабс-капитана Маргунова. Командование восстанием было возложено на унтер-офицера Самойленко, который здесь же был назначен начальником Дешлагарского гарнизона. В числе главных его помощников были: мастеровой Нога и рядовые Голубятников, Яковенко и Чаусов. Как пишет в своих воспоминаниях Т. Бесчетнов, «мы решили восстать 17 июля потому, что, как заявляли наши руководители, в этот день должно быть объединенное выступление солдат, моряков, железнодорожников всей страны».

17 июля 1906 года в 2 часа ночи все солдаты 6 роты и 3 батальона 83 Самурского пехотного полка в количестве до 400 человек выступили с оружием в руках. События разворачивались по заранее намеченному плану. Группа солдат во главе с Еременко заняла почтово-телеграфную контору. Чтобы довести до сведения общественности о начавшемся восстании и поднять на совместное выступление с дешлагарцами другие воинские части, руководитель восстания Самойленко дал три телеграммы следующего содержания: «Дешлагарский гарни-

зон восстал, власть в руках восставших. Начальник гарнизона Самойленко». Одна телеграмма была направлена во Владикавказ (ныне Орджоникидзе) в газету «Терек», другая — в г. Баку и третья — в Кусари (ныне районный центр Азербайджанской ССР), где находился батальон Самурского полка.

В 4 часа утра командование дало распоряжение исключить Дешлагар из сети общей телеграфной линии. Телеграфное сообщение с Порт-Петровском, Дербентом и другими городами было прервано. Батальон под командой руководителя восстания Самойленко оцепил учебную команду и принудил ее присоединиться к восставшим. Из полковой гауптвахты были освобождены все арестованные нижние чины, среди которых был и Нога. Освобожденные присоединились к восставшим. Была дана команда открыть пороховой погреб, полковой цейхгауз и вооружиться каждому.

В телеграмме командира полка подполковника Лемкуля на имя военного губернатора Дагестанской области Тихонова говорилось: «Пять рот учиняют бунт, увещания напрасны, окажите содействие усмирению, почта в руках бунтарей, если возможно, вышлите конных дагестанцев».²⁴ Восстание застало врасплох командование гарнизона. Местная почтово-телеграфная контора уже была в руках восставших, поэтому телеграмма была отправлена на железнодорожную станцию Инче и там сдана на телеграф.²⁵

Как сообщает большевистская газета «Рядовой»: «Поднявшись в количестве 900 человек совместно с музыкантской командой, солдаты пошли, вооруженные винтовками, по урочищу. Музыка играла «Марсельезу». Таким образом, шествие продолжалось до 7 часов утра. После этого все солдаты отправились за урочище, где был назначен митинг».²⁶

На митинге выступали руководители восстания — Самойленко, Голубятников и др. Самойленко обратился к восставшим со следующим призывом: «Я вам объясню цель нашей забастовки. Ваши отцы издавна терпели гнет помещиков и чиновников. Издавна крестьяне обрабатывают землю и все отдают на чиновников и помещиков и кучку людей, которые властвуют над массой и которым принадлежат фабрики и заводы... устраним теперешнее правительство и установим желательный для всех порядок управления Россией».²⁷ На вопрос Самойленко: «Согласны ли все идти на это и клянетесь

²⁴ Т. е. «Дагестанский конный полк. — А. Г. ЦГИА Груз. ССР, ф. 40, д. 65/2545, л. 2 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Газета «Рядовой», № 2, 1906 г.

²⁷ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1416, л. 2.

ли идти до конца?» Все солдаты ответили хором: «Клянемся, согласны».²⁸

Под влиянием национально-освободительного движения, усилившегося в Дагестане в эти годы, руководители восстания в своих выступлениях также говорили о невыносимо тяжелых условиях жизни национальных меньшинств в России. Солидаризируясь с освободительным движением угнетенных народов, восставшие выдвигали требование уничтожения национального гнета как одно из главных своих требований.

На митинге было решено арестовать командира полка Лемкуля и подполковника Кузнецова и захватить власть в урочище Дешлагар. Часть командного состава полка, напуганная восстанием, убежала в леса и соседние селения, а другая часть собралась в доме подполковника Лемкуля.

Все восставшие были разбиты на три группы. Одна группа во главе с Ногой отправилась арестовать командира полка Лемкуля, другая группа — в продовольственный магазин, третья — во главе с Самойленко пошла сменить старый караул.

Навстречу отряду Самойленко вышел генерал Буславский, в это время находившейся в Дешлагаре. На его вопрос: «Куда идете?», солдаты ответили: «арестовать господ офицеров». Самойленко обратился с вопросом к солдатам: «Товарищи, арестуем генерала?» Получив согласие, он направился к генералу и заявил: «От имени всего батальона я назначен начальником гарнизона и собственной властью арестую вас».²⁹ Генерал был обезоружен и посажен в гарнизонную гауптвахту.

Отряд под командой Ноги окружил дом Лемкуля. Командир полка вместе с офицерами вышел к восставшим и спросил: «Зачем собрались, ребята?» Солдаты ответили: «Собрались для того, чтобы искать себе и родине свободу!»³⁰ Офицеры стали уговаривать солдат успокоиться, священник полка Пальмов ходил между солдатами с крестом. Он заговорил было с восставшими, но его прервал рядовой Яковенко, крикнув: «Молчи, монархист, ты окроплял и благословлял 4-й батальон, который пошел расстреливать наших братьев. Товарищи, не забывайте данной клятвы, не поддавайтесь лживым словам офицеров».³¹ На вопрос Лемкуля о причинах восстания, Яковенко ответил: «Вы разогнали Государственную думу, вы... угнетаете народ, вы расстреливаете везде ни в чем неповинных наших братьев».³² Восставшие заявили, что им пишут из дома, как карательные отряды, посланные правительством, убивают и истязают их родных, говорили о невыносимых условиях службы.

²⁸ Там же, л. 2.

²⁹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1396, л. 117—118.

³⁰ Там же, д. 1416, л. 1.

³¹ Там же, д. 1395, л. 4.

³² Там же, д. 1395, л. 4.

Восставшие решили обезоружить и арестовать всех офицеров во главе с Лемкулем. Последний обратился к офицерам с призывом не сдаваться. В это время штабс-капитан Маргунов шашкой отрубил голову одному солдату, а капитан Харламов выстрелом из револьвера убил другого. Тогда Самойленко дал выстрелом команду стрелять по офицерам. «Нижегородский, — сообщает один из участников, — находившийся среди офицеров, во время перестрелки, перешел на сторону солдат и заявил: «Братцы, я на виселицу и на расстрел с вами. Мы обрадовались и несли его на руках».³³

В результате перестрелки были убиты Лемкуль, подполковник Покровский, капитан Саркисов, штабс-капитан Маргунов, священник Пальмов, тяжело ранен капитан Харламов и легко — подпоручик Гринкевич-Мочульский. Оставшиеся офицеры спаслись бегством. После расправы над начальством в квартиру командира полка вошли Самойленко, Голубятников, Яковенко и др. и взяли полковое знамя.

Восставшие полностью захватили власть в свои руки и решили ждать начала всеобщего восстания по всей России. Самойленко представлял себе ход восстания таким образом: «Вот здесь мы все возьмем власть в свои руки, арестовав своих начальников, будем сами хозяева. Имея правянт и деньги, мы продержимся несколько дней, а к тому времени и другие полки сделают то же — теперь вся Россия в бунте; тогда мы, соединившись с другими войсками, пойдем на Россию... устраним теперешнее правительство и установим желательный для всех порядок управления Россией».³⁴

Самурцами были сделаны некоторые попытки поднять рабочих, крестьян и гарнизоны ряда городов. В города и аулы были посланы телеграммы. В Порт-Петровск был послан один из руководителей восстания Чаусов. 19 июля во время выступления на вокзале перед рабочими и служащими Чаусов был арестован.³⁵

Восстание приняло широкий размах и угрожало перекинуться и в другие гарнизоны. Вокруг Дешлагара солдаты рыли окопы, чтобы оказать сопротивление наступающим. Администрацией Кавказа были приняты решительные меры. Как сообщается в рапорте царю Николаю II, еще в день выступления самурцев, 17 июля было дано срочное распоряжение «о сформировании отряда из 1 роты 81 пехотного Апшеронского полка, 5-ти рот 84 пехотного Ширванского вашего императорского величества полка, 2-х рот 256 Гунибского резервного батальона, 3-х сотен конного Дагестанского полка, полуроты 1-й пулеметной роты..., одного взвода 6 батарей

³³ Рук фонд ИИЯЛ, д. 1416, л. 2.

³⁴ Воспоминания Т. Бесчетнова.

³⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1215, д. 15411, лл. 14—15.

Кавказской резервной артиллерийской бригады названным частям предписано сосредоточиться на станции Буйнак Владикавказской железной дороги... для немедленного подавления самыми решительными мерами сопротивления самурцев в Дагестане».³⁶

Восставшие, захватив в свои руки власть в Дешлагаре, не знали путей дальнейшей борьбы, чувствовали себя одинокими и изолированными. Офицеры, оставшиеся не арестованными, развернули агитацию среди солдат, сеяли среди них неуверенность в свои силы, уговаривали сложить оружие, раскаяться перед командованием. Уже к вечеру 17 июля малосознательная часть солдат под влиянием этой агитации стала отходить от восстания. Все попытки руководителей восстания присоединить крестьян соседних аулов, поднять их на борьбу, не увенчались успехом. «Когда взяли власть в свои руки в Дешлагаре, — пишет Бесчетнов, — мы призывали крестьян взять оружие из полкового арсенала. Но крестьяне боялись и не брали оружие. Они говорили, что за это потом их повесят».

На следующий день по сигналу все восставшие собрались на площадь, где состоялся митинг. Выступившие здесь Самойленко и Нижницкий призывали продолжать борьбу. Во время митинга некоторые солдаты, даже отдельные руководители начали уходить. Ушли с митинга Петров, назначенный командиром 10 роты, Бабошкин, которому было поручено сменить караул.

Руководители восстания, чтобы укрепить расшатавшуюся дисциплину, решили отделить желающих продолжать восстание, в одну сторону, колеблющихся — в другую. До конца преданных восстанию оказалось 60 человек. Тогда товарищи предлагали Самойленко забрать полковые деньги и убежать. Самойленко не согласился и заявил: «такой поступок с нашей стороны даст повод черносотенцам для агитации против революционеров».³⁷

После митинга Самойленко пошел проверять караул. Здесь 6 рота, находившаяся в казармах, под влиянием агитации офицеров, отошла от восстания и решила арестовать руководителя восстания Самойленко. Он решил покончить с собой и тяжело ранил себя. «Революционные солдаты ходили в больницу, советовали ему бежать в Гуниб, где находился батальон Самурского полка, а затем в Баку. Самойленко не согласился и заявил, что он тяжело ранен и не может никуда ехать».

Отсталая часть восставших, поддавшись агитации офицеров, 18 июля выслала экипаж с конными посыльными в аул Мурего за офицерами, бежавшими туда, спасаясь от нижних чинов. Офицеры вернулись. Временно командование полком

³⁶ ЦГВИА, ф. 400, д. 216, л. 302—303.

³⁷ Воспоминания Т. Бесчетнова.

принял на себя заведующий хозяйственной частью подполковник Кузнецов.

Для расправы с восставшими солдатами в Дешлагар был послан карательный отряд, в который вошел 1-й Дагестанский конный полк. Вот что сообщает по этому поводу участник карательной экспедиции, впоследствии один из организаторов и руководителей партизанского движения в Дагестане Муртазали Османов: «Когда проводились занятия, было приказано быть готовым к отъезду. Полк в полной боевой готовности вышел из Шуры, не делая ни одной остановки до слободы Дешлагар. В походном движении вместе с нашим полком были и другие кавалерийские полки, а также артиллерия.

Недалеко от Дешлагара была выделена разведка, в какую от нашего отряда был назначен я, причем в передний дозор. Причина выделения разведки была мне неизвестна, поэтому я прямо поехал к казармам 83 Самурского полка. У казарм меня встретили солдаты, которые повели меня в штаб полка. Там ко мне подошел офицер, который забросал меня вопросами, желая узнать причину приезда, а также подробно стал спрашивать о количестве военной силы, идущей к Дешлагару. Дав исчерпывающие ответы, я хотел было уехать обратно, но у меня отобрали лошадь, и возможность выезда из слободы была у меня отнята. Вскоре один из находившихся в штабе полка солдат отвел меня в помещение гарнизонной гауптвахты, где я к величайшему своему удивлению увидел бригадного генерала, сидевшего без оружия, но при форме и генеральских эполетах. Солдат объяснил мне, что полк восстал против насилия и гнета, царящего в России и чинимого помещиками и царскими сатрапами, и что необходимо свергнуть власть царского правительства и облегчить страдания изнуренного непосильными налогами и несправным управлением народа.

Мне вернули лошадь и дали право на выезд, прося передать войсковым частям привет самурцев, ждущих от всех всадников единодушия и помощи в их работе на благо трудового народа. По возвращении в полк, я в присутствии всадников обрисовал положение дел в Дешлагаре. Военная экспедиция остановилась в 3-х верстах от Дешлагара в полной боевой готовности. Орудия были направлены на казармы Самурского полка, а полку был предъявлен ультиматум в течении 15 минут сдать оружие, освободить из-под ареста бригадного генерала и выдать организаторов восстания».³³

Весь восставший гарнизон, оказавшийся в железном кольце хорошо вооруженного и численно намного превосходящего отряда, вынужден был сложить оружие и выйти за крепость

³³ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, д. 75, лл. 16—20.

в сторону станции Буйнак навстречу карателям. Восставшим было приказано шагов за 400 до расположения карательного отряда сложить оружие, что и было ими исполнено. После этого всех восставших под усиленным конвоем повели обратно в Дешлагар.³⁹

Восстание Самурского полка было подавлено. Пять руководителей — Самойленко, Нога, Чаусов, Яковенко были приговорены временным военно-полевым судом к расстрелу. 4 августа 1906 года реакционно настроенная учебная команда Самурского полка привела приговор в исполнение. По решению Тифлисского военно-окружного суда из числа восставших 7 человек были приговорены к лишению всех прав и каторжным работам, 27 человек были заключены в арестантское отделение, 37 человек переведены в штрафную работу, а 31 человек в штрафную роту с содержанием под арестом на хлебе и воде в течение восьми недель, 48 человек отправлены под строгий арест на 20 суток, 83 человека были оправданы.⁴⁰

По воспоминаниям участников этих событий, приговоренным к расстрелу связали руки и вели их за катафалком к месту казни — к Бажанкиной горе, рядом с Дешлагаром. Шли они с революционными песнями — «Марсельезой», «Варшавянкой». Перед расстрелом им завязали глаза и привязали к столбам. Самойленко просил развязать глаза и заявил, что хочет прямо смотреть смерти в глаза. Последними словами Самойленко были: «Мы умираем за революцию, за народ. Наши идеи все равно восторжествуют». Эти слова произвели большое впечатление на солдат Самурского полка и на собравшихся здесь крестьян окрестных аулов.

По команде учебная команда в количестве 25—30 человек дала 3 залпа. Но Самойленко остался цел. Видимо солдаты в него не стреляли. Тогда командир пригрозил: «Если не будете стрелять в Самойленко, мы закопаем его живым». Четвертым залпом расстреляли Самойленко. В тот же вечер солдаты тайно над могилой расстрелянных пяти руководителей восстания водрузили красное знамя с надписью: «Исус воскрес. Воскреснут наши товарищи».

Царские палачи не смогли сломить волю бесстрашных борцов за свободу. В корреспонденции, опубликованной в газете «Рядовой», солдаты Самурского полка писали: «Смерть пятерых борцов за народ — наших братьев запечатлелась в памяти каждого из нас. Их последние слова, сказанные нам, — «идите с народом против общего врага — царского правительства», врезались нам в самую душу. Самурцы не кончили борьбу против народного врага. Пусть царедворцы запишут на

³⁹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1415, л. 7.

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, л. 600.

стенах дворца царского, что самурцы... верные друзья народа, борющегося за землю и волю».⁴¹

Основные причины поражения Дешлагарского восстания заключались в следующем. В полку отсутствовала крепкая большевистская организация, которая сумела бы подготовить восстание и повести солдат за собой. В силу этого у восставших не было ясной, четко сформулированной программы борьбы. Восставшие были оторваны от народа. Оно подготавливалось и прошло без координации действий с выступлениями рабочих и крестьян в Дагестане и России. Серьезной причиной поражения восстания явилось и то, что руководители придерживались ошибочной тактики-обороны. Вместо того, чтобы активно наступать для соединения с выступлениями рабочих и крестьян, они ограничивались совещаниями, митингами. Следует отметить также, что восстание проходило в период спада первой русской революции.

Несмотря на поражение, восстание солдат Самурского полка явилось знаменательным событием, важнейшей вехой в истории освободительного движения народных масс Дагестана.

Весть о восстании солдат Самурского полка быстро распространилась по всему Дагестану и Кавказу. Произошли крупные выступления крестьян в Кайтаго-Табасаранском, Кюринском, Казкумукском округах и солдат ряда гарнизонов, расположенных в Дагестане.

15 декабря 1906 года временный военный суд в г. Владикавказе рассмотрел дело рядового 83 пехотного Ширванского полка Дмитрия Загrevского, обвиняемом в том, что в апреле 1906 года в казарме 3 роты в слободе Хасавюрт он разъяснял нижним чинам, что «правительство поступает несправедливо, призывая стрелять в народ, который требует земли, и поэтому нижние чины не должны исполнять подобных приказаний». Суд постановил: «подсудимого рядового Загrevского, по лишении некоторых прав и преимуществ по службе, перевести в разряд штрафованных и отдать в дисциплинарный батальон на два года с правом подвергать его наказанию розгами».⁴²

По воспоминаниям Г. К. Орешкина, рядового 255 Аварского батальона, расквартированного в Порт-Петровске, среди солдат революционную работу вели Сидельников, Карпов, Шаронов. Они распространяли среди солдат листовки, полученные через осмотрщика вагонов Морозова, которые призывали солдат к свержению царского самодержавия.

Под влиянием большевистской агитации, как во всей стране, так и в Дагестане, участились случаи перехода солдат на сторону революционного народа. В 1906 году в связи с усилившимися арестами участников революционных событий

⁴¹ Газ. «Рядовой», № 2, 1906 г.

⁴² Архив Дагобкома КПСС, ф. 2330, оп. 5, д. 54, л. 290.

большая толпа крестьян округа с оружием явилась в Темир-Хан-Шуру и устроила демонстрацию протеста у резиденции губернатора, а солдаты, посланные губернатором отобрать оружие у крестьян, отказались исполнить приказ начальства.

Не прекращаются солдатские выступления и в период спада первой русской революции. Несмотря на преследования и жестокий столыпинский режим, разворачивается деятельность солдатских социал-демократических организаций, происходят волнения в гарнизонах. В одном из жандармских донесений от 16 июня 1907 года говорится о деятельности социал-демократических организаций в Хунзахском гарнизоне, в которой насчитывалось около 200 нижних чинов. Организация проводила большую работу среди солдат. 11-го июня 1907 года организацией был созван митинг солдат, «на котором постановили: командировать студента (один из руководителей организации — А. Г.) в Тифлис для приобретения связей и нелегальной литературы».⁴³

25 июля 1907 года в Баку, в доме № 192 по Сураханской улице при обыске было найдено сообщение Петровской организации РСДРП о том, что в «сел. Хасавюрт тюремная стража, состоявшая из 6 солдат, решила разрушить окарауливаемую ею тюрьму, ввиду чего стража просит организацию оказать ей содействие».⁴⁴

В ноябре 1907 года была раскрыта крупная революционная организация в отдельном батальоне 222 пехотного резервного Шацкого полка, стоявшего в укреплении Ведено. 20 мая 1907 г. около 60 нижних чинов собрались на сходке в лесу в нижнем укреплении Ведено. Они решили предъявить начальству требования об улучшении пищи и о сокращении срока службы. В случае отказа удовлетворить требования «решили действовать против начальства оружием».⁴⁵

В 1907 году в урочище Хунзах Аварского округа среди солдат особого Кромского пехотного полка была создана большая военно-революционная организация, насчитывавшая до двухсот членов. Энергичную работу в организации проводили солдаты из бывших матросов Черноморской эскадры, сосланные на Кавказ за участие в восстании под руководством лейтенанта Шмидта. Солдаты проводили тайные митинги на реке в трех километрах от крепости. На тайном митинге кромцы постановили командировать представителя в Тифлис для установления связи и приобретения нелегальной литературы. С этой целью среди солдат собирались взносы. Общее вооруженное выступление намечалось одновременно

⁴³ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, л. 534.

⁴⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2370, оп. 5, д. 58, л. 7.

⁴⁵ Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.), Дагкнигоиздат, 1956, стр. 211.

с выступлением других частей Кавказского военного округа.⁴⁶ Как пишет в своих воспоминаниях брат М. М. Хизроева Хаджимурат Хизроев: «В 1907 году были водворены в Хунзах для отбывания наказания восставшие матросы Черноморского флота. Эти матросы часто приходили в Хунзах. Я познакомился с ними и близко дружил. Они знали, что мой брат тоже революционер. Среди них были: Руднев, Лашманов, Черняев, Стахов. По всему было видно, что они держали связь с с-д организациями России».⁴⁷

Выступления солдат не произошло. На основании распоряжения особого отдела канцелярии наместника в Хунзах были направлены тайные агенты. Организация была разгромлена.

2 ноября 1907 года в Темир-Хан-Шуринской пересыльной части находились 20 человек отпускников казаков 6-го Кубанского казачьего пластунского батальона, едущих в кратковременный отпуск. Солдаты «вели разговор о службе. Сторож пересыльной части, солдат 254 Темир-Хан-Шуринского резервного батальона, рядовой первой роты Афанасий Ильиченко стал упрекать казаков, что они служат врагам России, убивают неповинных людей, которые делают пользу для народа, бастующих, а тех, кого следует, не убивают. Солдат заявил: «когда будут бастовать, я не буду стрелять».*

Революционные выступления солдат продолжаются и в годы жестокой столыпинской реакции.

4 марта 1908 года при обыске у фельдшера темир-хан-шуринского местного лазарета Николая Мастрюкова была обнаружена «переписка, уличающая этого нижнего чина в причастности к совершаемому действию в России».⁴⁸ При обыске у фельдшера Скороходова было найдено стихотворение: «Наступил пятый год, и у нас на Руси поднималось солнце свободы». В этом стихотворении автор описывал освободительную борьбу народов России. В стихотворении говорилось, что «самодержавец царь» испугался грозы и обещал дать свободу. Далее встречались также выражения: «Да, ты верил, забитый, несчастный народ, ты не ждал ведь от царя обмана, на бумаге он дал тебе пять всех свобод, а на деле ничего нам не дано... Одни пули от земного царя, вместо воли, земли тебе дали».⁴⁹ Стихотворение заканчивается призывом к борьбе: «Гей, заветный народ. Пробудись от сна, разогни свою мощную спину, поспешай-ка на бой на вампира-царя, выбирай-ка побольше дубину. Уничтожь на земле кровопийц

⁴⁶ Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957, стр. 332—333.

⁴⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2, оп. 21, д. 383, л. 317.

* ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 1, д. 86, л. 96.

⁴⁸ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2104, л. 4.

⁴⁹ Там же, л. 6.

и царей и покрой себя вечной славой».⁵⁰ Это стихотворение было написано Мاستрюковым в 1908 году в укреплении Ботлих. 15 июня 1909 г. временный военный суд в Темир-Хан-Шуре признал его «виновным в размножении сочинения, призывающего к учинению бунтовщического деяния, с целью его распространения».⁵¹

В эти годы в Ахтах скрывался известный большевик Казимагомед Агасиев. Когда товарищи рассказали ему о настроях гарнизона, он решил войти в контакт с солдатами, проникнуть в крепость. Но это была трудная и сложная задача. Тогда Агасиев познакомился с революционно настроенным солдатом Афанасием и с его помощью принял православную веру, что давало ему возможность посещать церковь, находившуюся в крепости, общаться с солдатами. «Ходил в крепость он не с пустыми руками: носил литературу, революционные листовки и распространял их с помощью Афанасия».

Внезапно Казимагомед перестал посещать церковь, а вслед за этим в крепости вспыхнул солдатский бунт, известный как «бунт ржаного хлеба». Солдаты, доведенные до отчаяния, забросали начальника гарнизона и его приближенных караваем ржаного хлеба. «Они разбили окно в казарме, угрожали поджечь арсенал, взорвать пороховой погреб, если им немедленно не улучшат условия жизни, не отменят наказание и цензуру, наложенную на переписку. Попытка гарнизонного начальства ликвидировать беспорядки не принесла успеха... Солдаты одержали первую победу. На столе появился белый хлеб».⁵²

В 1909 г. в Дешлагаре среди солдат 83 Самурского пехотного полка вновь возникла подпольная революционная организация, которая поставила своей конечной целью «изменение государственного строя». Члены организации Трофим Михальчук, Александр Стадников, Сергей Попов, Ян Спарин, Яков Воловиков, Василий Плас, Александр Зубобурин, Моисей Левкович, Николай Шкарупа, Григорий Дедов, Свиначев и др. тайно собирались на сходки.

«На сходках разбирались вопросы революционного характера, а результатами было: постановление о бунте 17 июня 1910 года, ряд анонимных писем-приговоров начальствующим лицам, а также сбор денег и приобретение нелегальной литературы».⁵³

На одной сходке Свиначев предложил «собравшимся устроить «коммуну» и собирать деньги на покупку литерату-

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Газета «Дагестанская правда», 7 февраля 1960 г.

⁵³ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1373, л. 26.

ры⁵⁴». Для связей с частными лицами был избран рядовой Zuboburin, которому Свинарев передал шифр под названием «самурская азбука». В марте на сходке был поднят вопрос о вербовке новых членов в партию и «были даны для чтения недозволённые книжки».⁵⁵

Подпольная организация Самурского полка развернула широкую деятельность и установила связь с другими революционными организациями: «с частными лицами (бывшими нижними чинами), живущими в России, и с нижними чинами 15 роты того же полка, находившегося в Темир-Хан-Шуре, с гор. Ставрополем, с осетинским конным дивизионом и с бывшим закройщиком Самурского полка, а ныне прикомандированным к швальне интендантского вещевого склада Головащенко»⁵⁶.

В 1909 году в подпольную организацию пробрался провокатор Афанасий Колпаков, «с целью довести сведения о деятельности кружка начальству, что и было им впоследствии выполнено»⁵⁷.

В начале апреля по совету товарищей Колпаков попросился в отпуск и должен был привести типографию для печатания прокламаций, литературы. По приезду из отпуска Колпаков отправился к ротному командиру-капитану князю Цицианову и доложил ему о деятельности подпольной организации. Была установлена слежка. 6 мая состоялась сходка, на которой «рядовой Михальчук раздавал литературу, и здесь же был окончательно утвержден способ вербовки новых членов. На этой же сходке был избран новый казначей рядовой Стадник и постановлено было делать взносы по 15 коп. с рубля»⁵⁸. В тот же вечер по доносу Колпакова все члены подпольной организации были арестованы⁵⁹.

В период революционного подъема социал-демократические организации Дагестана с новой силой развернули работу среди солдат. Как говорилось в одном из жандармских донесений, в 1910 году агентурным наблюдением и сведениями установлено, что жители города Петровска братья Яков и Григорий Петренко, Иван Малыгин, Никита Лазарев, Иван Горбунов, гимназист Статищев и Тимофей Баркалов принадлежат к революционной СДР партии, получают через Лазарева из Баку нелегальную литературу, ведут пропаганду в пределах с.-д. программы не только среди жителей Петровска, но и среди нижних чинов, квартирующихся в Петровске и Дербенте»⁶⁰.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Труды Дагфилиала ИМЛ, т. 1, 1957, стр. 62.

⁵⁷ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1373, л. 26.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 2339, л. 95.

По сообщению департамента полиции от 23 декабря 1912 года Д. Коркмасов являлся членом «Союза черноморских моряков». По сведениям полиции «Союз черноморских моряков» разработал план забастовки судовых команд пароходов, примкнувших к названному союзу. Забастовка будет объявлена весной 1913 года и к этому времени главари союза предполагают собрать до 1000 рублей на содержание стачечного комитета и другие расходы по ведению забастовки»⁶¹.

В январе 1914 года в Антверпене состоялось собрание Центрального совета «Союза профессиональных организаций судовых команд России». Центральный совет, заслушав доклад о положении дел на Каспийском море, «признает его всеисчерпывающим. Для дальнейшего времени считать нужным иметь на месте одного представителя. Признает необходимым урегулировать организационную связь Центрального совета с союзом, которая в настоящее время слишком слаба, а также устанавливает факт, что судовые команды на Каспийском море находятся накануне забастовки, а потому Центральный совет считает необходимым принять все меры, дабы связать это открытое выступление моряков за требование, выработанное февральской конференцией»⁶².

Долгая и упорная борьба рабочих, трудящихся крестьян и солдат под руководством Коммунистической партии дала прекрасные результаты. Она завершилась победой Великой Октябрьской социалистической революции, которая открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и торжества коммунизма во всем мире.

Революционные выступления солдат в Дагестане против русского царизма, наряду с борьбой русского рабочего класса и крестьянства в годы революции 1905—1907 годов, имели исключительно важное значение. Во-первых, крестьяне Дагестана стали убеждаться в том, что русский царизм и русский народ не одно и то же, что русские рабочие и крестьяне так же угнетаются царизмом, как и они. Это способствовало дальнейшему сближению, установлению союза русского рабочего класса с местным крестьянством. Во-вторых, русские солдаты своей организованной борьбой вносили революционный дух в местное крестьянство, вооружали его уверенностью в победе над царизмом.

Выступления русских рабочих, крестьян и солдат в Дагестане в период первой русской революции еще раз показали

⁶¹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 2, д. 5, л. 1.

⁶² Там же, оп. 1, д. 15, л. 1.

трудящимся горцам, что они имеют в лице великого русского народа верного друга, союзника и руководителя в своей борьбе за избавление от социального и национального гнета.

Опыт по завоеванию солдат и матросов на сторону революции, приобретенный в 1905—1907 гг., имел исключительно важное значение в последующих революционных боях рабочих и крестьян нашей страны. Уроки первой русской революции были учтены в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции и дали свои замечательные плоды.

Этот опыт имеет также огромное международное значение. Коммунистические и рабочие партии капиталистических, колониальных и зависимых стран ныне используют этот опыт в борьбе за мир, демократию и социализм.

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В XIX ВЕКЕ.

Вопрос о состоянии народного образования в Дагестане в XIX веке является до сих пор мало изученным. В дореволюционной историографии этой проблеме была посвящена лишь одна статья проработавшего много лет в Дагестане Е. И. Козубского «К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие», опубликованная в выпуске I Дагестанского сборника (Темир-Хан-Шура, 1902), и им же составленные отчеты о двадцатилетней (1880—1899 гг.) деятельности Темир-Хан-Шурина реального училища¹.

В этих работах, написанных с позиций дворянско-буржуазной историографии и восхваляющих официальную политику самодержавия в области просвещения, содержатся сведения о развитии сети русских школ в Дагестане в 30—90-х годах XIX века. Известный интерес представляют приводимые автором данные о появлении светских школ в Дагестане после присоединения его к России, о составе учащихся и программах обучения в этих школах, а также фактический материал, характеризующий отношение местного населения к светскому образованию.

В советское время интересующая нас тема в различных ее аспектах затрагивалась и в известной мере освещалась в кандидатских диссертациях А. П. Хасбулатова², А. К. Селимханова³ и некоторых других авторов. Характеристике состояния школьного образования в Дагестане в первой половине XIX века, в основном в историко-педагогическом плане, посвящена статья под таким же названием А. К. Селимханова,

¹ Е. И. Козубский. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища (1880—1899 гг.). Петровск, 1890; Его же. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища. 1890—1899. Темир-Хан-Шура. 1901.

² А. П. Хасбулатов. История советской школы в Дагестане. (Кандидатская диссертация. Рукопись). 1947.

³ А. К. Селимханов. К истории народного образования в Дагестане (1850—1940 гг.). (Кандидатская диссертация. Рукопись). 1954.

опубликованная в 1-м выпуске «Ученых записок» Дагестанского государственного женского пединститута им. Г. Цада-сы, Махачкала, 1957 г.

Однако эти работы не дают полного представления о народном образовании в Дагестане на протяжении всего XIX века. В них недостаточно раскрывается роль русских школ в жизни горцев.

Настоящая статья, не претендуя на всестороннее освещение всех вопросов истории народного образования в Дагестане в XIX веке, имеет целью лишь дать более последовательное изложение темы на основе использования как литературных источников, так и новых архивных материалов, выявленных автором.

*   *
*

История школьного образования в Дагестане до присоединения к России — это история развития конфессиональной системы обучения подрастающего поколения, представленная религиозными мектебами и медресе. С включением Дагестана в состав России начинается новый период истории просвещения горских народов. Он характеризуется появлением светских учебных заведений, где выходцы из местной эксплуататорской верхушки обучаются основам современных знаний, проходят предварительную ступень, необходимую для подготовки в последующем к службе в местном военно-административном аппарате царизма, к обслуживанию интересов своего класса.

Первым по времени русским учебным заведением в Дагестане было Дербентское уездное училище, основанное в 1837 году⁴. Училище это, как и уездные училища Закавказья, открытые на основании положения от 12 мая 1835 года, имело целью распространение в крае «начальных сведений и приготовление учащихся к продолжению курса учения в Тифлисской гимназии»⁵. Дербентское уездное училище открылось в составе 3-х классов, из которых один — приготовительный. Наряду с другими предметами, в училище преподавались армянский и азербайджанский языки. На содержание училища расходовалось 1780 рублей.

В первые годы в училище обучалось лишь небольшое число учащихся. Так, в 1838 году число учеников едва достигло

---

⁴ В 1877 году Дербентское училище было преобразовано в трехклассное городское, а в 1898 г. — в четырехклассное.

⁵ Цитир. Е. И. Козубский. К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие. «Дагестанский сборник», вып. 1, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 198.

35 человек, из них 14 детей дворян и чиновников. В последующие десятилетия число учащихся Дербентского уездного училища росло следующим образом:

в 1848 году	в училище	обучалось	57 учащихся;
в 1858	— « —	— « —	84 — « —
в 1868	— « —	— « —	84 — « —

— в 1878 году после преобразования уездного училища в трехклассное городское — 125 учащихся⁶.

В конце 40-х годов в Дербенте открывается второе учебное заведение — мусульманская школа. В отличие от уездного училища, в эту школу принимались только дети мусульман, как говорилось в уставе, «всех свободных состояний». В 1849 году кавказским наместником было открыто 8 таких школ, в том числе одна в Дагестане (г. Дербент). Мусульманские школы призваны были вооружать детей-мусульман знаниями «по законам их веры» и помочь им «изучить русский язык в объеме, потребном для них в общежитии»⁷.

В организации мусульманских школ принимал участие известный русский ориенталист Н. Ханыков. С учетом советов Ханыкова разрабатывались программы и учебные планы мусульманских школ, укомплектовывались школы преподавателями. Первый преподаватель Дербентской мусульманской школы Айгун кади Джеигутайский также был назначен по рекомендации Ханыкова.

Для обучения в Дербентской школе со всех концов Дагестана съехались аварцы, даргинцы, кумыки, табасаранцы и представители других горских народностей, среди которых, наряду с детьми школьного возраста, были 23—25 летние молодые люди. Большинство учащихся еще в первый год учебы в школе изучали помимо арабского и русский язык, причем некоторые из них научились читать по-русски довольно свободно⁸.

Однако число учащихся Дербентской мусульманской школы было весьма невелико. К концу 1851 года в ней обучалось всего 56 учащихся, из которых 8 — жители Дербента, остальные 48 — из других мест Дагестана. В последующие годы количество учащихся из-за материальных затруднений, жаркого климата Дербента и «отдаленности Дербента от главных пунктов сунитского населения» сократилось. В связи с этим было признано целесообразным перевести школу в Темир-Хан-Шуру. Это мотивировалось и тем, что «в окрестностях Шуры есть много почетных лиц и служащих офицеров из мусульман,

⁶ Там же, стр. 192.

⁷ Там же, стр. 199.

⁸ Там же, стр. 200.

дети которых нуждаются в образовании их арабскому и русскому языку». Ознакомление же учеников «с русским языком возможно только там, где живут русские в значительном числе, чтобы ученики могли сближаться». Этому условию отвечала Темир-Хан-Шура, где преобладало русское население.

В январе 1855 года Дербентская мусульманская школа была переведена в Темир-Хан-Шуру, куда перешла и часть (13) учащихся. Вскоре (1857 г.) была несколько расширена и учебная программа школы. Кроме обучения чтению и письму, учащиеся стали изучать грамматику, арифметику, знакомиться с начальными сведениями по истории и географии.

В 1861 году мусульманское училище вошло в состав открывшейся в Темир-Хан-Шуре горской школы. Последняя была учреждена на основании «устава горских школ», утвержденного царем 20 октября 1859 года, и имела целью «распространение гражданственности и образования между покорившимися горцами» и «доставление служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей»⁹. Разумеется, «устав горских школ» имел в виду «распространение гражданственности и образования» не между всеми горцами, а лишь представителями имущих классов — беков, богатых торговцев, чиновников, т. е. тех, кого царизм с полным основанием мог считать надежной опорой в проведении своей колониальной политики.

Горская школа содержалась на средства, отпускавшиеся военным ведомством, и находилась в ведении командования вооруженными силами на Кавказе. При школе был учрежден пансион на 65 воспитанников, из них 40 казеннокоштных, в том числе 25 горцев из «почетных фамилий» северного и южного Дагестана и 15 детей русских чиновников. 25 воспитанников пансиона содержались за счет средств, находившихся в распоряжении кавказского наместника, и средств родителей¹⁰.

Темир-Хан-Шуринская школа открылась в составе трех классов (приготовительного, первого и второго) с 41 учащимся. К концу 1861 года число учащихся достигло 69 человек и в последующие годы росло следующим образом: в 1865 году в школе обучалось 75 учащихся, в 1870 году — 105 и в 1874 году, т. е. к моменту преобразования горской школы в прогимназию, — 144 учащихся¹¹.

Обучение в горской школе велось по программам, принятым в закавказских уездных училищах. Особое внимание уделялось преподаванию мусульманского вероучения, по которому, также как и по арабскому языку, учащиеся сдавали переводные экзамены. С 1870 года в школе было введено обу-

⁹ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 205.

¹⁰ Е. И. Козубский. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища, стр. 3.

¹¹ Там же, стр. 19—20.

чение столярному и токарному ремеслу, а с 1872 года — садоводству и огородничеству. Занятия по садоводству и огородничеству, например, вел уроженец сел. Кафыр-Кумух Темир-Хан-Шурина округа Асеу Чаплау, прошедший подготовку в Никитском ботаническом саду в Крыму.

Таким образом, в горской школе, наряду с обучением общеобразовательным дисциплинам, известное внимание уделялось практическим занятиям учащихся в области ремесел и сельскохозяйственного производства. Однако, вследствие крайней ограниченности программ, 3-х классная школа не могла служить подготовительной ступенью к поступлению ее питомцев даже в средние учебные заведения. Дети зажиточных горцев и царских чиновников, служивших в Дагестане, после окончания горской школы, фактически были лишены возможности продолжать дальше свое образование. Кроме того, горская школа не могла удовлетворить потребности населения в силу ограниченности контингента приема. Поэтому еще в 60-х годах стал будироваться вопрос о преобразовании школы в прогимназию.

Обосновывая необходимость этого преобразования, начальник Дагестанской области писал кавказскому наместнику в 1869 году: «ввиду того значения, которое имеет воспитание дагестанских горцев в наших учебных заведениях, и при увеличивающемся год от году стремлении самих горцев отдавать детей своих в эти заведения, а также для предоставления здешнему служащему сословию русских офицеров и чиновников возможности дать своим детям первоначальное образование..., преобразование Темир-Хан-Шурина горской школы в прогимназию с пансионом, с соответствующим потребностям числом воспитанников для русских детей и горцев, представляется неотложной необходимостью».¹²

Темир-Хан-Шурина прогимназия была открыта 14 сентября 1874 года в составе подготовительного и первого классов. Последующие второй, третий и четвертый классы открылись соответственно в 1875, 1876, 1877 годах. Пансион прогимназии в первый год своего существования имел то же число воспитанников, что и окружная горская школа. В 1875 году число казеннокоштных воспитанников было увеличено до 60¹³, на содержание каждого из них, а также на содержащихся за счет средств, находящихся в распоряжении кавказского наместника, расходовалось 140 рублей в год. С воспитанника, который содержался в пансионе на средства родителей, взималось 160 рублей, плюс 40 рублей, вносимые на первоначальное образование. Взималась плата за обучение и с приходящих учеников. В первый год организации прогимназии она была

¹² Там же, стр. 33.

¹³ Там же, стр. 34.

равна 5 рублям в год — с ученика приготовительного класса и 10 рублям — с ученика в прогимназических классах. Но уже в 1875—76 учебном году плата за обучение была увеличена соответственно до 10 и 15 рублей¹⁴.

Темир-Хан-Шурина прогимназия являлась самой крупной по составу учащихся и лучше организованной школой Дагестанской области в 70-х годах прошлого века. Уже в 1876 году в ней обучалось более 200 учащихся. К концу 70-х годов число учащихся прогимназии составило 227 человек¹⁵. Прогимназия располагала фундаментальной и специальной ученической библиотеками, общий фонд которых превышал 2500 томов. В сравнительно небольшом количестве имелись учебные и учебно-наглядные пособия по русскому языку, математике, физике, географии, истории и другим предметам. Проводилось в ней, правда, с перерывами, обучение учащихся переплетному, столярному и токарному делу.

Сделав три выпуска (1878, 1879, 1880 гг.)¹⁶, Темир-Хан-Шурина прогимназия закрывается, и на ее месте с 1880/81 учебного года открывается реальное училище, являвшееся первым и до 1897 года¹⁷ единственным средним учебным заведением в Дагестане.

В пятидесятых и шестидесятых годах XIX века несколько школ было открыто при воинских частях, дислоцированных в различных пунктах Дагестанской области. Такие школы, в частности, существовали в Ахтах (при линейном батальоне), Дешлагаре (при 83 Самурском пехотном полку), Темир-Хан-Шуре (при Апшеронском полку)¹⁸. В некоторых из этих школ обучались и дети горцев, часть которых впоследствии продолжала свое образование в других учебных заведениях. Как видно из рапорта военного начальника среднего Дагестана начальнику Дагестанской области от 6 июня 1862 года, школа существовала и при Кавказском линейном батальоне № 19, дислоцированном в Казикумухе. В рапорте говорится, что в школу поступали и дети мусульман. «Число учащихся в школе мусульманских мальчиков,—пишет автор рапорта,—доходит ныне до 15... Успехи мальчиков в короткое время заслуживают одобрения, а метод преподавания наук и обращение с мальчиками в школе дают право надеяться, что при некотором увеличении средств школы число охотников учиться в ней возрастет, а результат образования мусульманских

¹⁴ Там же, стр. 48.

¹⁵ Там же, стр. 59.

¹⁶ Всего прогимназию окончило 38 человек.

¹⁷ Когда на базе существовавшей женской прогимназии в г. Темир-Хан-Шуре была открыта женская гимназия.

¹⁸ В 1858 г., в связи с переводом Апшеронского полка в с. Ишкарты, туда же перешла и школа.

мальчиков в русской школе принесет наилучшую пользу для края»¹⁹.

Однако, как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, школы при воинских частях носили эфемерный характер, и работали они, как правило, с перерывами, плохо обеспечивались средствами, имели незначительный контингент учащихся и, просуществовав некоторое время, закрывались. Понятно поэтому, что эти школы не могли оказать какое-нибудь заметное влияние на развитие просвещения и культуры в горах. Но то, что местное население отдавало своих детей даже в такие школы, очень показательно и свидетельствует о наметившемся уже в 60-х годах прошлого века сдвиге в сознании горского общества, в стремлении дагестанцев к светскому образованию.

Шестидесятые годы ознаменовались также открытием в Дербенте и Темир-Хан-Шуре первых женских учебных заведений. Содержались эти учебные заведения главным образом на средства общественной благотворительности и имели небольшой контингент учащихся. Главная цель этих школ сводилась к тому, чтобы подготовить хороших домашних хозяек. Соответственно были построены и программы этих школ, включавшие: закон божий, чтение и письмо, первые четыре действия арифметики, рукоделие (шитье, вязание и пр.) домашнее хозяйство (приготовление пищи, выпечка хлеба, стирка белья и т. д.).²⁰ В Дербентской школе ученицы наряду с русским обучались азербайджанскому языку.

К концу шестидесятых годов в Темир-Хан-Шуринской женской школе обучалось 50 учениц. При училище существовал пансион на десять девочек, из них шесть были мусульманки. Всего 20 учениц, в том числе 13 мусульманок, обучалось в Дербентской женской школе²¹. Обучение в Темир-Хан-Шуринской и Дербентской женских школах было бесплатное.

В 1875 году вместо женской школы в Темир-Хан-Шуре открывается четырехклассная прогимназия, в которой следующий 5 класс был открыт лишь спустя пять лет — в 1880 году²². К этому времени значительно возросло и число учащихся женской прогимназии. Уже первый выпуск четырехклассной прогимназии насчитывал 114 человек²³.

Однако Темир-Хан-Шуринская и Дербентская школы вплоть до 80-х годов оставались единственными женскими учебными заведениями в области, если не считать разновремено и случайно возникавшие и столь же неожиданно за-

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, лл. 31—32.

²⁰ Е. И. Козубский. «К истории народного образования...», стр. 226—227.

²¹ «Кавказ», 1887, №323, 6 декабря.

²² Е. И. Козубский. Там же, стр. 227.

²³ Там же.

крывавшиеся частные школы, которые приносили крайне мало практической пользы. Наиболее удачной была попытка С. Я. Петровой, жены начальника 21 пехотной дивизии, создать женскую школу в Дешлагаре²⁴. Собственно школа с программой приготовительного и первого классов женских прогимназий была открыта в Дешлагаре и некоторое время работала на средства самой Петровой и собираемые ею пожертвования. Временами число учениц школы доходило до 50 человек. Но в связи с переводом штаба 21 пехотной дивизии в Порт-Петровск (1873 г.), Дешлагарская школа закрылась.²⁵

Школы, о которых до сих пор велась речь, находились, как мы видели, в городах и пунктах дислокации русских войск. В начале шестидесятых годов первые школы для обучения детей горцев появляются и в сельской местности. Первой из них была Ахтынская в Самурском округе. Открылась она 26 сентября 1861 года в составе 44 учеников. Детей-лезгин обучали грамоте на русском и азербайджанском языках. По признанию военного начальника южного Дагестана, почти все учащиеся Ахтынской школы отличались прекрасными способностями²⁶.

К тем же шестидесятым годам относится открытие вакансий для уроженцев Дагестана в средних учебных заведениях за пределами области. В 1866 году такие вакансии открылись в Ставропольской, а в 1868 г. в Бакинской гимназии, впоследствии преобразованной в реальное училище. С 1866 по 1890 год в Ставропольскую гимназию было определено 124 горца, из которых окончил курс 32 человека, в том числе по гимназическому отделению — 3 и по реальному (горскому) отделению — 29 человек²⁷. Из общего числа дагестанцев, окончивших за 25 лет курс Ставропольской гимназии, 13 поступило в высшие учебные заведения и 15 — на военную службу.

Небезынтересно отметить, что в 1869 году первые дагестанцы-выпускники Ставропольской гимназии были посланы в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга и Харькова. 47 дагестанцев было отправлено со времени открытия вакансий (1868—1888 г.г.) в Бакинскую гимназию, из них окончил курс 10 человек; все они поступили на военную службу²⁸.

В самой области, вслед за Дербентской, Темир-Хан-Шуринской и Ахтынской школами и упомянутыми женскими учебными заведениями (в Дербенте и Темир-Хан-Шуре), в 1870 году открывается новая школа — «одноклассное начальное училище грамотности и ремесел» в Порт-Петровске, а в

²⁴ Дешлагар — ныне Сергокала.

²⁵ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 228.

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 19.

²⁷ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 191.

²⁸ Там же, стр. 195.

1872 году начальное училище в Чирюрте, населенном исключительно русскими отставными военными служащими. Порт-Петровское начальное училище содержалось на средства города и частной благотворительности. Финансирование Чирюртовского училища осуществлялось из средств слободского общества²⁹.

Две сельские школы (в Касумкенте и Дешлагаре) были открыты в 1878 году. Общества этих селений выделили для школ помещения и взяли на себя расходы по отоплению, освещению зданий и найму прислуги. Двумя годами позже, т. е. в 1880 году, открылась школа в сел. Карабулахкент Темир-Хан-Шурина округа. Однако в начале 1891 года эта школа была закрыта, а средства, отпускавшиеся на ее содержание, с 1893 года были направлены на финансирование Хунзахского сельского училища, открытого еще в 1889 г. и преобразованного тогда в нормальное училище.

Несколько сельских школ открывается в конце 80-х и начале 90-х годов. Так, в 1889 году открылись школы в Хаджал-Махах (Даргинский округ), Кумухе (Казикумухский округ) и Хунзахе (Аварский округ). В 1891 году открывается Ботлихская сельская школа в Андийском округе. Таким образом, к середине 90-х годов XIX века в восьми округах Дагестанской области из девяти (кроме Гунибского) функционировали сельские или слободские школы. В большинстве своем это были одноклассные школы с небольшим числом учащихся. Так, в четырех из восьми школ, существовавших в сельской местности области к 1896 году, количество учащихся не превышало 20—25 человек и ни в одной сельской школе не достигало 100 человек³⁰. Общее число учащихся во всех сельских и слободских школах Дагестана составило в 1896 году 372 человека, в том числе девочек 34. Если в целом по области одна школа приходилась в этом году на 37750 человек и один учащийся на 628 человек, то в сельской местности одна школа приходилась на 71695 человек, а один учащийся более чем на 1540 человек населения.

Правда, к концу 90-х годов прошлого века в области открылось еще десять школ, в том числе четыре в сельской местности. В их число входило и Гунибское училище, открытое в 1899 году. Таким образом, к исходу прошлого столетия в Дагестанской области имелось 26 русских школ, из них — 14 школ в городах и 12 в сельской местности. Средних школ было две — обе в областном центре — Темир-Хан-Шуре. Во всех 26 школах области обучалось 1896 учащихся, из них 495 девочек. В сельской местности Дагестана, где проживало

---

²⁹ Там же, стр. 215.

³⁰ Обзор Дагестанской области за 1896 год. Темир-Хан-Шура, 1897, стр. 51.

около 95 проц. населения области, обучением в школах было охвачено всего 493 детей обоего пола, или менее 26 процентов от общего числа учащихся. В сельских школах обучалось всего 25 девочек³¹.

Эти цифры свидетельствуют о неприглядной картине народного просвещения в Дагестане на рубеже XIX—XX вв., убедительно показывают колониальный характер самодержавной «просветительской» политики в присоединенных окраинах. Более тридцати лет потребовалось царизму после окончательного присоединения Дагестана, чтобы открыть 12 карликовых школ для более чем полумиллионного сельского населения области. В Гунибском округе, например, первая светская школа была открыта лишь в 1899 году, т. е. ровно через тридцать лет после подавления освободительного движения горцев Дагестана и пленения Шамиля. С 1862 по 1870, с 1881 по 1887 и с 1892 по 1897 год в Дагестанской области не было открыто ни одного учебного заведения.

Здесь уместно напомнить о рапорте попечителя Кавказского учебного округа исполняющему делами главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 22 января 1896 года, содержащем официальную характеристику состояния народного образования в крае. «Что мы видим вокруг себя, — спрашивает попечитель учебного округа, — сколько местностей Кавказа остаются вовсе без школ, сколько еще местностей, где тысячи жителей, стремящихся привести детей к свету истины, не находят для них места в тесных, темных, бедных народных школах! Сколько есть людей, жаждущих света и не находящих его»³².

«...В Кубанской области, — продолжает автор рапорта, — где народное образование наилучше поставлено, почти 70 % детей школьного возраста остаются вне учения. Что же сказать о Дагестанской и Карской областях... о многих частях Северного Кавказа?... Образование народное на Кавказе слабее, чем на острове Гаити!»³³.

Констатируя неприглядную картину народного просвещения на Кавказе, попечитель учебного округа, однако, не просил главноначальствующего увеличить средства на расширение школьной сети за счет сумм, находящихся в его (главноначальствующего) распоряжении или войти с ходатайством об увеличении государственных ассигнований, а лишь о том, чтобы главноначальствующий гражданской частью рекомендовал начальникам губерний, областей и округов «разъяснить

---

³¹ Подсчитано нами по данным обзора Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1900.

³² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. д. 123, л. 2.

³³ Там же.

населению необходимость открытия начальных народных училищ» на свои средства³⁴.

Такой политикой царизм препятствовал проникновению в национальные окраины передовой русской культуры. В то же время самодержавие глушило и самостоятельное культурное творчество нерусских народов. Оно стремилось задуть всякое проявление национальной культуры, все то, что препятствовало проведению его политики насильственного «обрусения» нерусских национальностей.

Школы Дагестана, как и всего Кавказа и Закавказья, находились под жестоким полицейским контролем. В 1867 году было предписано во всех школах Кавказа вести преподавание только на русском языке³⁵. Но царизм этим не ограничился. Он делал все для того, чтобы затруднить доступ в школу детям трудящихся. 18 июня 1887 года царский министр просвещения издал реакционный циркуляр, который еще больше ограничил доступ в прогимназии и гимназии выходцам из бедных семей. Выполнение мер, намеченных в циркуляре, должно было, по мысли царского министра, освободить эти школы «от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат, и через то, как показывает многолетний опыт, приводит... к недовольству своим бытом, к озлоблению против существующего и неизбежного, по самой природе вещей, неравенства имущественных положений»³⁶.

В соответствии с этим циркуляром, с 1887—88 учебного года во всех мужских гимназиях и прогимназиях Кавказского учебного округа³⁷ плата за обучение была повышена с 30 до 40 рублей³⁸. В течение долгого времени царское правительство не давало разрешения на открытие в Закавказье университета. Он был открыт только после революции.

Оставаясь в общем крайне медленным, развитие школьного образования в Дагестане с конца 90-х годов все же несколько оживляется. Происходит некоторое расширение сети школ, финансируемой за счет средств государственной казны. Это было вызвано теми социально-экономическими и общественно-политическими процессами, которые происходили в стране, в том числе на ее национальных окраинах, в этот период.

³⁴ Там же.

³⁵ Н. А. Константинов, В. Я. Струминский. Очерки по истории начального образования в России. Москва, 1953, стр. 155.

³⁶ «Кавказ», 1887, № 205, от 4 августа.

³⁷ За исключением Кубанской войсковой гимназии.

³⁸ «Кавказ», 1887, № 221, 22 августа.

В 90-е годы Россия переживала период относительно быстрого подъема промышленного производства, происходило развитие капитализма вширь, охватывая новые районы, создавая армию промышленного пролетариата, все больше вовлекая национальные окраины в классовые противоречия страны. Развитие капитализма сопровождалось усилением эксплуатации рабочих; одновременно росло и классовое самосознание рабочего класса, его революционная борьба. В процессе борьбы против эксплуататоров рабочие и все трудящиеся убеждались в необходимости грамотности, образования, которые служили им подспорьем в борьбе за улучшение положения. Понимание этого делало рабочий класс самым последовательным борцом за народное просвещение.

Борьба рабочего класса и трудящихся крестьян, все усиливающиеся требования горского населения об открытии новых школ, наряду с могучим прогрессивным педагогическим движением передовых людей России, явились той решающей силой, которая заставила царское правительство пойти на некоторое расширение школьной сети и в Дагестане.

С другой стороны, развитие промышленности неизбежно приводило к росту потребности капиталистического производства. По мере его технического совершенствования увеличивалась нужда в грамотных рабочих, способных приносить капиталистам максимальную прибыль. Этот объективный процесс вынуждал царизм идти на уступки экономически усилившейся буржуазии, толкал на путь, правда очень половинчатых, сопровождавшихся архиреакционными оговорками, реформ в области просвещения.

В Дагестанской области число школ с 1899 по 1906 год удвоилось. Более чем вдвое увеличилось и количество учащихся³⁹. Однако, если в городах Дагестана за эти годы было открыто 17 школ, то в сельской местности всего 9. Таким образом основная масса сельского населения по-прежнему не имела возможности отдавать детей в школу. В наступившие после подавления первой русской революции годы реакции (1907—1911) царизм по сути дела перестал открывать школы в Дагестане. В течение этих пяти лет школьная сеть области оставалась почти на одном уровне, увеличившись всего на две единицы — с 52 до 54⁴⁰.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что население Дагестана еще в 90-х годах проявляло большой интерес к школе, к образованию. Это видно как из многочисленных ходатайств горцев в адрес областной администрации и дирекций учебных заведений о принятии их детей на учебу, так

³⁹ Обзоры Дагестанской области за 1899 и 1906 годы. Темир-Хан-Шура, 1900 и 1907 гг.

⁴⁰ Обзоры Дагестанской области за 1907 и 1911 гг. Темир-Хан-Шура, 1908 и 1912 гг.

и рапортов начальников округов военному губернатору Дагестанской области. Вот некоторые факты. 2 мая 1894 года начальник Самурского округа писал военному губернатору Дагестана: «Жители сел. Ахты и других больших селений вверенного мне округа сознательно убеждены в необходимости давать образование своим детям, что доказывает большой наплыв желающих поступить в Ахтынское училище, и только незначительный размер его и ограниченные денежные средства заставляют зачислять лишь 45 обучающихся. Несостоятельность же местных жителей не позволяет дать своим детям дальнейшего образования за свой счет»⁴¹.

В рапорте начальника Гунибского округа от 6 ноября 1894 года дагестанскому военному губернатору сообщалось, что в этом округе желающих учить своих детей русской грамоте «если не больше, но никак не меньше, чем в Аварском и Андийском округах, но все желающие боятся материальных жертв, так как им не из чего выделять необходимый расход на обучение и содержание своих детей вне дома и селения»⁴².

Этих двух примеров, взятых из официальных докладов, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы получить представление о действительном отношении горского населения к светской школе. Главным тормозом на пути просвещения горских масс являлась национально-колониальная политика царского правительства. На народное образование Российская военно-феодалная монархия выделяла гроши, и основную тяжесть расходов на школьное строительство и содержание народных школ она перекладывала на плечи трудящихся. А трудящиеся массы, и без того изнывавшие под гнетом колонизаторов и «своих эксплуататоров», были не в состоянии взять на себя еще и расходы на развитие образования. И если горские трудящиеся иногда с недоверием относились к русской школе, то это, главным образом, потому, как вынуждены были отмечать и официальные представители царской администрации, что не могли поддержать ее материально. В этом нас лишний раз убеждают массовые отказы на просьбы жителей о приеме их детей в учебные заведения, находившиеся на государственном бюджете, «за неимением мест». Один из местных авторов писал в статье «Грамотность в горах Дагестана», опубликованной в журнале «Этнографическое обозрение» в 1900 году, что Темир-Хан-Шуринское реальное училище «закрывает свои двери более $\frac{3}{4}$ горцам, жаждущих образования»⁴³. Согласно далеко неполным официальным данным, в 1900 и 1901 годах в приеме во Владикавказское реальное училище было отказано 75 процентам всех подавших заявле-

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, л. 112, л. 17.

⁴² Там же, л. 111, л. 29.

⁴³ Туземец. Грамотность в горах Дагестана. «Этнографическое обозрение», 1900, стр. 112.

ния⁴⁴, а в Бакинское реальное училище из 13 подавших заявления было принято только 6 человек⁴⁵.

Или следующее признание официального лица, характеризующее отношение местного населения к русской школе. Оно принадлежит человеку, достаточно осведомленному о состоянии народного просвещения в Дагестане и об отношении горцев к светскому образованию. Речь идет о рапорте инспектора народных училищ Бакинской губернии и Дагестанской области в Кавказский учебный округ от 20 марта 1901 года. «Посетив в текущем марте — месяце Казикумухское одноклассное училище, — пишет инспектор, — я застал там около 70 учащихся при одном учителе. Число учащихся могло бы быть гораздо большим, если бы не приходилось отказывать в приеме за неимением мест очень многим детям, желающим учиться. В текущем, например, году, по словам учителя училища, было отказано в приеме в училище более 50 детям. Вследствие сего является крайняя необходимость в расширении Казикумухского училища... Целесообразнее было бы преобразовать названное училище в двухклассное, для чего потребуются увеличить ежегодный расход на училище на 600 рублей»⁴⁶.

Несмотря на значительную поддержку со стороны населения, царские власти отказывались отпускать средства на строительство школьных зданий. Характерна в этом отношении история со строительством здания Левашинской школы в Даргинском округе в 80-х годах XIX века. Строилось оно в течение семи лет, потом строительство было приостановлено, хотя для его завершения недоставало всего 1500 рублей. На просьбу об отпуске средств на окончание строительства из канцелярии главнокомандующего по военно-народному управлению Кавказского края последовал ответ: «Ходатайство отклонено как преждевременное». В письме разъяснялось, что Министерство просвещения «категорически отказав в отпуске денежных средств на содержание сельских школ в Кумухе, Хаджал-махах и Хунзахе, без сомнения отклонит также и... ходатайство об открытии за счет казны школы в сел. Леваши»⁴⁷. Вследствие этого почти готовое здание было разобрано, камень и другие строительные материалы проданы.

Как и на других окраинах царской России материальное положение учителя дореволюционной дагестанской школы было крайне тяжелым. Еще П. К. Услар в 60-х годах прошлого века отмечал, что «звание сельского учителя материально

⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 134, л. 4.

⁴⁵ Там же, л. 5.

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 123, л. 203; Г. Ш. Каймаразов. Влияние России на развитие культуры и просвещения дореволюционного Дагестана. (Рукопись канд. диссертации). 1955, стр. 191.

⁴⁷ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 70, л. 108.

есть самое неблагоприятное. Этому званию могут посвятить себя люди, отказавшиеся от честолюбия, от надежды повыситься, люди, дорожащие скудным куском хлеба и уверенностью, что завтра пройдет для них также безмятежно, как и сегодня». ⁴⁸

Понятно, при таком отношении к народному учителю, который в условиях царизма, по выражению В. И. Ленина, был загнан как заяц ⁴⁹, и при мизерных материальных затратах государства на образование на национальных окраинах (которые не достигали даже объема расходов на содержание полиции), не могло быть и речи о значительном прогрессе дела просвещения и культуры. Именно в этом и надо видеть главную причину крайне медленных темпов развития народного образования в дореволюционном Дагестане.

Следует отметить, что даже в конце XIX века в светских школах Дагестана почти не было учителей из местного населения. За 20 с лишним лет, прошедшие со времени открытия «татарского отделения» в Горийской учительской семинарии (1879 г.), до начала XX века, только трем горцам из Дагестана удалось окончить полный курс и получить звание учителя народной школы. Правда, в школах к этому времени работало несколько дагестанцев, но они не имели специального образования. Учителей было мало и это обстоятельство сказывалось на работу школ, затрудняло их укомплектование, создавало текучесть учительских кадров. Сошлемся лишь на один документ, характеризующий эту текучесть учителей в сельских школах области в 90-х годах прошлого века — это отчет начальника Андийского округа за 1896 год, где он, объясняя причины, почему среди населения округа «слабо развивалось убеждение о пользе школьного образования», пишет: «За пять лет, прошедшие со времени открытия Ботлихской школы, в ней пребывало один за другим четыре учителя... Мог ли учитель хорошо узнать своих учеников и их родителей, когда один из них пробыл в Ботлихской школе около 6 месяцев, другой всего — 2?». ⁵⁰

Параллельно с русскими светскими школами во второй половине XIX века в Дагестане продолжала функционировать густая сеть религиозных мусульманских школ — медресе и мектебов. Система обучения и методы преподавания в этих школах к этому времени не претерпели существенных изменений. В этом отчетливо проявлялись консерватизм конфессиональной системы обучения и господствовавших в ней методов преподавания, реакционная роль духовенства, всемерно

---

⁴⁸ П. К. Услар. О распространении грамотности между горцами. ССКГ, вып. III, Тифлис, стр. 9.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 122.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 10, л. 1.

препятствовавшего проникновению нового, прогрессивного в эти школы.

Хотя было совершенно ясно, что в условиях конца XIX века методы преподавания в религиозных мусульманских школах явно устарели и тормозили умственное развитие подрастающего поколения, духовенство упорно цеплялось за старые приемы и методы. Оно боялось, что включение в «учебные планы» этих школ светских предметов поколеблет его авторитет, а также устои мусульманской религии. И то обстоятельство, что мусульманские школы Дагестана позднее и медленнее стали на путь «светизации», чем в Крыму и ряде других мусульманских районов Кавказа, в огромной степени объясняется сопротивлением духовенства, пользовавшегося большим влиянием на население.

Попытки «реформировать» религиозную школу делались еще в 90-х годах прошлого века, когда ряд деятелей просвещения, имевших отношение к делу образования мусульман, выступал с предложениями об «улучшении» этой школы и системы обучения в ней. По мнению некоторых из них, в таком «улучшении» особенно нуждались мектебы. Преподаватель Горийской учительской семинарии, один из последователей К. Д. Ушинского А. О. Черняевский считал, например, что совершенствование мектебов должно заключаться «в применении новейших приемов преподавания, в организации правильного курса обучения, а также в улучшении гигиенических условий»⁵¹. Он предлагал ввести в эти школы «преподавание арифметики и, где можно, русского языка». Ведь учат же в большинстве мектебов⁵² персидскому языку, говорит он, почему же не учить их русскому языку, «более нужному им в жизни и по более разумно составленным учебникам».⁵³

Черняевский с сожалением отмечал, что в мечетских мектебах обучение грамоте осуществляется на основе старого «притупляющего буквенного способа». Звуковой же метод обучения грамоте, значительно облегчающий труд детей и намного сокращающий время на ее усвоение, не проник в эти школы.⁵⁴

В виду неудовлетворительного состояния дореволюционной официальной статистики исследователю трудно проследить количественную эволюцию религиозных школ в течение всего XIX века. Данные, представлявшие начальниками округов военному губернатору и находившие отражение в ежегодных⁵⁵ обзорах Дагестанской области, по-видимому, не-

⁵¹ Кавказ, 1893, № 264, 6 октября.

⁵² Закавказских мусульман — Г. К.

⁵³ Кавказ, 1893, № 264, 6 октября.

⁵⁴ Там же, № 242, 12 сентября.

⁵⁵ С 1892 года — Г. К.

сколько занижены и не отражают полной картины деятельности этих школ.

С другой стороны, возникая главным образом в зависимости от наличия преподавателя и учащихся, в любое время года, и неожиданно закрываясь, мусульманские примечетские школы плохо поддавались регистрации. По данным упомянутых выше ежегодных обзоров Дагестанской области, к началу XX века в Дагестане имелось 879 школ при мечетях и синагогах, в которых обучалось 6239 детей⁵⁶.

Царское правительство открыто не вмешивалось в дела примечетских религиозных школ и не поддерживало их материально. Однако это не означает, что его представители не интересовались их деятельностью. Наоборот, за работой преподавателей мектебов и медресе был установлен надзор местной администрации, которая должна была доносить вышестоящим властям о всех действиях духовенства и особенно о его пропагандистской деятельности. Дело в том, что царизм не верил мусульманскому духовенству, не без основания подозревал его в протурецкой ориентации и открытой антирусской агитации среди населения. Эти подозрения усиливались в период осложнения внешнеполитических отношений России, в особенности, ухудшения взаимоотношений с Турцией. Примечетские же школы рассматривались царским правительством и как очаги протурецкой агитации мусульманского духовенства.

Реакционное духовенство всемерно препятствовало сближению русского и дагестанского народов, приобщению последних к современной культуре. Вот, что пишет по этому поводу автор статьи «Дагестанская мусульманская школа», опубликованной в журнале Министерства народного просвещения⁵⁷: «До сих пор можно слышать в мечетях проповеди мулл (они единственные учителя в медресе), где сближению с русскими приписываются общественные бедствия, как-то: неурожай, засухи, землетрясения и др. Что же они набьют в голову бедным ученикам? Мусульманская школа и ее учителя-муллы, — продолжает автор, — всеми силами поддерживаемые и Турцией, особенно в последнее время, стараются способствовать развитию в горах отчужденности от русских...»⁵⁸

С другой стороны, у царизма и местного мусульманского духовенства существовала и сфера общих интересов. Реакционное духовенство всемерно способствовало увековечению ненавистного народным массам строя эксплуатации и угне-

⁵⁶ Дагестанский сборник. Вып. I, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 198.

⁵⁷ Жур. Министерства народного просвещения, за ноябрь 1915.

⁵⁸ С. Фарфоровский. Дагестанская мусульманская школа, МНП, ноябрь 1915, стр. 3.

тения, проповедывало покорность и смирение по отношению к феодалам и иным эксплуататорам, упорно «оберегало» население от проникновения передовых идей, активно сопротивлялось нарастающему революционному движению трудящихся горцев. Понятно, что подобная деятельность духовенства вполне соответствовала видам царского правительства и находила поддержку его официальных представителей на Кавказе.

В исторических условиях конца XIX века, когда в экономику Дагестана постепенно проникали и утверждались капиталистические элементы, подвергались ломке старые формы хозяйства и происходили существенные изменения в общественной жизни, религиозные примечетские школы со своими средневековыми схоластическими методами преподавания являлись тормозом культурного развития общества. Жизнь настоятельно требовала коренных реформ в системе обучения в конфессиональных школах и прежде всего введения в их учебные планы светских дисциплин. Однако такие реформы не могли быть осуществлены при столь громадном влиянии духовенства на примечетскую школу, благодаря чему последние в течение многовекового существования не претерпели значительных изменений.

Итак, в XIX веке, в Дагестане существовали и параллельно развивались два типа школ: светские русские школы, в которых обучение проводилось на русском языке, и религиозные мусульманские школы с преподаванием на арабском языке. Если главное назначение школ первого типа, т. е. русских, сводилось к подготовке из представителей местной эксплуататорской верхушки чиновников царского военно-административного аппарата и содействию руссификации края, то школы религиозные были призваны укреплять устои мусульманской религии и религиозный фанатизм. Обучение в русских школах носило светский характер, в то время как главной программной задачей примечетских школ было вооружение своих питомцев основными догмами мусульманской веры.

Общим между школами первого и второго типа являлось то, что они, как и вообще просвещение в эксплуататорском обществе, носили классовый характер. Школы были недоступны большей части горских детей. Об этом свидетельствует тот факт, что в школах обоих типов к началу XX века обучалось примерно 7,5 проц. всех детей школьного возраста.

Говоря о старой русской школе следует иметь в виду указание В. И. Ленина о том, что все в них было устроено в интересах буржуазии. «В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы

создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья».⁵⁹ В то же время В. И. Ленин учил, что «мы должны взять то хорошее, что было в старой школе». Надо уметь различать, указывал В. И. Ленин, — что было в старой школе плохого и что полезного нам.

Для Дагестана, где до присоединения к России не существовало вовсе ни одной светской школы, эти первые русские школы, вопреки намерениям царского правительства, сыграли объективно-прогрессивную роль.

Несмотря на ограниченность программ и большие пороки в работе, дореволюционная русская школа стояла неизмеримо выше школ религиозных, давала учащимся полезные знания и навыки. В этих школах дети горцев усваивали русскую грамоту, русский язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре. Они сыграли положительную роль в формировании и росте местной, хотя и немногочисленной, интеллигенции, в развитии передовой общественной мысли в Дагестане.

Замечательные сыны Дагестана, выдающиеся революционеры У. Буйнакский, М. Дахадаев, М.-М. Хизроев, С. С. Казбеков, Г. Саидов и многие другие вооружились основами передового революционного мировоззрения в русской школе, через общение с революционно-настроенным студенчеством, с русскими социал-демократами — большевиками.

В целом же состояние школьного образования в Дагестанской области к концу XIX века оставалось жалким. Этим объяснялась низкая грамотность населения Дагестана, которая, по данным первой всеобщей переписи населения России 1897 года, лишь немногим превышала 9 процентов.⁶⁰

Таковы были результаты более чем полувековой «просветительской» политики самодержавия в Дагестане, политики, лишавшей основные трудящиеся массы возможности приобщиться к современной культуре, овладеть знаниями.

---

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч., 31, стр. 260—261.

⁶⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область, 1905, стр. 12—13.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ДАРГИНЦАХ И ОБРАЗОВАНИЕ СОЮЗА ВЕРХНЕДАРГИНСКИХ ОБЩЕСТВ

В истории народов Дагестана имеется ряд вопросов, не ставших еще предметом исследования. Одним из таких неосвоенных вопросов является и проблема образования союза верхнедаргинских обществ, известном в исторической литературе под названием Акушинского союза сельских обществ или просто Акуша-Дарго. Ни в дореволюционной, ни в советской исторической литературе, не считая некоторых работ¹, посвященных истории Дагестана различных периодов, где имеются лишь отдельные упоминания об образовании союза, не имеется ни одного исследования, которое было бы посвящено разработке этого важного вопроса. Поэтому среди советских историков нет пока единого мнения ни о конкретных причинах, ни о времени образования союза Акуша-Дарго. Между тем без правильного выяснения этих вопросов и без исследования истории союза вообще невозможна научная разработка не только истории даргинцев, но и ряда вопросов, связанных с историей Дагестана в целом.

Выяснение же причин и времени образования союза Акуша-Дарго невозможно, хотя бы без краткого, насколько это позволяют те немногочисленные источники, которые имеются в нашем распоряжении, экскурса в древнюю и раннесредневековую историю даргинцев вообще.

Именно такая цель и ставится автором данной статьи.

При написании статьи мы столкнулись с рядом трудностей. Они связаны не только с неразработанностью проблемы, но и с малочисленностью фактического материала. В связи

---

¹ А. И. Алиев и З. А. Никольская. Даргинцы. Народы Дагестана. М. 1953, стр. 68—101; См. также. «Народы Кавказа», т. 1, М., 1960, стр. 467—486; И. Р. Нахшунов «Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957; История Дагестана. Махачкала, 1961; Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

с этим поставить и разрешить все вопросы интересующей темы не представляется возможным. Поэтому они выдвигаются здесь лишь как рабочие гипотезы.

* * *

*

Даргинцы занимают центральную часть Дагестана. На севере они граничат с аварцами и кумыками, на юге — с лезгинами и табасаранами, на востоке — с кумыками и на западе — с лакцами и аварцами.

Археологические памятники показывают, что современная территория даргинцев была заселена еще в древнекаменную эпоху². На этой территории обнаружены памятники всех эпох, начиная с периода нижнего палеолита и кончая средневековым.

Наибольшее число памятников приходится на территорию, которая впоследствии стала центром объединения верхнедаргинцев в одно политическое образование³.

Все это говорит о том, что данная территория является одной из самых древненаселенных частей Дагестана и служит подтверждением непрерывности исторического процесса Дагестана в целом и на территории, занимаемой ныне даргинцами, в частности. И наконец, эти исследования археологов полностью опровергают несостоятельные утверждения дореволюционных авторов о позднем заселении горного Дагестана, в том числе территории, заселенной даргинцами.

Наиболее ранние сведения о даргинцах встречаются в работах местных авторов, написанных, хотя и в более поздний период, но на основании персидских и арабских источников, а также местных хроник на арабском языке: «Извлечении из истории Дагестана, составленном Муххамедом-Рафи», в «Тарихи Дербент-Наме», изданном под редакцией М. Алиханова-Аварского, «Гюлистан-Ирам» А. К. Бакиханова и «Асар-и Дагестан» Г. Э. Алкадари.

Автор «Дербент-Наме», перечисляя народы Дагестана, живущие в период правления в Иране Кубадашаха и сына его Нуширвана, пишет, что «здесь же (в Дагестане — Б. А.)

² В. Г. Котович. Археологические работы в Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 5—24.

³ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2929; Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. КС ИИМК, № 71, М., 1958; В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Учен. зап. ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960; В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Уч. записки ИИЯЛ, т. IX. Махачкала, 1961; В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. II, Махачкала, 1961.

было племя *Туман*, распространенное от города Ихрана до Гумри и называемое теперь *Тау-Лезги* (горные лезгины), столица которых называется *Акуша*»⁴.

Среди исследователей по этимологии указанных населенных пунктов имеются различные суждения. По мнению М. Алиханова-Аварского, Ихран — это современное селение Ирганай, расположенное на берегу Аварского Койсу⁵. Б. Маллачиханов считал, что Ихран — это город Эндери⁶ (Андрей-аул). Существует также мнение, что Ихран это современное селение Ихрек, расположенное в Рутульском районе.

По поводу локализации населенного пункта Гумри большинство исследователей придерживается одного мнения, подразумевая под ним современное селение Каякент.

Нам думается, что под Гумри необходимо подразумевать несохранившееся селение Гамри, в отличие от существующего ныне селения Кичи-Гамри, основанного, видимо, выходцами из Гамри. Это предположение вытекает не только из созвучия названий «Гумри» и «Гамри», но и из сохранившихся преданий, согласно которым недалеко от моря раньше находился большой населенный пункт под названием Гамри. Его географическое положение не противоречит сведениям источников о географическом расположении «Гумри».

Под Ихраном же необходимо иметь в виду либо один из населенных пунктов Аварии, либо селение Ихрек, ибо только в этом случае «племя Туман», под которым известны лакцы, могло быть расположено между Ихраном и Гумри, как об этом говорится в «Дербент-Наме». В этом случае можно предположить, что в тот период истории часть даргинцев (в основном верхнедаргинцы), лакцы и некоторая часть аварцев составляли одно политическое образование.

Подтверждение сказанному мы находим и у А. К. Бакиханова, который, перечисляя земли Дагестана в VI в., пишет, что одним из них был «**Нагорный Кумук**, где ныне **Казикумук** и **магалы Акушинские** и некоторые **Аварские**»⁷.

Ценные сведения о даргинцах мы находим у арабских авторов. Наряду с такими политическими образованиями, как Лакз, Табасаран, Гумик, Серир, источники говорят и о таких «царствах», находящихся в VII в. на территории Дагестана, как Зирехгеран и Хайдак (Хамзин). Первое из них, по-видимому, существовало еще задолго до арабов, о чем говорит само название «Зирехгеран», что на персидском языке означает

---

⁴ Тарихи Дербент-Наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского, Тифлис, 1898, стр. 33.

⁵ Тарихи Дербент-Наме. Примечание, стр. 45.

⁶ Б. Маллачиханов. Материалы по истории нагорного Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1167, л. 34—35.

⁷ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 33, 34.

«кольчужные мастера». Говоря об этом царстве, Масуди писал, что оно расположено «за Гумиком», и «следует по направлению к горам и Сериру».⁸ Это свидетельство Масуди, на что впервые было обращено внимание Е. М. Шиллингом,⁹ дает возможность утверждать, что под Зирехгераном понималось не только одно селение Кубачи, но и целое «царство», куда входили и селения Амузги, Сулебкент, Харбук, Ицари и др. Жители этих селений так же занимались ремесленным производством, о чем также свидетельствует Масуди. «Многие из жителей этого государства, — пишет он, — мастера кольчуг, стремян, удил, мечей и других железных вещей».¹⁰

Другое политическое образование даргинцев Хайдак, известное по мнению многих ученых в восточных источниках под названием Хамзин или Хайзан,¹¹ было расположено к северо-западу от Дербента в соседстве с Зирехгераном. Занимая частью равнинный Дагестан, жителям Хайдака приходилось выдерживать борьбу с наступлением различных кочевников. Население горной части Хайдака (горная часть нынешнего Кайтагского сельского района) больше было связано с даргинцами внутреннего Дагестана, имело с ними одинаковые условия. Возможно, что название Хайдак являлось этнонимом, обозначающим не только юго-восточную группу даргинцев, т. е. кайтаков, но и названием более широкой территории.

По свидетельству восточных историков хайдаки и зирехгераны достигли значительного развития экономики, вели торговлю с другими народами Дагестана и других государств Кавказа. Ал-Истахрий пишет, «что к Дербенту, наряду с другими народами, приходили «хайзаны» и «зерикераны»».¹²

Работы местных авторов также говорят о политических образованиях, существовавших до арабского завоевания. В примечании к «Дербент-Наме» М. Алиханов-Аварский пишет, что в древней арабской географии, под названием «Мальтабрун» говорится, что Дагестан делился в то время на 8 земель: Авар, Дидо, Кафуж (Капучи и Анцух), Андфис (Анди), Гумук, Курабал (Кюра и Самурцы), Каси-Кумух (Гази-Кумух) и Заудакар (Цудахар).¹³

Хотя это и не совсем достоверный источник, на что указал

---

⁸ Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 52.

⁹ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949, стр. 6.

¹⁰ Масуди. Указ. соч., стр. 52.

¹¹ Ал-Истахрий. Книга путей и царств. СМОМПК, вып. 29, Тифлис. 1901, стр. 15.

¹² Ал-Истахрий. Указ. соч., стр. 15.

¹³ Тарихи Дербент-Намс. Примечание, стр. 187—188.

в своей статье «Дербент-Наме» М.-С. Д. Саидов,¹⁴ и о чем свидетельствует отсутствие подобных сведений в других источниках и даже в арабских, на основании которых якобы и приводятся они редактором «Дербент-Наме», но интересен сам факт упоминания как самостоятельного политического образования «Заудакара». Цудахар — это так же, как и Акуша и Усиша, крупное древнее селение, по территории которого проходили дороги в Кумух. Аварию, в Акуша и на плоскость, и, естественно, оно было известно другим народам. Цудахарское общество, будучи одним из сильных обществ верхнедаргинцев, всегда выступало как самостоятельная единица, порою даже претендуя наряду с Акушинским обществом на руководящее положение среди других даргинских обществ. Поэтому вполне возможно, что в описываемый период под землей «Заудакар» имеется в виду вся территория верхнедаргинцев.

В «Извлечении из истории Дагестана» Мухаммед-Рафи пишет, что перед арабским завоеванием в Дагестане было «много городов, много владений и три земли: Аварь, Сахль (плоскость) и Зирегерани».¹⁵ Далее источники говорят, что аварский нучал Суракат «завладел силою всеми общинами и доходами их ханов. Этот государь получал доход со всех владений и подати со всех обитателей Дагестана».¹⁶ При чем «этому государю все обитатели Дагестана, большие и малые, повиновались без вражды и сопротивления».¹⁷

Указание Масуди на то, что «царь усердно и с успехом воюет с хазарами, так как этот народ живет на равнине, а сам он в горах»,¹⁸ говорит о том, что территория этого царства простиралась до предгорий. Это обстоятельство, а также свидетельство Ибн-Хаукала о том, что «Сери́р имя царства, но не народа и не людей»¹⁹ и отсутствие упоминания земель, занятых верхнедаргинцами в источниках, наталкивает нас на предположение, что они в тот период входили в указанное царство, как пишется в «Дербент-Наме», в качестве отдельных «владений».

Более конкретные сведения о верхнедаргинцах мы имеем по периоду арабских завоеваний и проникновения ислама в Дагестан.

---

¹⁴ М.-С. Д. Саидов. Дербент-Наме. Труды второй научной сессии Дагестанской базы Академии наук Союза ССР, Махачкала, 1949 г., стр. 105.

¹⁵ Мухаммед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, вып. V. Тифлис, 1871, стр. 9.

¹⁶ Тарихи Дербент-Наме, приложение IX, стр. 166.

¹⁷ Там же, стр. 168.

¹⁸ Масуди. Указ. соч., стр. 53.

¹⁹ Ибн-Хаукал «Книга путей и царств». СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 115.

Начало арабского завоевания относится к VII в. Свое господство арабские завоеватели устанавливали огнем и мечом.

После завоевания Дербента, Табасарана, Кайтага и Зирехгерана, которые были подвергнуты разгрому, арабы в первой половине VIII в. вторглись в средний Дагестан, населенный верхнедаргинскими племенами. Арабы дошли также до Аварии, где вели войны «вдоль и вширь» и «до основания разорили... Хумзах».²⁰

Мусульманское духовенство в угоду господствующим классам создали легенды о священном происхождении первых дагестанских владетелей. Согласно этих источников, в покоренных землях арабы поставили своих правителей и кадиев для обучения местного населения мусульманским обрядам и построили для этой цели мусульманские мечети. В связи с этими мероприятиями арабов и связаны сведения о верхнедаргинцах. В «Дербент-Наме» говорится что, назначив в Кумухе правителем Шахбала и кадия при нем, в Кайтаге—Амир-Хамзу, в Табасаране—Магомед-Маасума и двух кадиев для исполнения шариата,²¹ Абу-Муслим «пошел потом в **Тав** (Таг) и **Авар**, обратил тамошних жителей насильно в ислам, построил для них мечети и назначил казиев. Главное место **Таво** ныне есть деревня **Акуша**, а **Авара** — город **Хомзак**».²²

Подобное утверждение мы находим и у Г.-Э. Алкадари, который пишет, что «в городе Акуше большая мечеть была построена во имя его» (Абу-Муслима — **Б. А.**).²³ Далее он пишет, что «Абу-Муслим назначил кадиями в Акуша, Цудахар, Сюрги, Кази-Кумух и Андалял подходящих лиц из бывших при нем ученых».²⁴

На изолированной вершине горы, где по преданиям в древности было расположено селение Акуша, до сих пор имеются остатки разрушенной недавно трехэтажной мусульманской мечети. Хотя народное предание также связывает строительство этой мечети с периодом арабских завоеваний, все же, повидимому, она была построена гораздо позже, ибо, как указывают источники, ислам в Дагестане и в частности на территории, занятой даргинцами, в то время еще не утвердился. Даже в конце XIV в. верхнедаргинцы не являлись

²⁰ Мухаммед-Рафи. Указ. соч., стр. 21.

²¹ Тарихи Дербент-Наме, стр. 79—80; А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 43—44.

²² А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 44.

²³ Г.-Э. Алкадари. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 21.

²⁴ Там же, стр. 23.

мусульманами, что послужило поводом для похода в их земли Тимура.²⁵

Во всяком случае вышеуказанные сведения говорят о том, что акушинская мечеть являлась «одной из древнейших в Дагестане»²⁶, хотя и построена значительно позже начала арабских завоеваний. Она была расположена на очень удобном как в стратегическом, так и в религиозном отношении месте. Занимая самое высокое место, мечеть как бы олицетворяла величие мусульманского учения. В то же время она являлась труднодоступным для внешних врагов оборонительным сооружением, первый этаж ее являлся крепостью с бойницами. В период нападения и борьбы с внешними врагами старики, женщины и дети укрывались здесь. На втором этаже учились и жили мутаалимы, а на третьем — молились богу²⁷.

Помимо насильственного насаждения ислама, арабы в Дагестане проводили и грабительскую налоговую политику. Упрочив свое господство в Дагестане, они назначили на местах своих ставленников, которые и собирали дань с местного населения. В «Извлечении из истории Дагестана», по предположению исследователей составленном в начале XIV в., имеется подробный перечень доходов шамхала Казикумукского, во владение которому арабы якобы передали и Средний Дагестан, заселенный даргинцами. За пользование пастбищными горами должны были платить шамхалу ежегодно: жители Губдени 100 баранов, жители деревень Усиша и Акуша — 100 быков, жители Сарахи — по одному диргему каждый дом, жители деревни Цудахар — 50 быков, жители Кайтага — 170 буйволов, Кубачи — 30 мер пороку и 50 баранов с горы.²⁸

Сообщения Мухаммеда-Рафи — исключительно ценный документ. Помимо вывода, который следует из перечня доходов шамхала о том, что в Дагестане в этот период преобладающей формой ренты являлась натуральная или продуктовая, этот источник дает возможность судить о том, что верхнедаргинцы еще не были объединены в одну политическую организацию. Указание источника на то, что налогами облагались отдельные крупные селения как Акуша, Усиша, Цудахар и др., говорит о территориальном расселении верхнедаргинцев. Кроме того, этот документ является первым источником, овидетельствующим о зависимости верхнедаргинцев от

²⁵ Шереф-ад-дин Йезди. Книга побед. См. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II, М.-Л., 1941, стр. 185.

²⁶ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 219.

²⁷ Полевой материал. Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 3001.

²⁸ Мухаммед-Рафи. Указ. соч., стр. 22—23; Дербент-Наме, приложение IX, стр. 176—177; А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 53.

власти шамхала Казикумухского. Вплоть до присоединения Акуша-Дарго к России жители его продолжали считать себя подданными шамхала, хотя его власть над ними была чисто формальной.

Некоторые исследователи относят указанные подати шамхалу к XIV в. Однако нам кажется, что исходя лишь из времени составления «Извлечения из истории Дагестана», нельзя делать такого вывода. Напротив, внимательный анализ «Извлечения» показывает, что описываемые события происходили в период послеарабских завоеваний и до татаро-монгольского нашествия. Автор «Извлечения» описывает события хронологически последовательно. Сначала описывает Дагестан до арабского завоевания, затем походы арабов в Дагестан, утверждение их здесь, власть Шамхала, подати, а потом ссору правителей Кайтака и Аварии с Кумухом, поход их на Кумух.

Из этого вытекает, что не в XIV в., а возможно только лишь до 1240 г. большая часть населения Дагестана была обязана вносить перечисляемые в «Извлечении из истории Дагестана» подати и повинности шамхалу.

Письменных источников о даргинцах, за исключением Кайтагского уцмийства, по периоду послеарабских завоеваний и вплоть до XVIII в. очень мало. И поэтому по ним невозможно составить цельной исторической картины.

В некоторой степени отсутствие сведений, письменных источников по этому периоду заполняется археологическим материалом. Инвентарь средневекового могильника, обнаруженного в селении Акуша²⁹, который относится к IX—XI вв., дает возможность судить о сравнительно высоком уровне ремесленного производства на этой территории. Находки стеклянного и серебряных браслет, медного кольца, бусин-печаток из халцадана, чашечки с зеленой поливой на высокой ножке говорят о существовавших связях даргинцев с другими народами Дагестана и Кавказа.

В общественно-политическом отношении даргинские общества стояли не на одинаковом уровне развития. Основное, чем характеризовался общественно-политический строй даргинцев в этот период, являлось господство территориальных общин.

Материалы устного народного творчества показывают, что даргинские общества часто враждовали между собой, устраивали набеги друг на друга, уводили пленных и разоряли хозяйство. В условиях постоянной междоусобицы они не могли противостоять и против притязаний соседних «царств», которые пользовались отсутствием единства среди

---

²⁹ В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов. Акушинский могильник. КС ИИМК, вып. 60, М., 1955, стр. 150—154.

них и совершали набеги на их земли. Результатом всего этого явилась потеря независимости ряда обществ верхнедаргинцев.

Мы выше указывали, что перед арабским завоеванием в Дагестане одним из сильных было «царство» Серир, локализуемый исследователями на территории Аварии. В местных хрониках это феодальное владение известно под названием хунзахского нучальства. Однако они не тождественны между собой. Хунзахское нучальство образовалось на части территории Серира, а именно на территории Аварии. Пользуясь разобщенностью даргинских обществ, это феодальное образование Аварии распространило свою власть и на ряд обществ верхнедаргинцев, с которых ежегодно нучал собирал дань зерном и скотом.³⁰ Тогда же были подчинены им и ряд населенных пунктов лакцев.

В условиях разрозненности, отсутствия единства и взаимопомощи, любое из подвластных нучалу даргинских обществ было не в состоянии в отдельности добиться самостоятельности и прекратить платить дань. Это обстоятельство, подобно тому как «борьба с внешней опасностью была одним из факторов, способствовавших образованию раннефеодального государства с центром в Киеве»,³¹ ускорило начавшийся еще раньше процесс объединения верхнедаргинских обществ в единый союз.

В своей кандидатской диссертации М. В. Сандова пишет: «С точки зрения происхождения объединения сел в общества более древнее, чем объединение их в союзы. Первое могло быть вызвано внутренним развитием обществ, в то время, как объединение в большие союзы представляло более позднее явление, вызванное борьбой с феодальным окружением».³² Аналогичного мнения придерживается и Х.-М. О. Хашаев, который пишет, что объединение «вольных» обществ в союзы «случалось в случае серьезной опасности внешнего нападения. Подобный союз постоянно существовал у акушинских даргинцев во главе с акушинским кадием».³³

Однако говоря о внешних факторах, как одном из главных условий политических успехов, мы ни в коем случае не должны забывать, что в конечном счете определяющим условием все же являются внутренние причины, экономическое развитие. Образование союза верхнедаргинских «вольных» обществ стало возможным именно только при определенных

---

³⁰ Полевой материал. Сообщение Даудова Н., 1892 г., сел. Мерва, Левашинского сельского района.

³¹ История СССР, т. I, М., 1956, стр. 77.

³² М. В. Сандова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. (Канд. дисс.) М., 1947, стр. 176—177.

³³ Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, стр. 237.

условиях их внутреннего развития. Политическое объединение их было подготовлено ростом производительных сил, экономическим развитием, усилением связей, обменом между обществами. Поэтому мы разделяем мнение И. Р. Нахшунова о том, что «рост производительных сил (прежде всего — Б. А.) и необходимость защиты от внешних нападений привели к образованию союза «вольных обществ» Цудахарского, Акушинского у даргинцев...».³¹

В свою очередь образование союза, а следовательно, и укрепление внешнеполитического положения верхнедаргинцев и создание условий, обеспечивающих безопасность их территории, содействовало их дальнейшему хозяйственному развитию, которое выразилось в росте производительных сил — в определенном улучшении в сельском хозяйстве (земледелии и скотоводстве), ремесленном производстве и расширении обмена.

Сведения о причинах образования союза верхнедаргинских обществ сохранили до нас народные предания.

Из-за отсутствия письменных источников, мы вынуждены ссылаться на них и пользоваться ими как одним из основных материалов, тем более, что косвенные сведения подтверждают эти легенды.

Как было сказано выше, главной опасностью для даргинских обществ в тот период было Хунзахское феодальное нучальство, наложившее на них большую дань. Каждый год представители аварского нучала приходили в даргинские общества для сбора этой дани. В один из неурожайных годов даргинцы попросили нучала освободить их от дани на этот год. Но нучал отказался удовлетворить их просьбу и снова послал сборщиков в даргинские села. Тогда по инициативе акушинца по имени Айсакади, на равнине, называемой у даргинцев «Хъярбукидиркья», собрались представители даргинских обществ для обсуждения создавшегося нетерпимого и безвыходного положения. Айсакади, обратившись к собравшимся, сказал: «Знаете ли вы, почему мы платим дань нучалу из Хунзаха?» И сам ответил: «Это происходит потому, что мы разъединены и враждуем между собой». Держа в руках метлу, он обратился с вопросом: Найдется ли среди Вас такой силач, который смог бы разломать эту метлу. А сломать ее очень легко, посмотрите, как это сделать». С этими словами Айсакади стал выдергивать из метлы по одному прутику и ломать их. «С такой же легкостью бьют нас и внешние враги, так как мы разъединены и не выступаем совместно», — заключил он.

---

³¹ И. Р. Нахшунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956, стр. 17.

На собрании было решено прекратить вражду между обществами, объединить их силы и перестать платить подати хунзахскому нуцалу.

Далее в легенде говорится, что когда явились сборщики дани, даргинцы повели их на кладбище и, привязав их коней к надгробным памятникам, сказали: «Вот здесь ваши данники, с них и берите дань для своего нуцала, мы же свободные уздени, платить никому не обязаны и поэтому не дадим ничего и вашему нуцалу».

Сборщики вернулись к нуцалу ни с чем. Нуцал, собрав свое войско, двинулся в даргинские общества для наказания их за непослушание.

Но и общинники, зная, что нуцал не откажется от дани и попытается силой взять ее, как было решено на собрании в «Хъярбукидиркья», объединили свои силы и пошли навстречу войскам нуцала. Недалеко от селения Цудахар, у местности Сията произошла вооруженная схватка. Даргинцы одержали победу и с тех пор, перестав платить дань, стали свободными.

Однако опасность извне и после этого не перестала существовать и поэтому общинники решили и впредь при любой опасности извне объединяться для совместной борьбы против посягательства на их самостоятельность и свободу.³⁵

Существуют и другие варианты этой легенды. Но суть всех их сводится к одному: даргинские общинники объединились в союз против внешней опасности.

У нас нет письменных источников и о первоначальном составе союза верхнедаргинских обществ. Имеющиеся предания противоречивы. В одном из них говорится, что с самого основания союза в него вошли Акушинское, Усишинское, Цудахарское, Мекегинское и Сюргинское общества.³⁶ По другим сообщениям, в союз входило и Кутишинское общество, но не входили сюргинцы,³⁷ мугинцы³⁸ и цудахарцы,³⁹ из которых однако последние объединялись в момент большой опасности извне.

Противоречивость этих сведений наталкивает на мысль, что действительно первоначально не все общества входили в состав союза. Нам думается, что начало союзу было положено акушинцами, усишинцами и мугинцами, которые расселены близко друг от друга — общинные территории их имели общие границы, в этническом отношении отличались лишь по диалекту и имели общих врагов, которые постоянно

³⁵ Полевой материал. Сообщение Даудова Насруллы, 1882 г., сел. Мегва, Левашинского сельского района.

³⁶ Там же. Сообщение Даудова Н.

³⁷ Там же, сообщение Кембарова М., 1882 г., сел. Мекеги.

³⁸ Там же, сообщение Алхасова М., 96 лет, сел. Мекеги.

³⁹ Там же, сообщение Закимагомедова Ш., г. Самарканд.

(об этом свидетельствуют многочисленные народные предания) совершали набеги на их земли и в случае победы их над одним из этих обществ имели возможность проникнуть и в земли следующих двух обществ.

Надо полагать, что к союзу примыкали и мекегинское и цудахарское общества. Однако цудахарцы примыкали к союзу только в периоды большой угрозы со стороны внешних врагов. В остальное время это общество составляло отдельное самостоятельное образование. Это мнение подтверждается и источниками позднего периода, в которых при описании верхнедаргинских обществ перечисляются лишь три общества (Акушинское, Цудахарское и Сюргинское), а иногда только два первых. Так академик И. А. Гюльденштедт, описывая верхнедаргинцев, говорит о двух «округах» — Акуша (с входящими в его состав Акушинским, Усишинским, Мугинским и Мекегинским обществами) и Цудахар.⁴⁰ Д. И. Тихонов также выделяет Цудахар как самостоятельное общество, не входящее в состав союза подобно другим указанным выше обществам, которые вместе с акушниками известны под этим общим названием.⁴¹ Клюке-фон-Клюгенау отмечал, что с Акушой у Цудахарского общества «с давних времен существует союз быть заодно против врагов своих. Оно имеет своего кадия и управляется несколько независимо от Акуши».⁴² В одном из документов первой половины XIX в прямо говорится, что «Цудахар всегда был отдельным обществом».⁴³

А. В. Комаров, перечисляя общества, входившие в состав союза писал: «Эти пять обществ (Акушинское, Усишинское, Мугинское, Мекегинское и Урахинское — Б. А.) издревле составляли союз, известный под общим именем — Даргуа»,⁴⁴ т. е. не перечисляет среди них Цудахарское общество. В составе союза он дает и Урахинское «вольное» общество. Однако у нас нет никаких данных, которые подтверждали бы это утверждение А. В. Комарова относительно раннего периода истории союза.

---

⁴⁰ И. А. Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб, 1809, стр. 130—131.

⁴¹ Д. И. Тихонов. Топографическое описание Северного Дагестана, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч. 3, л. 5.

⁴² ЦАНХ, ф. Клюке фон-Клюгенау, д. 84, л. 6. Цитирует П. А. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Канд. дисс., л. 152.

⁴³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 358. Учен. записки ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 279.

⁴⁴ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. Записки КОРГО, VIII, Тифлис, 1873, стр. 16.

Что же касается «вольного» общества Сюрга, то, кроме как у Вранкена,⁴⁵ сведений о вхождении его в союз верхнедаргинских обществ мы не имеем. Это обстоятельство позволяет прийти к мнению, что в союз это общество первоначально не входило. Лишь в более позднее время и то только часть сельских обществ этого «вольного» общества вошли в состав Акушинского союза.

Все эти сведения говорят, таким образом, не только о первоначальном составе союза верхнедаргинских сельских обществ, но и о времени его образования, утверждая, что он образовался не XIX и не XVIII веках, а в более ранний период.

В литературе союз известен под названием Акушинского союза «вольных» обществ или просто Акуша-Дарго, что показывает главенство Акушинского общества, в котором находился главный кадий верхнедаргинцев. Однако в сохранившихся в народе легендах сообщается, что первоначально союз верхнедаргинских обществ возглавляло не акушинское общество, а Бутринское общество. В приведенной выше легенде сообщается, что после того как верхнедаргинские общества договорились об образовании военно-политического союза, стал вопрос о главенстве. Было решено, что главой будет бутринский талхъан (князь).

Согласно народных преданий, раньше в верхнем Дарго и в частности в Бутринском обществе действительно были талхъаны. Поэтому, видимо, бутринцы до позднего времени считали себя первенствующими среди верхнедаргинцев.

Сколько времени возглавляло Бутринское общество союз — нет данных. Но из преданий известно, что после одного удачного сражения верхнедаргинцев с войсками одного из феодальных владений главенство в союзе перешло к Усишинскому обществу, сыгравшему основную роль в исходе указанного сражения.

Нам кажется, что главенство Усишинского общества в союзе было вполне возможным, так как селение Усиша также как и селение Акуша являлось одним из самых древних и крупных населенных пунктов верхней Даргинии. Наиболее раннее упоминание об Усиша также, как и об Акуша относится к периоду послеарабских завоеваний, которое имеется в перечне населенных пунктов Дагестана, обязанных платить подати шамхалу Казикумухскому.⁴⁶

Сведения устных народных преданий о первоначальном главенстве Усишинского общества подтверждаются также сообщением Низам-ад-дина Шами. Описывая поход Тимура

⁴⁵ Политический обзор Дагестана. Составил 18 декабря 1843 г. капитан генштаба Вранкен. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6514, л. 34.

⁴⁶ М у х а м м е д - Р а ф и. Указ. соч., стр. 23.

в средний Дагестан, он говорит о взятии им местности Ушкуджан и о набеге на его область.⁴⁷ Значит речь здесь идет не об отдельном селении Ушкуджан, под которым мы подразумеваем селение Усиша, называемое в древности Ускиша, а о целой области, т. е. политическом образовании с центром данного населенного пункта.

И только лишь по истечении более 500 лет после начала арабских завоеваний в Дагестане главенство в союзе перешло к акушинскому кадию.⁴⁸ Поэтому союз и стал называться Акушинским, так как письменных документов, говорящих о союзе во второй половине XVIII в., мы вообще не имеем и по этой причине нам неизвестно, как он назывался раньше.

Таким образом, из всего сказанного мы уверенно можем говорить, что союз верхнедаргинских «вольных» обществ образовался до начала татаро-монгольских нашествий на Дагестан.

Дальнейшая история даргинцев, как и других народов Дагестана, связана с периодом татаро-монгольского нашествия и включением части Дагестана в состав Золотой Орды.

Конкретных сведений, свидетельствующих о походах татаро-монголов на территорию верхнедаргинцев, мы не имеем. Однако не может быть никакого сомнения, что они стояли в стороне от борьбы дагестанских народов с иноземными завоевателями.

В 1220 г. татаро-монголы вторглись в Азербайджан и после упорной борьбы подчинили его своей власти. Затем они направились к Дербенту. Рассказывая об этом походе татаро-монголов, Ибн-аль-Асир писал, что их «отряд, покончив с Азербайджаном и Арменией, идет в Дербент Ширванский и овладевает городами его, и ничто не спасется, кроме крепости, в которой был царь их».⁴⁹ После неудачной осады Дербента, татары «по неприступным местам перешли Кавказские горы, заваливая пропасти деревьями, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды и таким образом пошли в свою родину»,⁵⁰ по горам, где «были многочисленные племена, а в том числе аланы, лезгины и несколько

---

⁴⁷ Низам-ад-дин Шамс. Книга побед. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.-Л., 1942, стр. 124.

⁴⁸ Полевой материал 1962 г. Сообщение Закаригаева Магомед-Запира, 1904, сел. Муги и Ахмедова Баганда, 1888 г., сел. Мекеги Левашинского сельского района.

⁴⁹ Ибн-аль-Асир. О первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны. Перевод проф. И. И. Ильминского. Учен. запiski Академии наук по I и III отд. т. II, СПб, 1854, стр. 641.

⁵⁰ А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239—1240 гг). Уч. зап. ИИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 10. Цитирует Киракоза Гандзакца.

тюркских племен»,⁵¹ которых они «наделили... резней, грабежом и опустошениями».⁵²

Новые походы в Дагестан татаро-монголы совершили после смерти Чингис-хана. Захватчики дошли до Кумуха, который после упорного сопротивления был ими разрушен.⁵³

Но власть свою в горах татаро-монголам не удалось утвердить. Об этом свидетельствует Плано Карпини, который в «Истории монголов», перечисляя земли, покоренные татаро-монголами, указывает из районов Дагестана только «Комуки»,⁵⁴ под чем подразумевается равнинный Дагестан. Говоря об этом же, французский посол в Золотую Орду Вильгельм Рубрук писал, что народ, живущий вблизи моря или озера Этилии, «именуемый Лесгами (дагестанцы-горцы вообще — Б. А.)... не подчинены [татарам]».⁵⁵

Из этих сообщений мы можем заключить, что даргинские общества подобно другим высокогорным обществам Дагестана, что впервые было отмечено Л. И. Лавровым,⁵⁶ не были подчинены татаро-монголам. В составе Золотой Орды из территории Дагестана вошла только узкая прибрежная равнина с городом Дербентом и его районами.

Нашествие татаро-монголов для народов Дагестана явилось большим бедствием. Во время периодически совершаемых набегов разрушались и грабились села, покоренные районы облагались непосильным налогом. Власть татар над завоеванными странами К. Маркс называет «кровавой грязью монгольского ига». Оно, пишет Маркс, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства».⁵⁷

Особенно разорительными были нашествия на Дагестан золотоордынского хана Тохтамыша и владыки Средней Азии Тимура, между которыми с конца XIV в. разгорелась борьба за овладение Кавказом и Дагестаном.

⁵¹ Ибн-аль-Асир. Указ. соч., стр. 659; В. А. Кузнецов. Аланы и раннесредневековый Дагестан. МАД, т. II, стр. 269.

⁵² Летопись Ибн-аль-Асира. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, М. 1884, стр. 3.

⁵³ Мухаммед-Рафи. Указ. соч., стр. 25—27; Али Каяев. Материалы по истории лаков. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1642, лл. 273—275. Р. Г. Маршаев. Очерки истории лаков, т. I, Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2943, л. 89.

⁵⁴ Плано Карпини. История монголов. Сб. «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М. 1957, стр. 57.

⁵⁵ Гильом Рубрук. Путешествие в восточные страны. Указ. сборник, стр. 111, 186.

⁵⁶ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции. Сборник музея антропологии и этнографии, т. XVIII, М., 1958, стр. 336.

⁵⁷ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. Цитируется из учебника «История СССР», т. I, Огиз, 1947, стр. 154.

До 1395 г. ареной столкновений между ними, следовательно, насилий, разорений и опустошений был южный и прибрежный Дагестан. После же разгрома Тохтамыша в долине реки Терек, Тимур направил все свои силы на покорение горного Дагестана.

Покорив кумыков и омочив их землю кровью,⁵⁸ Тимур двинулся на аварцев, даргинцев и лакцев. Как сообщает в своей «Книге побед» персидский историк первой половины XV в. Шереф-ад-дин Али Йезди, «придя в Тарки, Тимур отделился от обоза, устроил победносное войско и с целью священного набега двинулся на Ушкудже».⁵⁹ Но главной целью похода Тимура в горы была не борьба за мусульманскую веру. Как известно, почти все завоеватели, пришедшие в Дагестан после VII века, свои захватнические войны прикрывали исламом, который служил им идеологическим оправданием их и знаменем борьбы против неверных. Лозунгом «священной войны» прикрывал свою захватническую политику и Тимур. Чаще всего «для Тимура религия была орудием для достижения политических целей, чем причиной, определявшей его поступки».⁶⁰ И теперь, идя в горный Дагестан, под прикрытием «священного набега», полчища Тимура думали лишь о грабежах и насилии. Ярким подтверждением этих слов является указание Шереф-ад-дин Али Йезди о том, что как только захватчики дошли до Ушкудже, они «поспешили отправиться во все стороны громить и грабить».⁶¹

Окружив указанное селение, Тимур стал ожидать возвращения войск с награбленным добром, отправленных им в окружающие селения.

На помощь осажденному населению Ушкудже пришли «шамхал Казикумухский и Аухарский с 3000 человек»,⁶² которые по обычаю раньше «каждый год и месяц сражались с неверными» и теперь, «изменив свой обычай... поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому».⁶³ Войска шамхала потерпели поражение, сам он был убит. После раскаяния, Тимур отпустил их и вернулся в лагерь. Войска к его приходу «уже взяли Ушкудже, всех тех неверующих убили,... из убитых сделали холмы и опустошили всю их область».⁶⁴

По вопросу о локализации селения Ушкудже среди советских историков имеются разные мнения. Наибольшее число из них придерживается мнения, что под этим названием

---

⁵⁸ Низам-ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 119.

⁵⁹ Шереф-ад-дин Йезди. Книга побед; В. Г. Тизенгаузен. Указ. сб., стр. 185.

⁶⁰ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Записки Российской Академии наук, серия VIII, т. XIII, № 5. Пгр., 1918, стр. 21.

⁶¹ Шереф-ад-дин Йезди. Указ. соч., стр. 185.

⁶² Там же.

⁶³ Низам-ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 124.

⁶⁴ Шереф-ад-дин Йезди. Указ., соч., стр. 186.

имеется в виду современное селение Акуша.⁶⁵ Согласен с таким утверждением и авторский коллектив «Очерков истории Дагестана».⁶⁶

Иные же исследователи под селением Ушкудже подразумевают населенный пункт, расположенный в Табасаране.⁶⁷

Однако, если даже тождество Ушкудже с Акушой и возможно, то, с участием маршрута похода Тимура по Дагестану, идентифицировать Ушкудже с каким-либо населенным пунктом Южного Дагестана никак нельзя. Чтобы подтвердить это мнение проследим маршрут Тимура. В «Книге побед» Шереф-ад-дин Йезди пишет, что поход в местность Ушкудже Тимур начал от селения Тарки, где он оставил свой обоз. Разрушив Ушкудже и разграбив ее область, Тимур двинулся на другие населенные пункты, названия которых позволяют отождествлять их с селениями, расположенными на территории современного Левашинского и Сергокалинского сельских районов, о чем будет сказано ниже при описании дальнейших событий. После разгрома этих территорий, Тимур вернулся в Тарки, где оставался обоз, и отсюда двинулся в Кайтаг и Кубачи. Поэтому, если даже предположить что Ушкудже — это одно из селений Южного Дагестана, то Тимур отсюда в первую очередь должен был бы пойти в Кайтаг и Кубачи, которые расположены недалеко от лезгинов и табасаранцев, а не в последнюю очередь. Кроме того, если бы Тимур из Тарков пошел в южный Дагестан, то он должен был бы пойти или через Дербент, или через Кайтаг. Между тем источники показывают, что Кайтаг и Дербент Тимур посетил лишь уходя из Дагестана. Да еще вряд ли можно представить, что Тимур, оставив обоз в Тарках, пошел в южный Дагестан, потом снова возвратился в Тарки, и лишь после этого отправился в Кайтаг и Кубачи, затем в Дербент, откуда ушел в Азербайджан.

Все это опровергается и поводом похода Тимура. Как известно, южный Дагестан одним из самых первых из районов Дагестана принял ислам. Поэтому, если бы Тимур предпринял поход в южный Дагестан, то для него лозунг за мусульманскую веру не мог быть поводом для этого.

Нам думается, что под Ушкудже необходимо подразумевать современное селение Усиша, которое по преданиям раньше называлось Ускиша. Это подтверждается не только созвучием названий Ушкудже, Ускиша, Усиша, сходство которых явно наблюдается без всяких искажений. Об этом сви-

⁶⁵ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов 1937 г., М.-Л. 1941, стр. 99; М. М. Ихилов. Дагестан в период монгольского господства (XIII—XV вв.) Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1962, л. 24.

⁶⁶ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 71.

⁶⁷ Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 27.

детельствует и повод предпринятого Тимуром похода в эту «область». Как уже указали выше, поход был совершен под флагом борьбы за мусульманскую веру. Согласно сохранившимся преданиям самыми последними среди даргинцев ислам приняли усишинцы, мекегинцы и мугинцы. К периоду нашествия полчищ Тимура и даже в XV в., что вытекает из сведений Барбаро, они исповедовали в основном христианство (григорианского, армянского и католического исповедания).⁶⁸ Поэтому-то Тимур и предпринял свой грабительский поход, используя в качестве оправдания приверженство местного населения к немусульманской вере.

После описанных выше событий в «области» Ушкудже, полчища Тимура продолжали грабежи во имя «священной веры». Взяв крепость Нергес, Тимур разгромил, а затем сравнял ее с землей и уничтожил до последнего всех жителей. Та же участь постигла и укрепления Мика, Балу и Деркелу.

В народе до сих пор сохранились предания о пребывании войск Тимура в ряде населенных пунктов Дагестана, где ныне живут даргинцы. В частности, в селениях Мекеги, Урахи и Мулебки рассказывают, что Тимур, захватив селение Герга, стал его правителем-беком. Отсюда он пришел в селение Мекеги. По всей вероятности, это отголоски пребывания Тимура в «крепости Нергес» (селении Герга) и в «укреплении Мика» (селение МикІхІи, которое действительно раньше являлось сильно укрепленной крепостью, с высокими толстыми стенами, с башнями и тремя воротами).⁶⁹

Покорив Средний и Нагорный Дагестан, Тимур вернулся в Тарки. Отсюда он двинулся в Зирехгеран (Кубачи), а затем в Кайтаг, народ которого, по свидетельству историков, запросил пощаду и поэтому был помилован. Из Кайтага Тимур пошел в Дербент, где приказал укрепить крепость, и ушел из пределов Дагестана.

Хотя Тимур не долго пробыл в Дагестане, но это время для горцев являлось самым тяжелым, обусловленным исключительными зверствами и разрушениями со стороны его полчищ, политика которого, как отмечал Карл Маркс, «заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас».⁷⁰

Как и для всего Дагестана, нашествие полчищ Тимура тяжело отразилось на положении территории, занятой даргинца-

⁶⁸ Путешествие Барбаро в Тану. БИПР, отд. I, т. I, В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 93; А. Р. Шиханов. Распространение ислама в Дагестане (VII—XV вв.). Канд. дис., Махачкала, 1959, лл. 50—51; Полевой материал, 1962 г., сообщение Магомедова М., 1882 г., сел. Инзи-Махи и Багандова Я., 1884 г., сел. Мекеги, Левагинского сельского района.

⁶⁹ Полевой материал 1962 г.

⁷⁰ Архив Маркса — Энгельса, т. VI, стр. 185.

ми. В результате произведенных Тимуром разрушений, грабежей и убийств страна пришла в упадок, экономическое и культурное развитие было нарушено и задержано на многие десятилетия. Особенно сильно пострадало селение Ушкудже и его «область», которые были подвергнуты разгрому и опустошению. Результатом действий полчищ Тимура явилось падение политической роли Ушкудже. Вполне возможно, что именно после этого разгрома Ушкудже стало возвышаться Акушинское общество, которое во главе с мусульманским кадием стало возглавлять союз верхнедаргинских обществ.

Вскоре после смерти Тимура между его наследниками началась борьба, что привело к ослаблению их власти в Дагестане. Создались условия для хозяйственного возрождения страны.

И для даргинских земель избавление от разорительных иноземных нашествий дало возможность приступить к мирной хозяйственной жизни, к поднятию земледелия, скотоводства и ремесленного производства. Восстанавливались разрушенные села, росло количество работоспособного населения, вспахивались заброшенные земли.

Это хозяйственное возрождение, как и у других народов Дагестана, у даргинцев нашло отражение в процессе образования крупных населенных пунктов, протекавшем в этот период истории особенно быстрыми темпами. Сохранилось много следов бывших населенных пунктов, а также конкретные данные топонимики. Так, селение Усиша образовалось из семи маленьких селений, известных до сих пор под названиями: Зирмукъ-гІяя, Хынала-гІяя, Къубши-хІеркІла-гІяя, МарцІла-къадала-гІяя, Шургъала-хъябла-гІяя, Усала-гІяя, МухІула-гІяя, развалины которых сохранились до наших дней, где находят разные домашние вещи, а камни используются для строительства.

Об объединении этих сел в одно большое селение сохранились различные легенды. Суть их сводится к тому, что некий Каландар (по всей вероятности это «калантар» — старшина, что еще раз свидетельствует, что именно после татаро-монгольских завоеваний происходило это объединение) решил объединить все эти семь селений, среди которых самым сильным и большим было Усала-гІяя, в одно большое селение. Но никак ему это не удавалось. Однажды Каландар, решив узнать положение в Усала-гІяя, пришел сюда в виде нищего странника. Он зашел в дом одной старухи, которая, пожалев его, поставила перед ним еду — жаренную муку. Каландар стал есть прямо с середины. Увидев это, старуха сказала ему: «Зачем ты начинаешь кушать с середины точно как Каландар, который, оставив окружающие Усала-гІяя селения, хочет сначала захватить его». Каландар задумался над словами старухи и понял, что легче сначала захватить более сла-

бые селения, а затем, объединив все силы, захватить и самое сильное селение среди них и таким образом объединить их в одно крупное селение. Предание гласит, что он поступил так.⁷¹

Образование другого крупного селения верхнедаргинцев — Мекеги также связано с объединением семи маленьких селений. Было время, когда это селение носило другое название — «Сегмег», происшедшее от слова «сигъ» — место, где растет камыш. Селение было окружено крепостными стенами с оборонительными башнями.⁷²

Селение Гапшима образовалось в результате объединения трех селений, о чем говорит и само название его, происходящее из слов «хИябал» — три и «ши» — селение.

Образование и других крупных селений верхней Даргинии также предания связывают с объединением нескольких мелких селений в одно большое.

Объединение крупных населенных пунктов имело большое значение. Крупные аулы превращались постепенно в центры экономической и культурной жизни. «Складывался тот центр, вокруг которого ориентировались другие населенные пункты. Объединение нескольких аулов еще более возвышало значение территориальной общины. Образование крупных селений в свою очередь было возможно только на основе больших успехов хозяйственной жизни».⁷³

Во внешнеполитическом отношении XV—XVI вв. для Дагестана характеризуются появлением новой иноземной опасности, связанной с выдвижением на политической арене двух военно-феодалных государств — Ирана и Османской Турции, которые в своем стремлении овладеть Кавказом выступали только как носители бедствий и разорений для местного населения. Как и другие народы Дагестана, даргинцы, начиная с этого периода и вплоть до присоединения их территории к России, были втянуты в орбиту захватнической политики этих государств.

Таким образом, приведенные материалы показывают, что история даргинцев, будучи такой же древней и богатой, была тесно связана с историей других народов Дагестана.

В силу социально-экономической отсталости, объясняемой рядом причин, в том числе и суровыми природными условиями, долгое время даргинские общества находились этнически разобщенными и входили в различные политические образования, которые существовали на территории Дагестана. Вплоть до образования союза верхнедаргинских обществ на

⁷¹ Полевой материал 1962 г.

⁷² Там же.

⁷³ А. Р. Шихсаидов. Очерки истории лезгин. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 3103, л. 116.

территории, населенной даргинцами, мы встречаем лишь два более или менее сильные политические образования — Кайтаг и Зирехгеран. Объединение верхнедаргинцев, вызванное как успехами внутреннего развития даргинских обществ, так и постоянной угрозой внешней опасности, явилось большим шагом на пути этнического объединения даргинцев, сохранения ими самостоятельности и дальнейшего экономического развития их территории.

ЭТНОГРАФИЯ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ЛЕЗГИН XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Свадебные обряды лезгин представляют большой научный интерес, ибо в них мы находим ценнейшие отголоски далекой старины и минувших общественных формаций. Обряды эти до настоящего времени мало изучены и многие, наиболее архаические черты их уже исчезли.

Специальных напечатанных работ на эту тему ни дореволюционных, ни советских — не имеется. В рукописном фонде ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР хранятся лишь краткие сведения Л. Б. Панек о свадебных обрядах рутульцев.¹ Они хотя в целом и заслуживают внимания этнографов, но часть из них, написанная со слов переводчика, истолкована неточно. Там же хранятся и некоторые сведения о свадебных обрядах лезгинской группы народностей — табасаранцев, агулов и рутульцев², собранные М. М. Ихилковым.

Настоящая статья посвящена свадебным обрядам собственно лезгин и на основе сравнения со свадебными обрядами других народов Кавказа указаны их специфические особенности.

Свадебные обряды — это своеобразное народное творчество, в котором отражены хозяйственная, социальная, правовая, религиозно-магическая и другие стороны жизни народа. В них мы находим такие обычаи народа, которые являются пережитками прошлых формаций.

В процессе исторического развития у лезгин сложился эндогамный брак: при бракосочетании было необходимо, чтобы жених и невеста принадлежали к одному тухуму и были равны в экономическом положении. И только с XVIII века, на

---

¹ Л. Б. Панек. Материалы по этнографии рутульцев. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1722.

² М. М. Ихилков. Рутульцы и цахуры (этнографический очерк). Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2433; его же. Табасараны (историко-этнографический очерк). Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1764.

фоне общего процесса разложения тухума, стали наблюдать факты нарушения этой традиции, хотя по-прежнему лезгины старались своих дочерей в другие тухумы не отдавать. Подобные порядки наблюдались у многих народов Дагестана: аварцев, даргинцев, лакцев, рутульцев, табасаранцев и т. д.

М. М. Ковалевский отмечал, что «браки с родственницами признаются более почетными, и обязательство брать жен из собственного рода настолько строго соблюдалось, что, при невозможности найти подходящую для него невесту в собственном роде, жених требует, чтобы избранная им чужеродка подверглась предварительному усыновлению со стороны его рода и затем уже вступает с нею в брак».³ Следует только добавить, что эти явления относятся к более раннему периоду, чем тот, о котором говорит М. М. Ковалевский.

Чем же объяснялось предпочтительность эндогамных браков у лезгин и других народов Дагестана? Прежде всего, большую роль в соблюдении эндогамии играли экономические предпосылки. Выдавая девушку замуж, родители нередко в качестве приданного выделяли ей земельный участок или скот, и тухуму выгоднее было оставить их в составе своих земель и стад.

Кроме того, в соблюдении эндогамии немалую роль сыграли причины социального порядка: родовые междоусобицы, кровная месть и т. п. Когда кровные столкновения между тухумами были обычным явлением, жены, взятые из чужого тухума, могли действовать скорее в интересах своего тухума, нежели тухума мужа. В соблюдении эндогамии была заинтересована феодальная верхушка, ибо при таком браке в какой-то степени сохранялся постоянный состав общин и число бесплатных работников, которых эксплуатировали состоятельные сородичи.

Этот брачный порядок является пережитком патриархально-родовых отношений. В развитом патриархальном обществе женщина (как ее рабочая сила, так и ее способность деторождения) рассматривалась как собственность родовой общины. В числе других пережитков общинной собственности, сохранявшихся в результате неполного разложения общинно-родовых отношений, были и пережитки родовой собственности на девушек, принадлежавших не только своему отцу, но и ближайшим родственникам. Поэтому без их согласия родители невесты не могли выдать ее замуж. Это право сородича на невесту обеспечивало льготные условия ее покупки, т. е. небольшие размеры калыма. Поэтому эта форма брака у лезгин имела широкое распространение.

---

³ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, М., 1890, стр. 171.

Таким образом, предпочтительность эндогамных браков имела свои экономические и социальные предпосылки, сложившиеся в конкретных исторических условиях. Следует также отметить, что соблюдение принципа эндогамии несомненно послужило одной из причин экономической и политической изоляции, обособленности и разноязычия дагестанских,⁴ в том числе и лезгинских, этнических групп.

§ 1. Обручение

В XIX веке лезгинская женщина подвергалась гнету как мусульманской религии, так и местных адатов.

Мусульманские законы считали, что брак — это покупка жены мужчиной. При этом женщина лишь формально выражала свое согласие на брак, она была почти безгласна, ибо всё в обручении со стороны невесты совершал поручитель. Очень часто девушку выдавали замуж помимо ее согласия. Право на это имел отец, дед девушки, вообще все старшие родственники по отцовской линии.

Браки у лезгин, по сравнению с другими народами Дагестана, допускались в очень раннем возрасте. Брачным возрастом девочек считалось 14—15 лет, юношей — 16—18 лет, в то время как скажем у аварцев брачным возрастом девушек было 16—18 лет, а юношей 18—20 лет.

У лезгин совершались браки также между старыми мужчинами и молодыми девушками или между пожилой женщиной и юношей. Большей частью это случалось, если умирал старший брат. Его жену оставляли для младшего брата. Такой обычай, бытовавший почти у всех народов Дагестана, с одной стороны, носил отпечаток минувших общественных отношений, являясь пережитком группового брака, с другой — имел и экономическую подоплеку. В то время семья не желала лишаться ни имущества вдовы, ни ее самой, как рабочей силы. При этом, разумеется, имели в виду и судьбы детей, которые, по адату, после ухода матери должны были оставаться у родственников отца.

В лезгинской семье, как и во многих других горских семьях Дагестана появление на свет девочки встречали недоброжелательно, ибо считалось, что девочка — «чужой товар», а «мальчик — продолжатель рода, он зажигает отцовский чираг». И поэтому смерть младенца-девочки в бедных слоях населения причиняла родителям меньшее горе, чем смерть мальчика. И колыбель младенца-мальчика окружалась большим вниманием со стороны матери и родственниц —

---

⁴ Л. И. Лавров. Причины многоязычия в Дагестане, СЭ, 1951, № 2.

женщин, чем колыбель девочки. Колыбель мальчика увешивали разными предметами, якобы имевшими заклинательную силу, т. е. охранявшими его от «злых духов», от «дурного глаза» и т. п. О тяжелой участи дочери, о ее горе мать пела еще в колыбельных песнях.

В 5—7 лет девочка помогала своей матери по хозяйству. С 10—11 лет за девочкой родители или родственники устанавливали придирчивый надзор. Ее часто запирали дома, не разрешая выходить на улицу. В 13—14 лет девочка-лезгинка считалась уже невестой. Нередко к 15—16 годам она уже становилась матерью. При встрече с мужчиной девушка должна была останавливаться, отворачиваться и ждать, пока он пройдет. При таких условиях ни о какой девичьей любви не могло быть и речи. Считалось, что полюбившая девушка — безнравственна.

У лезгин раньше было принято обручать детей в раннем возрасте, в колыбели, а иногда даже и не родившихся. Такой обычай существовал у многих кавказских народов: азербайджанцев, армян, абхазцев, грузин, сванов, аварцев, лаков и др.⁵ Сохранение обычая раннего сватовства в XIX веке можно объяснить рядом причин: прежде всего стремлением закрепить родственные связи внутри тухума, которые стали менее устойчивыми с выдачей замуж дочерей в другие тухумы.

Кроме того, наличие раннего сватовства объясняется желанием установить или закрепить дружбу между двумя семьями, ибо куначество у лезгин имело широкое распространение. Н. Дубровин отмечал, что «В Самурском округе... два отца, находящиеся в неразрывной дружбе и имеющие один — сына, а другой — дочь, соглашаются между собой, для большего укрепления дружбы, сочетать своих детей законным браком, хотя им не более семи лет от роду».⁶ Немалую роль в соблюдении раннего сватовства играли также некоторые религиозные верования мусульман. У лезгин женщины, которые не имели детей, отправлялись в «святые места» (чаще всего подобным местом служила гора «Шалбуздаг», на которой расположены, по их мнению, священные могилы шейха Сулеймана «Пир Шейх Сулейман» и шейха Шалбуза «Пир Шейх Шалбуз»), где они давали обет сочетать своих детей браком, если у одной родится сын, а у другой дочь. Такой брак считался предначертанным самим

---

⁵ Вахтанг. Обзорение истории грузинского народа, СПб, 1814, стр. 21; Эристов. «Этнографическое обозрение», т. II, № 45, 55, 1897, стр. 19; Г. Чурсин. Авары (этнографический очерк). Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1570, л. 46; Бутаев. Свадьба лаков. «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2, стр. 48—49.

⁶ Н. Дубровин. Очерк Кавказа и народов его заселяющих. Т. 1, кн. 1, СПб, 1871, стр. 561.

богом и отречься от него было равносильно совершению большого греха. Это поверье существовало у многих кавказских народов: у азербайджанцев, армян, курдов и др.

В соблюдении раннего сватовства значительную роль сыграла и экономическая причина: после обручения девочки попечение о ней частично переходило на родителей юноши — они регулярно делали подарки будущей невесте. В свою очередь родители юноши в лице родственников девочки получали дополнительные рабочие руки в период сезонных работ.

Следует указать, что нельзя объяснить существование раннего сватовства отдельно взятыми причинами, они глубоко коренились во всем общественном строе горцев, в морально-религиозных взглядах и экономических факторах.

Как известно, мусульманская религия не запрещала многоженства. По шариату мужчина имел право одновременно иметь не более четырех жен, но менять их он мог сколько угодно. Многоженство у основной массы дагестанцев составляло исключение, поскольку материальная необеспеченность не позволяла иметь больше одной жены. Энгельс писал: «В действительности многоженство одного мужчины было, очевидно, продуктом рабства и было доступно только отдельным лицам, занимавшим исключительное положение».⁷

Однако следует подчеркнуть, что двоеженство у лезгин имело более широкое распространение, чем у других народов Дагестана. В XIX веке в лезгинских селениях: Мака, Кара-Кюре, Филя, Гапцах, Гоган, Юхари-Тахирджал, Дустаир и других мужчины, не имевшие двух жен, были единичны. У лезгин, как это было принято в народе, мужчина при малейшей возможности обязательно брал вторую жену. Многие материально не обеспеченные мужчины по нескольку лет батрачили, попадали в кабалу, но женились второй раз. Потом с женами работали на других и отдавали долги. Поэтому соседние азербайджанцы предпочитали не выдавать своих дочерей за лезгин, считая, что они плохие мужья, ибо заставляют своих жен работать.

Подобное явление мы наблюдаем и у чеченцев, о которых писал Н. Дубровин: «В Чечне в некоторых поколениях чеченского народа можно встречать таких лиц, которые имеют по две, а иногда по три жены. Число жен не зависит от состоятельности мужчины и нередко люди бедные имеют по нескольку жен, в результате весьма почетная цифра детей, число которых иногда доходит до семнадцати человек одних живых, не считая уже умерших».⁸

---

⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1952, стр. 61.

⁸ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 560.

Склонность лезгин, как и чеченцев к двоеженству, видимо, также объясняется желанием иметь много детей и заинтересованностью в приобретении бесплатных рабочих рук.

Похищение девушек, которое представляло собой одну из древнейших форм заключения брака, было распространено среди многих народов Кавказа (армян, азербайджанцев, грузин, черкесов и др.), в том числе и среди лезгин. У лезгин часто похищали девушек потому, что не могли заплатить калым. В таких случаях похищение совершалось по воле девушки и через некоторое время родственники ее примирялись с этим. А когда похищение было против воли девушки, то они долго преследовали парня и нередко убивали его.

Обручение у лезгин происходило следующим образом. Родственники юноши, желающего вступить в брак, прежде всего наводили справки о девушке и ее семействе, из которого предполагали взять невесту. У лезгин имеется любопытная пословица — «кӱнши хъсан хъайитӀа гачал рушни гъуьлуьз фида», т. е. «если сосед будет хорошим, то и прокаженную девушку можно выдать замуж». Эта пословица свидетельствует о том, как много значили для ее репутации даваемые о ней сведения. Таким образом, если девушка удовлетворяла всем требованиям родственников жениха, то ее начинали сватать. Для этого выбирали мужчину из близких родственников жениха (родной брат, или посторонний мог бы в качестве свата, когда нет родственников) и, снабдив его необходимыми инструкциями, отправляли к родным выбранной девушки. Доверенный, прибывший к последним, смотря по обстоятельствам, или объявлял о своем намерении прямо, или давал знать об этом намеками. Если родители девушки согласны были принять предложение, то собирались все близкие родственники девушки и сообща решали принять предложение жениха или отказать ему. Если жених, в свою очередь, удовлетворял всем требованиям родственников невесты, они соглашались принять предложение. После этого, через несколько дней, родственники жениха (старший брат, дядя или кто-нибудь из близких родственников) отправлялись к родителям невесты, чтобы договориться о сумме калыма и других условиях выдачи девушки.

Лезгины, в отличие от многих других горских народов (аварцев, лакцев и др.), не знавших калыма, обязательно брали «рушан рехъ» — «плату за девушку». Это частично объясняется влиянием со стороны соседей азербайджанцев, у которых существовал большой калым и с которыми лезгины издревле были связаны узами культурно-экономических отношений. Сумма калыма зависела от состоятельности всту-

павших в брак. По сведениям наших информаторов,⁹ сумма калыма колебалась в конце XIX в. от 150 до 500 рублей. В устном народном творчестве также упоминается о сумме калыма у лезгин. Когда сваты приходили в дом невесты, девушки пели песни в форме вопросов и ответов:

- Саламалейк, кьутанар, кьутанар!
- Алейксалам, кьутанар, кьутанар!
- Чун атана, кьутанар, кьутанар.
- Квез вуч кIанда, кьутанар, кьутанар?
- Чаз кыл кIанда, кьутанар, кьутанар.
- Башум-уьсте, кьутанар, кьутанар!
- Кымет вуч я, кьутанар, кьутанар?
- Вад виш манат кьутанар, кьутанар.
- Чун мус кьведа, кьутанар, кьутанар?
- Исней-хемис, кьутанар, кьутанар

и т. д.¹⁰

- Салам-Алейк, кутаны, кутаны!¹¹
- Алейк-салам кутаны, кутаны!
- Мы пришли к вам кутаны, кутаны
- Что вам надо кутаны, кутаны?
- Нам голову (молодую) надо кутаны, кутаны.
- Пожалуйста (мы согласны) кутаны, кутаны
- Сколько стоит кутаны, кутаны?
- Пятьсот рублей кутаны кутаны
- Когда нам придти (мы согласны) кутаны, кутаны?
- От понедельника до четверга, кутаны, кутаны.

Нередко калым платили зерном, баранами, коровами. Часто, когда родители невесты запрашивали больше полагаемой суммы происходила настоящая торговля. Окончательно договорившись о размерах калыма, уполномоченные давали задаток серебром или золотом в размере 5—7 рублей.

Купля невесты путем калыма у части дагестанских народов была обычным явлением, например, у кумыков, лезгин, горских евреев и др. Сумма калыма у горских евреев составляла от 300 до 600 рублей, у кумыков — от 500 до 1200 рублей.

Кроме калыма у лезгин существовал также и «кебин гьакь», выплачивавшийся в качестве обеспечения жены на

---

⁹ Багиров Рашид (90 лет, с. Микрах); Алискеров Ма-мирзе (87 лет, с. Мискинджа); Азизов Мирзамагомед (60 лет, с. Зрых), Ибрагимов Михаил (96 лет, с. Мака) и др.

¹⁰ А. Гаджиев. Сборник лезгинского фольклора, Даггосиздат, Махачкала, 1941, стр. 23.

¹¹ Кутаны — «кьутанар» или «кьавумар» в переводе с лезгинского языка означает сваты, или точнее родители и вообще все родичи (сторонники жениха и невесты).

случай развода. В брачном договоре указывалась его сумма, составлявшая обычно 3—5 рублей.

Кебин существовал у всех народов Дагестана. Размер его у разных народов был различным, но нигде не бывал значительным и поэтому не мог служить для женщины обеспечением на случай развода, ибо мусульманская религия не заботилась об интересах женщин.

А. В. Комаров отмечал, что «Величина кебин-хакка зависит от условия, причем принимается в соображение состояние, связи, лета и прочее жениха и невесты и их родителей. Вообще же наблюдается, что невеста получила кебинхакк не менее того, который получала ее мать при выходе в замужество за ее отца».¹²

У лезгин, кроме упомянутой суммы калыма, родители жениха делали родственникам невесты подношения в виде различных предметов одежды и продуктов. В эволюции брачных отношений эти подношения предшествовали денежному взносу: когда еще не было развитых денежных отношений родственникам невесты давали предметы, которые являлись меновыми ценностями. Отголоски этого обычая сохранились затем в свадебном обряде, наряду с деньгами невесте дарились вещи.

Обряд обручения по своей форме носил характер открытой торговли. Поэтому можно рассматривать его как один из актов брака посредством выкупа, бытовавшем в прошлом почти у всех народов Кавказа.

Окончательно договорившись об условиях калыма и кебина назначали день обручения невесты. В назначенный день собирались все родственники жениха и с подношениями отправлялись к невесте. Ей делали дорогие подарки и надевали серебряное или золотое кольцо. С этого дня она считалась невестой.

Период между обручением и свадьбой у лезгин продолжался от 1 года до 3—5 лет, а иногда, как было сказано выше, обручали с самого раннего детства. Раньше такой большой срок считался необходимым по следующим причинам: во-первых, юноши, которые не имели достаточных средств для женитьбы (для уплаты калыма и покупки одежды невесте) зарабатывали деньги, нанимаясь в батраки к местным кулакам или уходя на заработки в Баку, Кубу, Нуху и другие города. У известного лезгинского поэта XIX в. Етима Эмина имеется оригинальное стихотворение под названием — «Къавумдиз» («Сторонникам жениха»), в котором предлагается, чтобы жених не скупился и купил невесте до-

---

¹² А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. Материалы для статистики Дагестанской области, ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 52.

рогие свадебные подарки: одежду из нарядного шелка, подходящие к ней зеленые кожаные башмаки и сапожки — «мягъсерар» из тевризской кожи, шелковый платок (персидский) — «дуюгуьр» — темнокрасного цвета и дорогие украшения — пояс (женский), кольца, наперсток и другое. Говорится также, чтобы не забыли «келегъа» (гянжинского шелкового платка), архалука из нарядной шелковой материи — «дере» и прочего.¹³

А невеста в это время готовила приданое: ткала ковер и палас, приобретала что-нибудь из домашней утвари, готовила небольшие подарки жениху и его родственникам. Кроме того, мать девушки должна была доучить ее работам по домашнему хозяйству, в котором она еще не успела приобрести навыки. Если девушку выдавали замуж без знания трудовых обязанностей в чужом доме, в этом обвиняли ее мать. У хорошей матери должна была быть хорошая дочь. Поэтому лезгины говорили: «Берите дочь, глядя на мать».

В прошлом девушка принималась в дом жениха как трудовая единица, поэтому она должна была обладать достаточно крепким здоровьем и силой, с тем чтобы справляться с тяжелыми трудовыми обязанностями и рожать крепких детей.

После обручения родные жениха и невесты находились в хороших отношениях, во всем советовались, выручали друг друга в полевых работах и т. д. Однако жених и невеста никогда не говорили друг с другом и избегали возможных встреч. У лакцев, наоборот, жених и невеста часто встречались. Если невеста была из своего селения, то она уходила в дом дяди по линии матери и там пряталась. Жених должен был ее разыскать, ему мешали, в конце концов он ее находил и тогда их оставляли одних. В тех случаях, когда жених бывал из другого селения, невеста, прибыв в это селение, помещалась в старину у дяди жениха, позже у кого-либо из его родственников или у своей подруги. Здесь невесту также прятали, жених с большим трудом находил ее и затем их оставляли одних.

Родители жениха, у лезгин, во время праздников или по случаю приезда кого-нибудь из родственников, посещали невесту с подарками. Такая процедура продолжалась до тех пор, пока не приближались сроки свадьбы. Последний и основной визит к невесте устраивали за месяц до свадьбы. На этот раз в торжественной обстановке отвозились к ней свадебные наряды: несколько отрезков на платья, на «валчагъ» (вид архалука, сшитого в талию, длиной почти до пяток,

---

¹³ Е. Эмин. Избранные стихи (на лезгинском языке), Махачкала, 1954, стр. 31.

с длинными узкими рукавами, спускающимися почти до кистей рук), шаровары, «чуткью» (женский головной убор, имеющий вид узкого, открытого сверху и снизу мешка, надеваемого под платок), несколько различных платков, обувь и прочее.

После этого невеста должна была сшить себе все наряды и закончить последние приготовления к свадьбе, а жених обязан был уплатить обещанную сумму калыма.

Таким образом, весь цикл обручения лезгинской девушки в прошлом свидетельствует о ее былом бесправном, тяжелом и унижительном положении. А обычаи, связанные с обручением, являются пережитками пройденных ступеней социального развития общества и обломками институтов первобытного права.

§ 2. Свадьба

Сезоном свадеб у лезгин считалась осень, но иногда они устраивались и ранней весной. Выбор времени для свадьбы объяснялся экономическими причинами. Осенью потому, что собранный хлеб, заработанные на стороне деньги давали возможность справлять свадьбу. А весной (в основном богатые люди) потому, что к лету семья получала рабочую силу, что для нее составляло большую выгоду. По этим же причинам родители невесты охотнее соглашались отдавать ее осенью, а не весной. И в тех случаях, когда им приходилось выдавать ее весной, они непременно требовали больший размер калыма.

Раньше свадьба продолжалась у лезгин 3—4 дня, а у более состоятельных лиц — неделю и больше. Перед началом свадьбы родители жениха собирали всех родственников и совещались по поводу распределения обязанностей на время ее проведения. Назначали лиц, которые должны созывать гостей из своего и других аулов, готовить угощение, быть тамадой и т. д. Большое значение имел выбор свадебных поваров. От них требовалось не только вкусное приготовление пищи, но и умение угодить всем гостям. Назначение тамады имело не менее важное значение; от него зависело — будет ли на свадьбе порядок и веселье. На эту роль предпочитали подыскивать человека веселого, остроумного, гостеприимного, умеющего поддерживать порядок, хорошо знающего местные обычаи, нравы жителей селения и даже вкусы отдельных лиц.

Лезгинская традиция совещаться перед свадьбой со всеми родственниками является очень древней. Она сохранила следы того времени, когда заключение брака являлось делом

всей родовой общины, а не отдельной семьи. Впоследствии, с постепенным разложением родовой организации, вопрос о женитьбе юноши или выдаче замуж девушки перешел в ведение отдельной семьи, а прежние порядки приобрели форму народных обычаев и сохранились до наших дней.

В первый день свадьбы в дом жениха съезжались все гости и приходили музыканты. Когда они приближались к дому, совершался обряд их встречи. Какая-нибудь близкая родственница жениха выносила поднос, на котором лежали три чурека, три платочка, три пары носок и разные лакомства, предназначенные для трио музыкантов. Сначала она с этим подносом танцевала, потом ставила его около музыкантов. Этот момент считался началом свадебного пира.

На второй день приглашенные приносили подарки жениху и невесте. Близкие родственники и хорошие знакомые жениха дарили ему отрезы, шелковые платки для невесты. Кроме того, почти все жители села относили в дом жениха 3—5 кг муки или зерна. Этот обычай, по рассказам сторожилов, существовал у лезгин с давних времен. Прежде несостоятельные юноши не имели возможности в течение 3-х дней прокормить всех приглашенных. Поэтому жители села оказывали подобного рода материальную поддержку. Впоследствии это стало обычаем, сохранившимся по сей день. Однако следует отметить, что хотя этот обычай в какой-то степени и сейчас играет положительную роль по части помощи бракосочетавшимся, но иногда преподношение дорогих подарков оказывается столь обременительным, что не все приглашенные идут на свадьбу с охотой. Невесте дарили предметы домашнего обихода: чувалы (мешки, которые ткали на ковровом станке), хурджины, сумки, накидки на седла, а также шерстяные узорчатые носки, платочки и т. д. С этими подарками приносили 3—6 чуреков, тарелку национальной халвы и фрукты.

Третий день свадьбы считался кульминационным, поскольку в этот день невесту перевозили в дом жениха.

Во время свадьбы жених и невеста не имели права встречаться друг с другом, кроме момента заключения брачного договора. Невеста пряталась в отдельной комнате со своими близкими подругами. В старину невеста за день до перехода в дом жениха уходила к своему дяде по линии матери (халу), либо к подруге. Жених ни в коем случае не мог в это время посетить невесту, не должен был даже близко подходить к тому дому, в котором она находилась. Затем невеста возвращалась в свой родной дом и уже оттуда переходила к жениху.

По обычаю жених в свадебные дни назывался «беком» и скрывался со своими «наибамы» (шаферами), которых было двое. Один из этих шаферов должен был обязательно

быть близким родственником, второй — другом. Шафера в эти дни сопровождали жениха как его телохранители. Ночью они не спали, и днем ни на минуту не покидали жениха, чтобы никто не украл «бека». Иногда случалось, что шафера ночью засыпали, тогда «воры» ловко проникали в дом, где находился «бек», и забирали его, если даже он не спал. Жених не имел права будить шаферов, он должен был подчиниться воруящим его. Проснувшись, шафера должны были платить штраф. Если же во время кражи «бек» будил своих шаферов, то выкуп обязан был платить он сам.

Обычай прятания жениха или невесты, по толкованию Е. Г. Кагорова, является первобытным страхом перед «критическими» моментами в жизни человека, когда недоброжелательные духи особенно опасны и только бегство, прятание, перемена внешнего облика да могущественные филактерии могут спасти человека от гибели.¹⁴

Как нам кажется, помимо пережитка первобытного страха перед «критическими» моментами, этот обычай таит в себе отголоски первобытного умыкания ибо у многих кавказских народов прячут не жениха, а невесту. Правда, у лезгин, как и у абхазцев,¹⁵ прячут не невесту, а жениха. Последнего стали прятать, видимо лишь по традиции позднее.

На второй день свадьбы, утром, заключался кебин-«някях». В дом невесты приходили жених, мулла, кадий, 2 свидетеля и два-три человека из друзей жениха; со стороны невесты могли присутствовать отец и дядя. Перед заключением брачного договора свидетели спрашивали одновременно жениха и невесту о согласии вступить в брак, вопрос этот носил формальный характер и невеста никогда не отвечала на него, о ее согласии говорили отец или дядя. Мулла утверждал совершение брачного обряда и читал молитву, хотя в ней ни словом не упоминалось о браке.

У лезгин, как и многих других кавказских народов, считалось, что злобные духи мрака, чародеи и злые люди спешат воспользоваться моментом заключения кебина, чтобы причинить зло, нанести вред новобрачным. Поэтому родственники и друзья жениха принимали необходимые меры, чтобы «защитить» его от чар волшебства. У лезгин недоброжелатели завязывали семь узлов на нитке или вынимали кинжал из ножен и вкладывали его другой стороной (и при этом читали заклинательные молитвы). После этих процедур жених, по народным воззрениям, оказывался лишенным половой способности. Чтобы оградить его от такой беды, у дома, где совершался

¹⁴ Е. Г. Кагоров. Состав и происхождение свадебной обрядности. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VIII, 1929, стр. 169.

¹⁵ Там же.

кебин, ставили надежных людей, запирали все двери, чтобы никто из посторонних не услышал, когда будет произноситься основной текст заключения брачного договора, и чтобы не проник «злой дух». Подобный магический прием существовал у аварцев.¹⁶ дидоев,¹⁷ лаков,¹⁸ по мнению которых недоброжелатель мог завязать во время совершения кебина узлы или замкнуть замок и вынуть из него ключ, а у кумыков, горских евреев, чеченов, абхазов и других жениха будто бы «лишали половой способности», разрезая и сплавляя пули. Применение в свадебных обрядах, якобы наделенных волшебной силой. различных железных предметов объясняется религиозным почитанием железа, культом железа, которое существовало в прежнее время почти у всех народов Кавказа.

После заключения кебина совершался обряд — «ччам ацу кьарун» (в точном переводе «посадить жениха»). Жених с «наибам» уходил к своему дяде по линии матери и садился в одной из комнат его дома, в углу, перед ним расстилали скатерть, на которую приходившие по очереди родственники и друзья клали деньги, кто сколько мог.

В Курахском районе этот обряд совершали иначе. В день, когда невесту перевозили в дом жениха, часам к 12, жених со своими шаферами («пкаулар») направлялся к дяде по отцу и там в одной из комнат его сажали на «зирба» (деревянный сосуд цилиндрической формы),¹⁹ а впереди ставили большой поднос. Первым к жениху подходил мулла и накидывал на него новый «чухва» (черкеску), талию завязывал кушаком (чтобы он в будущем совершил паломничество в Мекку и стал хаджем), затем по очереди подходили к нему все приглашенные на свадьбу, поздравляли его, беря за руку, и клали на поднос деньги, кто сколько мог. Кроме шаферов рядом с женихом сидел еще один человек со скатертью («суфрачи»), на которую клали чурек, сладкие булки — «шур-реяр», национальную халву, вареных кур, яйца, мясо и т. п.

Когда поздравительная процедура заканчивалась, жених со своими шаферами уходил на веселье, а «суфрачи» — человек со скатертью (куда он заворачивал и деньги) отправлялся в комнату для новобрачных и прятал эту скатерть в сундук. Оттуда она извлекалась женихом в первую брачную ночь, деньги он оставлял себе, а скатерть с лакомствами отдавал

---

¹⁶ Г. Чурсин. «Авары» (этнографический очерк). Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1570, л. 53.

¹⁷ К. Г. Данилина. Этнографическое исследование дидоев. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1563, л. 49.

¹⁸ Д. Бутаев. Свадьба лаков. «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2, стр. 72.

¹⁹ «Зирба» — лезгинская мера для взвешивания зерна, равная 14 кг.

«суфрачи», который в это время ожидал у двери вместе с шаферами. И пока жених не извещал о честности своей невесты, они наслаждались угощениями, завернутыми в скатерть. Этот оригинальный обряд, существовавший у лезгин, не встречался ни у одного кавказского народа. В настоящее время он сохранился лишь у кубинских лезгин, в частности, в селениях Юхари-Тахирдиса, Судур, Дустаир Кусарского района Аз. ССР.

На третий день свадьбы, к вечеру, свадебная процессия двигалась в путь за невестой. Перед этим один из шаферов жениха скакал на коне, с винтовкой и надетым на нее куском мяса, чем извещалось, что за невестой движется процессия, и спрашивалось: готова ли она к выходу из родительского дома. Из дома невесты, навстречу этому шаферу-гонцу, выходила ее халудовас» (жена дяди), снимала с винтовки кусок мяса и привязывала к ней узорчатые шерстяные носки и мужские портянки местного изготовления, что в свою очередь означало готовность невесты к выходу. После чего свадебная процессия направлялась к ее дому. Во время движения начиналась джигитовка со стрельбой, которая практиковалась у многих народов Кавказа. С одной стороны, этот обычай носит отпечаток того времени, когда приобретение жены являлось чем-то вроде разбойничьего набега или военного предприятия, с другой — является одним из предупредительных средств, сохраняющих жениха от «порчи» и «злого начала». Разумеется, с течением времени этот обычай потерял свое прежнее значение, и юноши стали просто демонстрировать перед девушками свою смелость и ловкость.

Когда свита жениха подходила к дому невесты, комнату, в которой она находилась, закрывали на замок и не пускали родственников жениха до тех пор, пока они не платили выкуп. Этот обряд является отголоском минувших дней, когда шла борьба против смены одной формы семьи другою, против новой системы брачных отношений.

В свадебном ритуале лезгин бытовали обряды, свидетельствующие о существовании у них в прошлом культа очага. Считалось, что, выходя замуж, девушка покидала родную семью, порывала связь с культом родительского очага и переходила под защиту других духов-покровителей дома мужа. Этот переход женщины из одной семьи в другую, от одних домашних божеств к другим, выражался в прощании невесты с очагом родительского дома и поклонении домашнему очагу мужа.

У кубинских лезгин селений Дустаир, Судур Кусарского района перед тем как перейти в дом мужа, невеста сначала целовала родительский очаг, а потом приходили все ее близкие родственники и давали «рухсат» — разрешение покинуть

родительский дом. При этом они произносили самые трогательные речи, говорили, что они и впредь будут ей покровительствовать и никогда никому не позволят обижать ее в новом доме и что они всегда готовы ее защищать и отомстить за нее.

В это время, во дворе, девушки, подруги невесты, пели прощальные песни:

Я руш вун тухузава
Ли-ла-ли-ла ли,
Вахъ юлдашар кузава
Лай-ла-ли-ла-ли ²⁰.
Гарай руш тухузава
На чи рикI атIузава
Чархи кIамун явшанар
Руш тухудай душманар
Сандухдал-лай-аваси
Хквед (а) рушан яиси,
Гада хуьквер гьал жада
Гуьжре хьтин кIвал жада
Къавал чими рагъ ала
Рушен вилел натъв ала
Шемир, шемир ччан таза жейран ханум!
Виридан кылел къвер къаза я, ччан ханум ²¹

Эй, девушка, тебя везут
Ли-ла-ли-ла-ли,
По тебе подруги горюют.
Помогите, девушку везут,
Сердца ее подруг разрываются.
Наступает время прихода жениха
В украшенную комнату.
На крыше (улице) солнце печет.
На глазах у девушки (невесты) слезы.
Не плачь, не плачь, дорогая жейран—
(подобная жирафе) ханум, ²²
Всех девушек ждет подобная участь.

Музыканты играли грустную мелодию, под звуки которой плакала не только невеста, но и многие из присутствующих.

Простившись со всеми родственниками, невеста одевалась в свадебные наряды. Одежда ее состояла из рубашки, сшитой из шелковой ткани, штанов из сатина или атласа, длин-

²⁰ Далее после каждой строки повторяется этот припев.

²¹ А. Гаджиев. Сборник лезгинского фольклора. Даггосиздат, Махачкала, 1941, стр. 24.

²² Жейран-ханум — ласковое обращение к молодой, красивой (подобно жирафе) девушке.

ного «валчагъа» из шелковой парчовой ткани, серебряного или золотого пояса. На ноги ей одевали цветные кожаные сапоги «башмакъар» или «мягъсерар», а на голову нарядный шелковый «чуткъу», сверху которого накидывали большой шелковый платок. Затем голову окутывали красной вуалью «дугъуьом». На невесту надевали также серьги, кольца, ожерелья и т. д. Конечно, не всякая невеста могла иметь богатый свадебный наряд. Пышность и нарядность ее костюма зависела от состоятельности жениха.

Покрывание головы и лица невесты является одним из наиболее распространенных свадебных обрядов почти всех народов Кавказа. Его повсеместное применение объяснялось, прежде всего, суеверием, желанием скрыть невесту от губительных влияний «сглаза» и «злых духов» и от взоров присутствующих. Огненный (красный) цвет «дугъуьра» означал символ домашнего огня и невинности девушки.

Прежде чем невеста покидала родной дом, из него выносили ее приданное (постель, сундук с подарками, кувшин, кофейник, ковер, обязательно зеркало как символ будущей светлой жизни, самовар и т. д.). После этого выводили невесту. Из родительского дома ее сопровождали дядя по материнской линии, его жена, которая в первую ночь оставалась с ней у жениха и отвечала за ее целомудрие, и брак.

Невесту у лезгин, как и у многих дагестанских народов: лакцев, кумыков и других, часто выносили из родительского дома на руках и также вносили в дом мужа. Этот обычай, являющийся, вероятно, пережитком похищения, в настоящее время выражает почет, уважение к невесте.

Когда процессия с невестой возвращалась в дом жениха, односельчане в нескольких местах загораживали ей путь и освобождали его лишь после получения выкупа. С крыш домов, находящихся на пути процессии, желавшие невесте счастья осыпали ее зерном, рисом или сладостями, чтобы она была плодородна, как эти зерна, и жила богато. В то же время недоброжелатели бросали вслед невесте камни, чтобы ей жилось тяжело и чтобы она разошлась с мужем. У аварцев вместо камня вслед невесте бросали золу из кувшина, или облив женской мочой просо, сыпали его по дорожке, где должна была проходить невеста, чтобы новобрачные недолго прожили вместе²³. Подобного рода «магические» приемы, якобы обеспечивавшие благополучие новобрачных, существовали прежде почти у всех народов Дагестана — лакцев, кумыков, горских евреев, рутулов, цахуров и т. д.

Когда невеста приближалась к дому жениха, ее встречали огнем, а также разводили огонь во дворе жениха. Этот обы-

²³ Г. Чурсин. Авары (этнографический очерк). Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, д. 1570, лл. 53—54.

чай в свадебном ритуале лезгин, вероятно, является пережитком зороастризма — почитания огня. К приходу невесты все двери дома должны были быть открытыми, ибо лезгинки считали, что для новобрачной особенно важно установить хорошие отношения с «божествами» нового дома, снискать их милость и покровительство. Поэтому у них существовал обычай, по которому невеста при входе в дом жениха, «случайно» толкнув ногой кувшин, разливала воду, чтобы напоить «домашних ангелов»; по верованиям лезгин, «домашние ангелы» пьют лишь нечаянно разлитую воду — это считалось хорошим предзнаменованием. Кроме того, чтобы невесте в новом доме жилось «сладко» и чтобы расположить к себе «духов», она мазала притолки двери медом. У лезгин Курахского района невеста правой рукой брала муку и оставляла на притолке двери отпечаток пальцев. У кумыков невесте перед входом в дом жениха в рот клали мед и оставляли отпечатки ее пальцев у двери на стене.²⁴ Такой же обычай существовал у лакцев, табасаранцев, рутулов, агулов. У аварцев при входе невесты в дом жениха на порог клали кремневое ружье, на которое она должна была наступить, прежде чем войти. После чего родственники жениха и невесты хватались за ружье и тянули каждый к себе. Происходили состязания, в которых обыкновенно перетягивали родственники жениха. У даргинцев, когда невесту приводят в дом жениха, выносят ковер и одна партия начинает тянуть во двор, другая на улицу, пока кто-нибудь не перетянет.²⁵ Г. Чурсин такого рода состязание рассматривает как «магический» прием, обеспечивающий победившей стороне главенство в семье.²⁶

Невесту у лезгин приводили в отдельную, предназначенную для нее лучшую комнату и она там стояла в углу пока все поздравляли ее с новым очагом. Первой поздравляла новобрачную свекровь, давала ей в руки мальчика и говорила;

«А тахт, тахт, хьуй,
Тахт барка хьуй.
Ирид хва хьуй
Хват хьтин са руш хьуй;
Гьамни хтун ттарцяй
Аватна кый
А тахт, тахт хьуй,
Кьул ацлай рухваря хьуй

²⁴ С. Ш. Гаджиева. Семейный и общественный быт кумыков в XIX—XX вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллаа АН СССР, д. 2402, лл. 98, 99.

²⁵ Г. Чурсин. Указ. соч. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллаа АН СССР, д. 1570, л. 58.

²⁶ Там же, стр. 58.

Рак ацІайш аламар хьуй,
Хадайбур рухаяр хьуй,
Храбайбур гамар хьуй.
А тахт, тахт хьуй
Хуз хьиз гьуьлуьк кукІуй,
Чииз хьиз кІвалнк кукІуй,
Ваз кІвал мубарек хьуй
Чан цІийи свас».²⁷

«Постель, постель,
Пусть постель мягкая будет,
Пусть будет семь сыновей и одна дочь,
И та пусть упадет с дерева и умрет.
Постель, постель,
Пусть вокруг очага полно сыновей будет,
А за дверью много шаламар.²⁸
Будешь рожать только сыновей,
И ткать будешь только ковры.
Постель, постель,
Пусть (она), как жук, прилепится к (полюбит)
мужу,
Пусть, как пчела, заботится о доме.
Поздравляю тебя с новым домом,
Дорогая невестка».

Как явствует из народного объяснения, мальчика давали в руки невесты, чтобы она родила первого сына, а не дочь, а слова, которые говорили при этом, отражают каким несчастьем в прошлом считалось рождение дочери.

Пока невесту поздравляли, во дворе девушки пели песни, в которых дразнили сопроводительницу невесты «енге».

Чи свас аку лиф хьтин
Енге аку кьиф хьтин,
КьацІал алай сач хана,
Атай ангед кІвач хана.
ВацІал алай хьурхьулар,
Егедив гвай гуриІулар
Ленгердавай пакунтІвал
Егнедиз гуй рикІни тІал
и т. д.

Взгляните на невесту,
Похожую на голубя.

²⁷ А. Гаджиев. Сборник лезгинского фольклора. Даггосиздат, Махачкала, 1941, стр. 28.

²⁸ Шаламар — национальная самодельная обувь из сыромятной кожи.

Взгляните на енге (сопроводительницу),
Похожую на крысу.
На полке садж²⁹ разбился,
У енге нога сломалась.
На реке водоросли —
У енге щенята.
На тарелке ребро —
У енге сердечная болезнь
(пусть заболит сердце),

и т. д.

У лезгин было принято всячески высмеивать енге, к кистям ее платка привязывали хвосты коров, быков, а также мертвых мышей, лягушек и т. п. Как бы над ней не шутили, она оставалась спокойной.

В первую брачную ночь, после свадебного пира, жених в сопровождении своих наивов-шаферов пробирался в комнату невесты, а сами шаферы возле двери охраняли молодых от взоров любопытных. У кабардинцев при этом холостяки и товарищи жениха окружали саклю, где находятся новобрачные и кидали в трубу камина собак, кошек, кур, шапки, лили воду, стреляли, словом всячески старались беспокоить жениха.³⁰ У аварцев, прежде чем оставить новобрачных наедине, дружки валялись на приготовленной для молодых постели, «чтобы убедиться, удобно ли будет спать молодым на ней ночь». Тоже наблюдалось у даргинцев: при приготовлении постели для новобрачных, что делалось в присутствии гостей, все юноши бросались на нее — это называлось «буруш-бачни» — топтание постели.³¹ У лезгин некоторых селений (с. Куруш, Докузпаринского района) в прошлом существовал обычай, по которому в комнате новобрачных оставалась старуха, свидетельствовавшая потом невинность невесты. В селении Кабир-Курахского района в комнате с женихом и невестой оставались шафера и еще 2 человека, которые над постелью новобрачных, как полог, держали большой платок.

Эти обычаи в свадебном ритуале указанных народов несомненно являются пережиточными явлениями, отражающими вымершие способы заключения семейного союза — группового брака, при котором группа родственников — мужчины

---

²⁹ Сач (садж) — железный лист на подобие щита, предназначенный для выпечки хлеба.

³⁰ Н. Ф. Грабовский. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа, ССКГ, вып. 2, Тифлис, 1869, стр. 23—24.

³¹ Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, стр. 141.

вступала в брак с грушовой женщиной. С прекращением подобного рода брачных союзов память о них долго еще сохранялась в свадебных обрядах.

Прежде у лезгин существовал обычай — демонстрация брачной постели для доказательства невинности новобрачной. И если невеста оказывалась нецеломудренной, то жених сразу же сообщал об этом своим шаферам и имел право в первую же брачную ночь дать ей развод и отправить с позором в дом родителей. Как говорят старожилы, эта опозоренная женщина не жила; если она не совершала самоубийства, то ее обязательно убивал брат, отец или дядя и возвращал жениху калым. Но подобные случаи у лезгин бывали крайне редко.

На следующий день после свадьбы новобрачных приглашал дядя жениха по материнской или отцовской линии (преимущественно у кубинских лезгин). Обычай этот назывался «ччам элифарун» — приглашение жениха. Дядя на свои средства устраивал большой пир: резал баранов, готовил праздничные блюда и приглашал новобрачных вместе с музыкантами и со всеми гостями, присутствовавшими на свадьбе. В прошлом бывали случаи, когда вторую брачную ночь молодая чета проводила у дяди. Когда новобрачные возвращались к себе домой, дядя делал невесте дорогие подарки. Притом подарки вручала в присутствии гостей жена дяди и говорила: «ччан свас, гила вунни зи хтул я, зи руш я, гыкIа ви адахлу — зи хтул, зи хва тирвилай — дорогая доченька, ты теперь тоже моя племянница, моя дочка, поскольку твой муж — мой племянник, мой сын».

Лезгинская свадьба все 3—4 дня проходила очень весело и живо. Особым уважением и почетом на свадьбе пользовались гости и старики. Они окружались особой заботой и вниманием со стороны родителей жениха и их близких родственников. Никакие шутки над ними не допускались, в то время как гости, ради шутки, постоянно подвергали хозяев различным наказаниям и штрафам. Они «ссорились» с хозяевами, вдруг исчезали и их с трудом находили. Они не возвращались на свадебный пир, пока не выполняли все их капризы. Гости придумывали самые комичные наказания для родственников жениха: заставляли их переодеваться в маскарадные костюмы шута, осли, лошадей, собак и т. п. Родственники жениха обязаны были сделать все ради «примирения» с гостями.

Через три дня после свадьбы новобрачная должна была совершить обряд «свас ччиниз акъудун» — первого посещения хозяйственной комнаты свекрови, ибо символическое вступление невесты в роль хозяйки у лезгин не ограничивалось лишь вышесказанным общим знакомством с «божествами» нового дома. Когда в сопровождении нескольких женщин она впер-

вые входила в хозяйственную комнату, свекровь слегка осыпала ее мукою, а невеста брала немного муки и бросала ее в очаг. После этого ее считали законной хозяйкой домашнего очага.

Через несколько дней после свадьбы совершался еще один обряд — шествие новобрачной за водой, который существует и по сей день у всех народов Дагестана. Наряду с очагом женщине в ее хозяйственной деятельности чаще всего приходилось иметь дело с водой, которую она доставляла из родника, поэтому и этот важный момент нашел отражение в свадебном цикле лезгин. Перед тем как отправляться на родник или речку, пекли несколько чуреков, готовили национальную халву, приглашали двух-трех подруг невесты и одну женщину. Затем они все, иногда вместе со свекровью, шли к источнику. Одна из подруг наполняла кувшин, другие две поднимали его на плечи невесте, за что они получали от новобрачной по колючку, и направлялись домой. А женщина читала молитву, потом раздавала хлеб с халвой детям, которые обычно присутствовали при этом.

Прежде, выйдя замуж, молодая женщина лишалась всякой свободы. Попав в дом мужа, новобрачная не должна была показываться без повода на глаза свёкра, разговаривать с каким-либо мужчиной из членов семьи. С мужем она говорила лишь наедине. Новобрачная должна была закрывать лицо «яшмягом» (т. е. платком, закрывалась нижняя часть лица). В лице свекрови она обычно получала жестокого наблюдателя, следившего за каждым ее шагом и действием. Невестка обязана была исполнять все работы по хозяйству и малейшие ее промахи встречали жестокое осуждение со стороны родственников мужа.

Только рождение первого ребенка, особенно мальчика, несколько освобождало женщину и давало ей какие-то едва заметные права. Полное раскрепощение и равноправие в семье получила она лишь после победы Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, при анализе свадебных обрядов лезгин XIX века мы наблюдаем весьма оригинальные явления, которые как отголоски далекой старины свидетельствуют о минувших общественных отношениях.

В настоящее время многие из старых обычаев, связанных с заключением брака, уже исчезли. Прежде всего потеряло значение соблюдение принципа общественного равенства и экономической состоятельности брачующихся сторон, исчезло многоженство, которое расценивается советским законодательством как преступление. Редко встречается у лезгин похищение девушек, оформление брака муллами и кадиями помимо ЗАГСа. Исчезли многие ненужные обычаи при бракосочетании, сократились сроки между сватовством и свадьбой.

Сейчас этот срок составляет не более одного-полтора месяцев. Теперь девушка-лезгинка выходит замуж по своему желанию, хотя воля родителей и сейчас имеет немалое значение, но она не играет прежней роли. Брак, в основном, заключается с обоюдного согласия и по любви. Среди сельской молодежи стали практиковаться комсомольские свадьбы. В настоящее время часто встречаются смешанные браки с представителями других национальностей Дагестана, с азербайджанцами, армянами, русскими.

Теперь совершенно изменилось положение молодой женщины в доме мужа. Она чувствует себя свободным, полноправным членом семьи. Изменилась ее хозяйственная роль в семье. Она вместе со всеми остальными членами семьи работает в колхозе.

В наши дни с одинаковой радостью встречают рождение как мальчика, так и девочки.

Экономическое равенство женщины с мужчиной в нашей стране определяет ее взаимоотношения с мужем. Энгельс писал, что «господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезнет вместе с последним».³²

В современной колхозной свадьбе у лезгин складываются новые свадебные традиции, новые свадебные песни и т. д., которые отражают новый характер семейных и общественных отношений.

---

³² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, М., 1952, стр. 84.

ПОСЕЛЕНИЯ АВАРЦЕВ В XIX—XX ВВ.

Этнографическая наука за годы Советской власти сделала большие успехи в изучении истории народов Дагестана. Среди этнографических работ большое место занимают исследования, посвященные вопросам материальной культуры, в том числе поселений и жилищ. Изучением и исследованием жилищ и поселений Дагестана занимались Н. Б. Бакланов, С. Ш. Гаджиева, С. С. Агаширинова, З. А. Никольская, Г. Н. Любимова, С. О. Ханмагомедов, К. Козлова, Г. Я. Мовчан, М. З. Османов, Б. А. Калоев и др.¹

Усилившееся за последние годы археологическое изучение Дагестана привело к накоплению материала, позволяющего рассмотреть поселения в их историческом развитии, говорить приблизительно о времени складывания дагестанского аула.²

¹ Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935; его же. Архитектурные сооружения Дагестана. Доклады III международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.-Л., 1939; С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960; С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—начале XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959; Г. Н. Любимова, С. О. Ханмагомедов. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956; К. Козлова. Поселения и жилища аварцев. РФ ИИЯЛ, д. № 1608; Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4; его же: Предварительные заметки о типологии жилища нагорного Дагестана. КСИЭ, IV, 1948; З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2; М.-З. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. X, Махачкала, 1962; его же. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961; Б. А. Калоев. Поселения и жилище агулов. КСИЭ, XXIII, 1955; М. М. Ихилов. Народы лезгинской группы Р. Ф. ИИЯЛ, д. № 2921; П. Г. Панек. Жилище лезгин. Материалы этнографии Грузии. Т. IX, стр. 131—164.

² М. И. Артамонов. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане в 1937—1938 гг. РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1602, лл. 34, 37; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 20, 30; В. И. Каннивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. «Ученые записки» ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158—159; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа. М., 1961, стр. 21—26; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 55—56; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 94, 108; Д. М. Атаев. Средневековая Авария (по археологическим материалам). РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 2916, лл. 307, 357.

Однако материальная культура аварцев и в частности ее поселения и жилища до сих пор оставались слабо изученными. Имеющиеся статьи по этим вопросам не раскрывают всей полноты темы. Этот пробел был восполнен в результате работы отряда этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в 1961—1962 гг.

Данная статья является попыткой систематизировать и обобщить полевой материал, собранный за время работы этой экспедиции.

Характер заселения аварцев.

Аварцы являются наиболее многочисленной народностью Дагестана. Они проживают компактно в центральной и западной части Дагестана и граничат на севере и на северо-востоке с кумыками, на востоке — с даргинцами, на юго-востоке — с лакцами и цахурами, на юге с жителями Азербайджанской ССР, на юго-западе с грузинами и на северо-западе с народами Чечено-Ингушской АССР. Часть аварцев проживает за пределами Дагестана, в Закатальском и Белоканском районах Аз. ССР³ и несколько селений аварцев имеется в Грузинской ССР.

Основная территория, заселенная аварцами, представляет собой бассейны трех главных рек горного Дагестана — Аварского, Андийского и Кара-Койсу. Она зажата между Главным Кавказским хребтом с юга, Андийским с запада, Дюльтидагом с востока, Салатавским и Гимринским хребтами с севера.

Территория, заселенная аварцами, по природно-географическим признакам может быть разделена на следующие зоны: низменность, предгорье, горная часть и высокогорные районы.

1. На плоскости с глинистой почвой и бедной растительностью аварские селения появились недавно.

2. Предгорная зона занимает северный склон Салатавского хребта, который постепенно переходит в равнину. Склоны хребтов, в основном пологие, покрыты лесами и богатой растительностью, легко доступны. Эта зона охватывает Казбековский район, селения Хасавюртовского и Буйнакского районов.

3. Горная зона представляет собой систему горных хребтов и плоскогорий. Характерной чертой ее рельефа является наличие высоких плато, с большими ровными участками (Хунзахское плато, Гунибское плато, Аракмеэр, Кегерское, плато и др.).

---

³ По переписи 1959 года аварцы этих районов отнесены к лезгинам.

Реки, протекающие по территории Аварии, образуют глубокие котловины и ущелья, отчего рельеф имеет необычно сложный и труднодоступный характер. При первом знакомстве с горным Дагестаном создается впечатление, что «это суровая и бедная страна с чахлой и скудной растительностью».⁴ Однако долины рек, плато и многие склоны гор пригодны для земледелия и удобны для заселения. Основные аварские районы расположены в этой зоне.

4. Высокогорная или альпийская зона отделяется от внутреннего Дагестана мощными массивами Бокового хребта, простирающимися параллельно Главному Кавказскому хребту и распадающимися на ряд отдельных звеньев.⁵ В этой зоне нет горных плато с ровными площадями и широких долин с террасированным дном. Высокогорный Дагестан имеет холодный, влажный климат, здесь выпадает до 800 мм осадков.⁶ В высокогорной зоне проживают в основном андо-дийская группа народностей и авары Тляратинского и Чародинского районов.

Разнообразные физико-географические условия Аварии наложили свой отпечаток на хозяйственную деятельность горцев, на материальную культуру, в том числе и на поселения. Каждая из этих зон имеет своеобразный принцип расселения.

В высокогорной части Аварии селения, в основном, встречаются в ущельях и долинах рек. Суровой климат, обрывистые склоны гор и большая пересеченность местности затрудняет заселение верхних широт. Вследствие природных особенностей местности села, расположенные на склонах ущелий, чрезвычайно труднодоступны.⁷

Поселения центральной Аварии занимают самое разнообразное географическое положение. Здесь встречаются селения, расположенные как в долинах рек, так и на склонах гор, на вершинах горных хребтов, у перевалов. Характер поселений в этом районе обуславливается климатическими условиями, плотностью населения и острым малоземельем.

---

⁴ М. Плисецкий. Горцы Дагестана, Махачкала, 1929, стр. 12; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник. Т. I, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 7; А. Берже. Прикаспийский край, кк на 1857, стр. 275; В. В. Докучаев. Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г. Соч., т. VI, М., 1951, стр. 447.

⁵ К. К. Гюль, С. В. Власова, М. И. Кисин, А. А. Тертеров. Физическая география ДАССР, Махачкала, 1959, стр. 42.

⁶ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926, стр. 28.

⁷ См. также сообщения: R. Erckert *Kaukasus und seine Völker* Leipzig. 1887, стр. 151—152; Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, в. I, 1868, стр. 12; Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОМПК, в. 38, 1908, стр. 42—43.

Поселения предгорной части занимают, в отличие от нагорной и высокогорной Аварии, пологие склоны и ровные участки, пригодные для возделывания под сельскохозяйственные культуры. Расположены они, главным образом, на берегах рек.

На характер поселений аварцев, кроме рельефа местности, повлияли и другие факторы, одинаково действующие во всех зонах. Одним из них главным является острое малоземелье в горах.

Под поселение занимали, как правило, выход песчаника, сланца или скалистый склон, который не представлял ценности для земледелия. Однако, наличие рядом пригодных для обработки земли являлось обязательным условием при выборе места для поселения. Горец старался использовать всю мало-мальски пригодную землю для посевов и окультуренный участок земли очень высоко ценился в горном Дагестане.

По сообщениям некоторых источников десятина земли стоила от 500 до 1000 руб. и даже больше, тогда как хороший баран стоил 4—6 руб.⁸ О земельном голоде в Аварии красноречиво говорят многие предания и легенды. Без огромного труда, больших усилий создать участки на склонах гор было невозможно. Достаточно взглянуть на террасированные горы и склоны вокруг селений, о которых академик Н. И. Вавилов писал: «Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане»,⁹ чтобы понять, какой тяжелый труд был вложен в эту землю.

Горцы, конечно, не могли позволить себе при столь большом земельном голоде занять под селения пригодные для возделывания участки. Поэтому горные селения отличаются особой скученностью.

При выборе места для поселения учитывалось наличие в окружности пастбищ. Количество и качество пастбищных угодий обычно зависело от зоны где расположено селение.

Стремление к недоступности, обороне также играло немаловажную роль при выборе места для поселения. Горцы удачно использовали пересеченный рельеф местности, как естественную преграду по пути к поселениям. Обычно выбиралось место, защищенное с двух сторон: на высоких хребтах (Гамсутль, Шулани, Сагада, Цулда и др.), на краю скалы

---

⁸ Сравните: М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1885, стр. 215; Некоторые статистические сведения о Кавказе. К. К. на 1886 год, стр. 203; Н. Дубовин. История войны и владычества русских на Кавказе. т. I, СПб, 1871, стр. 501; Д. А. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ИРГО, 1884, т. XX, IV в. стр. 428.

⁹ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. Журн. «Природа», № 2, 1936, стр. 80.

или пропасти (Гоор, Хунзах, Гочоб, Дусрах и др.) или у места слияния двух рек (Корода, Хиндах, Зило, Кахиб и др.). С доступной стороны крайние дома, укрепленные многоэтажными башнями, тесно примыкали один к другому и образовывали заграждение вроде крепостной стены с одним входом в виде узкого прохода, с двумя арочными воротами, которые закрывались на ночь.

Постоянные угрозы нападения извне сильно влияли и на домостроение. Жилища представляли из себя дома-крепости, тесно прижатые друг к другу, которые вдоль улицы образовывали сплошную стену и превращали ее в узкий проход с неожиданными преградами.

Для усиления обороноспособности во многих аварских поселениях были сооружены боевые башни, а на господствующих высотах, перевалах у проходов — сторожевые или сигнальные башни, которые гарантировали жителей от внезапного вторжения неприятеля. Строились сторожевые башни и на дорогах.

Если сторожевые башни располагаются вдали от населенного пункта, то боевые башни структурно входят в топографию селения. Размещение их не поддается определенной системе, но они взаимосвязаны, составляют единый комплекс оборонительных сооружений, между которыми существовало внутреннее, подземное сообщение. Эти башни, высотой 10—11 этажей, располагались на подступах к селению с учетом топографических условий местности (Кахиб, Гамсутль, Мокок, Хотода и др.).

В аварских селениях встречается и другая группа башен, обособленных друг от друга и в беспорядке разбросанных среди построек, назначение которых было иное, чем у боевых, и которые были призваны защищать не столько селение, общество, сколько при вражде внутри села одного от другого кровника.¹⁰ В XIX веке эти башни принадлежали частным лицам, которые использовали их под жилые помещения (Ругуджа, Гочаб, Хуштада, Гоор, Тидиб и др.).

От эпохи средневековья в Аварии сохранились остатки интересных сооружений, не похожих ни на сторожевые, ни на боевые башни, а скорее всего напоминающие небольшие крепости (замки), расположенные на чрезвычайно труднодоступных местах. Развалины таких многоэлементных сооружений обнаружены в Гунибском, Хунзахском, Советском и др. районах. Одно из таких сооружений, расположенное на вершине высокой горы, близ селения Ругуджа, представляет из себя единый комплекс из семи помещений и круглой башни, расположенной на господствующей над местностью скале. Все это

¹⁰ М. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов. Сборник музея антропологии и этнографии, вып. XIV, М.-Л., 1953, стр. 262.

сооружение окружено дополнительной оборонительной стеной с бойницами. На вершине горы имеется продолговатая площадка небольших размеров, 50 × 15, которая к северу суживается до 4-х метров, где и построена крепость, на краю пропасти. Несмотря на то, что площадка эта образована выходом скалы высотой 7—10 метров, она укреплена в отдельных местах дополнительной стеной. На горе и поблизости воды нет. Место это лишено всяких жизненных удобств, тогда как в километре от замка, внизу у подножия горы, имеются прекрасные земельные участки и вода.

Народное предание связывает эту крепость с феодальным владельцем, ханом — «ханасул хъала». Когда-то, согласно легенде, на горе жил хан и его придворные, а внизу было расположено селение, которое обеспечивало его всем необходимым. Впоследствии это селение слилось с соседним и образовало селение Ругуджа.

Обеспечение максимальной недоступности поселения, видимо, было жизненно важным вопросом для населения и уходит своими корнями в глубокую древность¹¹. В продолжение всей своей истории, вплоть до последнего столетия, места для поселения зависели от оборонного фактора в большей или меньшей степени, в зависимости от исторической обстановки.

Эта приверженность горцев к недоступности была вызвана к жизни целым комплексом причин исторического, экономического, географического характера. Главной причиной из них, на наш взгляд, является экономическая — острое малоземелье в горах Дагестана. Межплеменные столкновения за землю, за скот, которые усиливались с распадом родовых отношений, не прекращались и в последующие периоды, в виду отсутствия крупных политических объединений с централизованной властью и тяжелых экономических условий местности, и это вызывало необходимость укрепления обороноспособности.

Если об укрепленном характере древнейших поселений мы узнаем в результате археологических исследований, то и о характере средневековых имеются упоминания в письменных источниках¹².

В Аварии сохранилось много легенд и преданий, в которых говорится о тяжелой и длительной борьбе между соседями из-за земельных угодий. Самым важным в этой борьбе было разрушить поселение противника. В этих условиях было впол-

---

¹¹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (итоги и проблемы). УЗ ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 338, 339, 346.

¹² Н. П. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СМОМПК, 32, 1903, стр. 47; В. В. Тисенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.-Л., 1941, стр. 122--124 и др.

не разумным и естественным упрятать свое поселение подальше в горы, в неприступное место и построить свое жилище добротным, долговечным и неприступным. Разрушение дома для горца было большим несчастьем, ибо восстановление его стоило большого труда и средств, которыми он располагал не часто. Зная все это, горец всеми средствами и силами укреплял свой аул и защищал его самоотверженно, чему удивлялись многие исследователи, а также путешественники и военные, которые побывали в Дагестане и столкнулись с горцами в годы Кавказской войны.¹³

Кроме причин внутренних, на характер поселения влияли и факторы внешнего порядка. Наличие большого количества сторожевых башен вдоль южной границы и по долинам рек, где проходили дороги со стороны Азербайджана и Грузии, оборонительной стены с севера,¹⁴ указывает на большое значение, которое придавали аварцы борьбе с иноземными завоевателями.

Многие нашествия и передвижения народов, которые имели место на плоскостной части Дагестана, оставили свои следы и в горных районах. Особенно хорошо сохранились в памяти народа разрушительные походы арабов, монголов, персов, которые сопровождались уничтожением селений и аулов.

Стремление к недоступности и экономии земли не является характерным явлением исключительно для аварцев, оно присуще всем горцам Дагестана. Подобные аулы-крепости строили даргинцы¹⁵, лезгины¹⁶, агулы¹⁷, лакцы¹⁸. Они отличаются

¹³ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. X—XI; Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. ССК, т. 1, 1871, стр. 300; А. Марлинский. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Дагестан в русской литературе, т. 1, Махачкала, 1960, стр. 134; Н. И. Кузнецов. В дебрях Дагестана. ИРГО, IX—XI, в. 1—III, 1913, стр. 191; Е. Марков. Кавказ. Общий очерк. ЖР, т. IX; СПб, 1883, стр. XXXV; М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, т. I, М., 1885, стр. 55; Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ. в. III, 1870, стр. 24; Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане, История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 346; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, в. 1, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 177 и др.

¹⁴ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Даг. фил. АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 23; Д. М. Атаев. Средневековая Авария, лл. 137, 138; Н. Д. Путицева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС). РФ ИИЯЛ, д. № 2875, л. 19.

¹⁵ М.-З. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. X, Махачкала, 1962, стр. 214—220.

¹⁶ С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. VI. Махачкала, 1959, стр. 241—242.

¹⁷ Б. А. Калоев. Поселения и жилище агулов. КСИЭ, XXIII, 1955, стр. 36—38.

¹⁸ Л. И. Лавров. Лакцы. Народы Дагестана. Сб. ст. М., 1955, стр. 165.

характером расположения от плоскостных и предгорных поселений, где земли много, хотя и для последних не чуждо стремление к укреплению.¹⁹

На Кавказе эти тенденции, но со своими особенностями, характерны и ингушам²⁰, сванам²¹, западным армянам и горным осетинам²², за его пределами — хазарейцам и кафирам в Афганистане, персам в северном Иране²³ и другим торным народам.

Были и другие факторы, которые повлияли на характер заселения: проблема водоснабжения и ориентация. Наличие недалеко от селения питьевой воды в достаточном количестве было и остается обязательным условием как для аварского, так и любого другого селения. Если источник находился за чертой селения, то его тщательно оберегали и скрывали от соседей, особенно в тревожные времена междоусобных столкновений. Примером является Тидибский источник, расположенный в ста метрах от селения. Дорога до источника была крытая, защищенная со всех сторон, так что представляла собой подземный ход.

Наряду с другими факторами, ориентация имела решающее значение при выборе места для поселения. Аварские села за редким исключением расположены на южных склонах, обогреваемых солнцем.

Некоторые изменения в расселении аварцев произошли в результате социального развития и расширения торгово-обменных отношений в XVII—XVIII вв. Из густонаселенных центральных районов Аварии некоторая часть горцев переселилась в более свободные и экономически перспективные районы предгорья и на южные склоны Главного хребта (Белоканский, Закатальский и др. районы).

Но особенно значительные изменения происходят в наши дни под влиянием социалистических преобразований. С гор на плоскость, где имеются большие возможности для экономического и культурного развития, переселяются целые селения.

Таким образом, на характер заселения аварцев повлияли факторы природно-географического характера: рельеф местности, малоземелье, наличие воды, стремление к обороноспособности, ориентация и др., степень действия которых зависела от конкретной исторической обстановки.

---

¹⁹ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 44.

²⁰ Б. А. Калоев. Ингуши. Народы Кавказа, М., 1960, стр. 378.

²¹ Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник. СЭ. № 4—5, М.-Л., 1936, стр. 28.

²² С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 281, 291.

²³ Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 109, 142, 192.

Внимательное изучение типов поселений показывает, что они отражают различные стадии развития общества.²⁴ Поселения на территории Аварии подразделяются на два основных типа: «росо» (селение), где проживает основная масса людей, и «кули», «махи» (хутор) — небольшой населенный пункт. Основной тип — «росо» исторически подразделяется на два подтипа — территориально-тухумное и тухумное,²⁵ которые отражают разные этапы селообразования.

К первому подтипу относится крупное территориально-тухумное поселение, образовавшееся в результате слияния нескольких небольших поселений. Длительный процесс разложения патриархально-родовых отношений завершается распадом соответствующих им поселений и образованием крупных аулов приблизительно к XI—XIV векам²⁶. Об образовании крупных селений путем объединения жителей мелких селений в крупное свидетельствует наличие развалин заброшенных поселений вблизи многих современных аулов, легенды и предания об этих развалинах (Ругуджа, Чох, Гочоб, Корода и др.).

Народные предания гласят далее, что территория Аварии раньше была густо заселена и эти предания подтверждаются письменными источниками. Как сообщает Масуди, автор X века, «царство это (Серир — А. И.) содержит в себе 1200 поселений»,²⁷ а другой арабский автор XIII в. Йакут со ссылкой на более ранний источник пишет, что в царстве Серир было более 4000 поселений.²⁸

Разумеется приводимые этими авторами сведения нельзя считать достоверными, на это указывает, в частности, их разноречивый характер. Однако для нас важен подтверждаемый им факт наличия в раннем средневековье на территории Аварии большого количества поселений. Это тем более интересно, что приведенные сведения относятся к тому времени, когда процесс образования крупных поселений еще не был

²⁴ М. В. Витов. О классификации поселений, СЭ, 1953, № 3, стр. 35—36.

²⁵ Название поселения взято условно. В наше время социальная структура, производственные отношения в обоих подтипах одинаковые и они различаются в основном по своему происхождению.

²⁶ М. Н. Артамонов. О работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане в 1937—1938 гг. РФ ИИЯЛ, д. 1602, л. 32; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 56; Д. М. Атаев. Средневековая Авария (по археологическим материалам). РФ ИИЯЛ, д. № 2916, л. 309.

²⁷ Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней, стр. 53.

²⁸ Jakuts Geographisches Wörterbuch, hrsg., von F. Wüstenfeld, I, 222.

завершен. Для сравнения укажем, что в 70-х годах XIX в. число населенных пунктов в Аварии не превышало 500.²⁹

Можно предположить, что особенности средневекового расселения сохранились до нашего времени в топографии многочисленных хуторов и поселений, образующих Куядинское общество. Здесь на сравнительно небольшой территории, размером 8×3 км., представляющей собой замкнутую между Гунибским плато и плато Тлимеэр долину, расположено около 40 населенных пунктов, известных под общим названием Куяда.

Касаясь вопроса об их происхождении, можно было бы допустить мысль о том, что эти населенные пункты возникли сравнительно позднее и являются хуторами, т. е. отселками от больших поселений. Однако такому предположению противоречит имеющийся археологический и этнографический материал. Почти в каждом хуторе и селении здесь мы находим древние могильники (Тлогоб, Урада, Сах, Балануб и др.), датируемые ранним средневековьем,³⁰ что доказывает их древнее происхождение по сравнению с большими поселениями. Как удалось выяснить, некоторые хутора (Мачала, Балануб, Урада) заселены представителями одного или нескольких тухумов, т. е. группой родственного по происхождению населения («кыбил»). Согласно преданию, эти группы родственного населения издавна населяют принадлежащие им хутора.

Таким образом на территории Куядинского общества по невыясненным причинам сохранилась такая картина расселения, которая была по-видимому характерна для всей Аварии в эпоху раннего средневековья.

Что же касается распространенных ныне крупных аварских селений, состоящих обычно из кварталов-авалов, то они в большинстве своем образовались из слияния небольших хуторов. При этом в отдельных случаях удавалось проследить, что население отдельных кварталов состояло из выходцев из того или другого заброшенного селения (Гочоб, Хуштада, Чох, Карата и др.). Интересно отметить часто наблюдаемое в Аварии совпадение числа основных тухумов селений с числом заброшенных поселений вокруг него, откуда по преданию происходят эти тухумы. Так, четыре основных тухума, составлявших джамаат селения Хуштада, вышли из четырех же заброшенных средневековых поселений: тухум Эригъай из Шугъри, тухум Шамхалгъай из Пардакы, тухум Инсигъай из Эреси и тухум Бокьогъай из Къарах. В Гочобе имеются

²⁹ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. ЗКОРГО, в VIII, 1873, стр. 9; Н. Н. Воронов. Состав населения Дагестанской области. ССКГ, в. VIII, 1875, стр. 14—15.

³⁰ Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии МАД, т. II, Махачкала, 1962, стр. 238—241.

в основном три тухума: один из них — Исалал переселился из ЧухИиб, другой БарикИлал — из ГьетЮб, и третий КичИсел — из ХъачИиб. В Чохе — 12 тухумов; тухум Бухадарал переселился из Рослаад, тухум Арбуханал — из ХЮдоб, тухум Эригъай-ГодекИан и Муцила авал, тухум Бокъогъай-Ан-из Бихъних ребил и т. д. Такие примеры можно наблюдать во множестве других аварских селений (Ругуджа, Корода, Бежта и др.).

Как было отмечено, принцип родственного расселения в XIX в. уже нарушается, но во многих случаях удается восстановить картину первоначального расселения тухумов. В селении Гочоб тухум Исалал занимал наиболее укрепленное место — Рохсануб, тухум БарикИлал компактно располагался в центре — Талда, а тухум КичИсел — в верхней части — КыуратIа. В селении Хуштада тухум Шамхалал занимал наиболее укрепленную западную часть селения, тухум Эригъай-ГодекИан и Муцила авад, тухум Бокъогъай-Ангибакъи (его верхнюю часть), тухум Инсигъай — ЧIвайкъи и Хъармола (восточная часть). Аналогичную картину мы встречаем и в других селениях (Согратль, Чох, Корода и др.).

Судя по некоторым данным, в прошлом тухумы не только располагались компактно, но и имели коллективную собственность на некоторые хозяйственные объекты и сооружения. На территории селения Ругуджа имеются сенокосные, пастбищные и другие участки, которые когда-то принадлежали и отдельным тухумам — «ТIатIу кIкIал», «Маржан кIкIал», «Ганиза рохъ» и др. Такие примеры имеются и в других селениях (Чох, Бежта, Хуштада и др.). И частные хозяйственные объекты членов одного тухума также располагались компактно, на одном месте. Сенокосные и пахотные участки тухума ТIадехунел из сел. Согратль имелись в местности «Нахъа ГIорох» и «Гъвалиб», тухума Къелдер — в местности Охъла, Оцаб, и тухума Падар-Побонуб, Гургул рагIал. В селении Ругуджа земли, расположенные в местности ма-ГIарда, принадлежали тухумам, занимающим верхний авал, «Саланиб» — тухумам нижнего авала, «Мадала» — тухуму Ганшалал и т. д. Но к XIX веку тухумная собственность исчезает, и земельные участки членов его были разбросаны по разным местам.

Развитие производительных сил, следовательно, и общественной жизни горцев, привело к нарушению родственного принципа расселения. В XIX веке везде и всюду господствует территориальный принцип расселения³¹ и разделение селения на кварталы производилось не по родственному принципу, а на территориальной основе. Кварталы образованы для

³¹ Х. М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959, стр. 21.

удобства при выполнении общественных работ и разделе леса, угодий и т. д. Здесь тухум не играл никакой роли и господствовал принцип соседних отношений. Кварталы носят географические названия: «верхний», «годекIан», «нижний».

Таким образом, первый подтип аварских поселений («росо») — это крупное поселение, возникшее на основе объединения нескольких мелких поселений с первоначальным обособленным расположением тухумов, постепенно эволюционирующее в территориальное.

Второй подтип «росо» — это разросшиеся, увеличившиеся тухумные поселки, существовавшие еще в эпоху средневековья и сохранившиеся на своих первоначальных местах до нашего времени. Сказать определенно, когда возникло подобное поселение, пока трудно. Судя по археологическим данным можно предположить, что поселения подобного рода своими корнями уходят в глубокую древность.³²

К XIV в. на территории Аварии в основном завершается процесс образования крупных территориально-тухумных поселений. Но процесс этот проходит неравномерно: в центральной части — более интенсивно, а высокогорных районов он почти не коснулся. Одной из причин малых размеров поселений в высокогорных районах является весьма неудобный рельеф, исключающий возможности возникновения больших поселений. Здесь нет необходимого количества земли, пригодной для возделывания, достаточной для обеспечения экономических потребностей большого количества людей. Поэтому селения состоят из сравнительно малого числа дворов и располагаются в таких местах, где их жители могут удовлетворять свои потребности в хозяйственно-экономическом отношении, — поближе к пастбищам с максимальным использованием имеющейся земли под пашни.

Наряду с природно-географическими факторами на сохранность мелких поселений повлияло и социально-экономическое развитие района, определявшееся до некоторой степени изолированностью от других областей Кавказа. В силу географических особенностей и исторических обстоятельств уровень развития отдельных районов Аварии был разным в начале XIX века.³³

В этих высокогорных селениях обнаруживается противоречивое и двойственное положение: с одной стороны — отсутствие господствующего класса, а с другой стороны — давно оформившаяся частная собственность на пахотную землю,

³² В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. № 2630, лл. 160, 161; В. Н. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 159.

³³ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 48, 83.

которая приводит к дифференциации классов. Такое положение, видимо, следует объяснить слабым развитием производительных сил и затянувшимся процессом разложения патриархально-родового строя. Мнения некоторых авторов о господстве полупатриархальных или родовых отношений в аварских районах в начале XIX века³⁴ несомненно архавизируют социальные отношения их, хотя пережитки подобных отношений остро ощущаются в общественной жизни горцев того времени.³⁵

Таким образом, два фактора: экономический и социальный обусловили господство в высокогорных районах поселений тухумного типа и исключили возможность образования крупных сельских общин. Мысль о том, что эти аулы являются разросшимися, увеличившимися тухумными поселениями, принадлежащими первоначально родственным группам, подтверждается и исследованием вопроса о квартальном делении и тухумном расселении.

Имеющийся материал подтверждает, что высокогорные поселения были заселены группой людей, которые свое происхождение возводят к одному корню. Например, в с. Гамсутль в XIX в. было два тухума: Клада хлажил и Ламазанил МухIамал. Эти тухумы, если их можно так назвать, восходят к одному корню «кьибилу». Основателя селения не помнят. Предание гласит, что селение отказалось слиться с другими при образовании селения Чох и осталось на месте.

Если впоследствии в таких селениях и образовывалось несколько тухумов в результате разрастания и разделения одного корня и они живут компактно, то это вовсе не тухумный квартал, а группировка родственников в рамках одного тухума. Имеющиеся тухумы в этих селениях отличаются своей малочисленностью членов и количество их невелико.

Такие селения встречаются и в центральной Аварии (Гамсутль, Цулда, Шулани, Тануси и др.), которые в силу некоторых исторических причин сохранились на местах и не объединились с другими, когда происходил процесс укрупнения селений. Таким образом, к поселениям второго подтипа относятся небольшие поселения, возникшие в древние времена и сохранившиеся на своих местах в силу социально-экономических и природно-географических условий, но с изменившейся внутри структурой.

³⁴ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II М., 1890, стр. 140; А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области ЗКОРГО, в. VIII, 1873, стр. 6; А. И. Иванов. Социально-экономическое положение Дагестана до завоевания царской России. «Исторический журнал», № 2, 1940, стр. 70.

³⁵ Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, стр. 128.

Развитие производительных сил, появление товарообменных отношений привело к дальнейшему развитию селообразования. Рост численности населения, экономические трудности, связанные с малоземельем, продолжение распада патриархальных больших семей, служили предпосылками к тому, что из густонаселенных мест, из разросшегося аула горцы переселились в более свободные места. Начинается обратный процесс расселения из больших селений и образование хуторов, разбросанных вокруг основного поселения (Чох, Ругуджа, Согратль и др.).

Таким образом возникает новое, чисто территориальное поселение. Некоторые из них по форме, размеру, характеру и внутренней структурой в XIX в. ничем не отличаются от предыдущего типа («росо»), но своим возникновением, первоначальным расселением относятся к «кули» (хутору) — второму типу поселения. Постепенно разрастаясь, многие хутора превращаются в поселения (Хариколо, Гоцатль, Унцукуль, Ансалта и др.), в которых прослеживаются потомки выходцев из многих разных селений, даже разных народностей (Чиркей, Бавтугай, В. Дженгутай и др.).

Кроме основных причин: развитие производительных сил, рост населения и связанная с этим необходимость освоения новых земель, образование хуторов происходило и по другим причинам. Например, необходимость охраны своих земель от неприятеля. Чтобы охранять границу, по решению джамаата, выделялась группа семей, по желанию, для заселения отдаленного участка. Так возникли ряд хуторов (Наказух, Ашильта, Ункида и др.).

Населенные пункты, некогда представлявшие самостоятельные селения, заброшенные в период разложения тухумных поселений или в результате междоусобий и Кавказской войны, впоследствии снова превращаются в хутора (Ходоб, Аанада, Асах, Мадала).

Процесс выделения хуторян не шел гладко, хотя основные поселения поддерживали и способствовали образованию новых хуторов и отселков, они стремились сохранить господство над политической и экономической жизнью хутора. Но к XIX веку многие хутора — «кули» могли самостоятельно решать внутренние экономические вопросы, тогда как решение политических вопросов сохранялось за основным селением.

Время образования хуторов в основном относится к XVI—XVIII вв.

Расселение в этих поселениях чисто территориальное, если даже образованы тухумы, то на территориальной основе, вопреки всем понятиям о родственном единстве (Чиркей, Гертма и др.).

Таким образом, «кули» является отселком, возникшим в результате развития производительных сил, распада больших патриархальных семей, по своему расселению чисто территориальным.

Необходимо особо отметить поселения, основанные за годы Советской власти, отличающиеся от предыдущих типов своим характером, планировкой, формой. За годы Советской власти в горах выросли поселения Гуниб, Комунна, Араны, Карадах, Советское и др. За последние годы новые аварские поселения возникли и на плоскости. Они отличаются от старых горских аулов не только своим внешним видом, но и социальной сущностью возникновения.

Каждая эпоха общественного развития наложила своеобразный отпечаток на поселение, т. е. каждой социально-экономической эпохе характерен определенный тип поселения: патриархальному родовому строю — небольшие тухумные поселки, основание которых теряется в глубине веков, территориально-тухумные поселения, характерные для эпохи установления классовых отношений, чисто территориальные поселения, характерные для периода господства торгово-обменных отношений, развития производительных сил, и колхозное село, характерное для периода социалистического строительства. К нашему времени от потухумного расселения не осталось и следа, все живут по новым социалистическим принципам. Все поселения, основанные и в древнейшие времена и в настоящем, сейчас заселены колхозниками с общим артельным хозяйством.

Формы поселений.

Месторасположение, особенности планировки, форма поселений обуславливаются социально-экономическими причинами и тесно связаны с характером местности, рельефом. Как уже отмечалось, земельный голод и стремление к недоступности наложили отпечаток на формы поселения и их планировку. Кроме того, на форму подействовал и тип поселения.

Планировка в аварских селениях в основном бессистемная, но при внимательном наблюдении все же можно различить несколько характерных форм: кучевую, террасообразную и горизонтальную. Это не значит, конечно, что все селения имеют ту или другую определенную форму, встречаются селения, форма которых не поддается никакой классификации.

Кучевая форма планировки характерна в основном для поселений, расположенных на высотах (Гамсутль, Тануси, Цулда, Хупро и др.). Селения этих небольших размеров, дворов или усадеб в них нет, основным элементом является глу-

хой дом, дом-крепость — замкнутый комплекс жилых и хозяйственных помещений, размещенных вертикально. Такая планировка была наиболее приемлема в условиях острого малоземелья, неразвитости производительных сил и постоянной военной опасности.

Поселения, занимающие склоны гор, в основном террасообразной формы. Такая ступенчатая архитектура горцам была известна с древнейших времен³⁶. Поселения с такой планировкой встречаются во всех природно-географических зонах Аварии (Кидеро, Чох, Арчо, Анчик, Зубутль и др.). Дома, тянущиеся по склону, плотно прижимаясь друг к другу, придают поселению форму амфитеатра и тем самым создают ту величественную картину архитектурного совершенства, которой восхищались многие исследователи и наблюдатели, побывавшие в Дагестане³⁷.

Если смотреть издали, в подобных селениях можно насчитать десятки ступеней-этажей: в Чохе — 32, Анчике — 29, Арчо — 15 и т. д.

Преобладающее размещение жилых и хозяйственных помещений в селениях с террасообразной планировкой вертикальное.

Поселения, расположенные на плоских участках, имеют горизонтальную форму. Они встречаются и в центральной, горной Аварии, и в предгорье, и на равнине. Но поселения горизонтальной формы в горных районах отличаются от предгорных типом построек, сплошной застройкой улиц и их узостью, своей скученностью (Хунзах, Батлаиц, Чарада, Суриб и др.). Кроме того, усадеб в горах нет, небольшой дворик, от 30 до 80 кв. метров, обнесенный высокой каменной оградой, выполняет функции хозяйственного помещения, тогда как в поселениях предгорной части — двор открытый, больших размеров с невысоким плетеным забором, служит подособным участком (Дылым, Гертма, Чирюрт, Бавтугай и др.).

От остальных аварских поселений отличаются своей планировкой бежтинские аулы расположенные на берегу реки Хзан-ор (Бежта, Хошар-хота, Тлядал). Дома здесь особенно в Бежте, поставлены вдоль реки правильными рядами с южной ориентацией. Думается, что такая планировка возникла в этих аулах позднее, со второй половины XIX в., когда они были вновь отстроены после разрушения и пожара.

---

³⁶ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, стр. 161.

³⁷ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. В кн. Историко-географические этюды. М.-Л., 1949, стр. 34; Н. В. Динник. По Чечне и Дагестану. 1905, стр. 67; Е. Марков. Очерки Кавказа, СПб., М., 1887, стр. 525; А. Берже. Прикаспийский край. КК на 1857 г., стр. 251; Н. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе. т. I, СПб., 1871, стр. 252.

Развитие производительных сил, исчезновение военной опасности и возникновения капиталистических элементов изменили методы планировки и формы поселений. Дома стали строить свободные, с учетом хозяйственных интересов. Началось увеличение и расширение хозяйственных помещений, появляются новые кварталы.

Победа Октябрьской социалистической революции в корне изменила формы планировки аварских поселений. Полностью отпала необходимость в укрепленных аулах, а возросшие экономические и культурные достижения способствовали укоренению новых форм планировки. Надворные и хозяйственные постройки резко сокращаются. Красивый каменный дом, свободно расположенный, окруженный садом и огородом, пришел на смену глухому дому-крепости, зажатому со всех сторон.

Совершенно отличается от горных аулов форма и планировка селений, переселенных с гор на плоскость, которые предусмотрено превратить в поселки городского типа, в «зеленые города». Широкая и прямая улица застроена с обеих сторон одинаково, т. е. господствует уличная форма планировки. За последние годы появились десятки новых благоустроенных аулов как в горах, так и на плоскости, с красивыми удобными зданиями.

Одинаковые природно-географические условия, экономические и культурные связи народов Дагестана во многом предопределяли близость их материальных культур. Эта близость страдалась и на форме поселений. Предгорные аварские селения больше похожи на такие же даргинские³⁸ и лезгинские³⁹ аулы, а нижнего предгорья — на кумыкские⁴⁰, нежели на аварские горные. Эту же закономерность — различие форм и планировки в зависимости от географической зоны мы наблюдаем и у других народов Кавказа, хотя здесь и имеется своеобразное различие от дагестанских⁴¹.

В старых аварских селениях общественным центром являлась площадь-годекан, где обсуждались важнейшие вопросы и устраивались народные праздники. Она была обязательной архитектурной деталью каждого аула и была иногда ярко выражена в самой планировке селения (Унцукуль, Чох, Гергебиль, Гонода Магар и др.), а иногда почти не заметна

³⁸ М.-З. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв., стр. 230.

³⁹ С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX — нач. XX вв., стр. 243; Т. П. Панек. Жилище лезгин. РФ ИИЯЛ, д. № 1749, стр. 3.

⁴⁰ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 198.

⁴¹ А. И. Робакидзе. К вопросу о форме поселения в Сванетии. КСИЭ, XXIX, 1958, стр. 59—60; Б. А. Колоев. Чеченцы. Народы Кавказа. М., 1960, стр. 358. С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 243, 249, 263, 290; Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник, стр. 26, 27; Е. Н. Студенецкая. Кабардинцы и черкесы. Народы Кавказа. М., 1960, стр. 160.

(Ругуджа, Корода, Хунзах, Сагада и др.). Общественная площадь не всегда находилась в центре аула, т. к. рельеф местности не везде позволял это, и занимала более или менее ровную площадь на окраине селения. Помимо центральной площади, в больших селениях имелись и площади квартальные, они носили названия кварталов. Например, в Чохе: «Чудаль годекIан», «Хинила годекIан», «Къурдукъ годекIан», «Химицебе годекIан», «Гадайда годекIан» — все это названия кварталов. Такое же положение в Ругудже, Гоцатле, Хунзахе, Согратле и др. селениях. Квартальные площади, видимо, в давнее время были тухумными, где обсуждались внутренние вопросы тухума, но с изменением характера квартала меняются и ее функции. На площади к XIX в. обсуждаются дела уже не родственной группы, а территориальных соседей-жителей квартала.

С распространением мусульманства площади становятся не только центрами общественной жизни, но и духовной, т. к. на них были построены мечети.

Одна из площадей, чаще центральная, являлась экономическим центром селения — на ней находились базар, ларьки.

С изменением социально-экономических отношений аварцев меняется характер и сущность обсуждаемых вопросов на этих площадях. Общественная, экономическая и культурная жизнь сосредоточивается вокруг культурно-просветительных и административных учреждений.

Все сельские улицы обязательно связаны с общественной площадью. Но если более или менее широкую и ровную улицу можно было найти в селениях с горизонтальным расположением, то в селениях с вертикальной планировкой улицы представляют «узкие, кривые, шириною в два-три аршина»⁴² проходы, которые нередко заканчиваются обрывом или тупиком. Часто улицы продолжаются в виде узкого туннеля, вьются природными лестницами, изгибаются, приспособляясь к топографическим условиям местности. Всех наблюдателей и путешественников удивляли запутанность и скученность домов в дагестанских горных аулах⁴³. Но грязь и нечистоты, несмотря на скученность домов и узость улиц в селениях, не остаются, т. к. дожди размывают их и выносят из селения. В некоторых горных селениях (Чох, Тидиб, Кутлаб, Анчик

⁴² И. И. Пантюхов. Современные лезгины, «Кавказ», 1961, № 233; См. также. Дагестанская область в 1891 г. КК на 1893 г., стр. 177.

⁴³ Е. Марков. Кавказ. «Живописная Россия», т. IX, стр. XIII; его же. Очерки Кавказа. СПб, 1887, стр. 525—526; Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, в. 1, 1868, стр. 12; Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1885, стр. 204; Я. И. Костенецкий. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. СПб, 1851, стр. 278. и др.

и др.) хлева и сеновалы были вынесены на окраину селения для поддержания чистоты и безопасности селения от пожаров.

Как ни запутан план селения, в основе его лежит два фактора: планировка улиц и площади (беспрепятственная связь их со всеми кварталами и соединение с площадью) и ориентация. При любой форме поселения фасады домов направлены на юг, и высказывание, что они «не ориентированы по сторонам света»⁴⁴, нужно считать необоснованным. Южная ориентация была вызвана природно-географическими условиями края.

Таким образом аварские поселения имеют в основном три формы, обусловленные природными условиями местности. Но эти формы не являются постоянными и измененными, наоборот, аварское селение представляет изменчивую систему, которая перестраивается в зависимости от социально-экономического развития общества. Смешанная планировка и разные формы стали обычным явлением в современных аулах, характеризующие разные этапы селостроительства в горах.

В тесной взаимосвязи с топографией селения находится и его название. Большинство названий аварских селений отражают характер местности, на которой они расположены: Хиндах (Хьиндах) — «на тепле», «у воды», Накитль или Наказух (Накк'икь, Нак'азух) — «в облаках», Кегер (К'югьориб) — «на месте двух ветров», Гонох или Гунха (Г'юнохъ, Г'юнха) — «у холма», Зубутль (Ц'юбокъ) — в «виноградниках» и т. д.

Но есть и другой тип названий, имеющий социально-экономическую основу. Например, название Хунзах произошло от слова «ханзанбах» — «место пребывания ханов», «к ханам»⁴⁵, Согратль (Суг'раль) — «место производства «суг'ура» — сукна»⁴⁶.

Иногда названия селений указывают на их прошлое, что они некогда были военными укреплениями с боевыми башнями: Сиух — «у башни»; Гамсутль (Г'ямсукъ) — второй элемент слова «сукъ» показывает расположение его «под башней»; Гента (Г'ент'ла) — «у башни».⁴⁷

Встречаются селения, в основном позднего происхождения, которые носят названия своего первооснователя: Унцукуль

---

⁴⁴ Г. А. Сергеева. Экспедиционная работа в Дагестане в 1959 г. СЭ, 1960, № 5, стр. 146.

⁴⁵ Существуют и другие объяснения возникновения названия Хунзах. См. Б. Маллачиханов. О прошлом Аварии (К материалам по истории нагорного Дагестана). Махачкала, 1928, стр. 8.

⁴⁶ А. Иванов переводит Согратль как «земля сукна» — «суг'ракъ». См. Иванов. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией. «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 60.

⁴⁷ Слово «гъен» наряду с «си» обозначает на аварском языке «башня».

(Онсоколо) — «Онсол кули», т. е. хутор Онсо, Хариколо — «Хиарил кули» и т. д. Но имеется еще много селений, названия которых пока не поддаются объяснению. Рочиб (Арчиб), Ругуджа, Обох, Хахиб, Анди и др.

В целом следует сказать, что большинство названий аварских селений объясняется характером местности, их расположения.

*
*   *
*

Итак на расселение аварцев повлияли природно-географические и социально-экономические факторы: рельеф, климат, малоземелье, близость воды, ориентация, стремление к недоступности и другие. Степень действия этих факторов зависела от конкретно-исторических обстоятельств.

Анализ поселений показывает, что на территории Аварии имеются поселения, которые исторически подразделяются на небольшие (тухумные), большие (территориально-тухумные) поселения — «росо», и отселки (чисто территориальные) — «кули», которые отражают различные этапы селообразования. Особо выделяется советское, колхозное село.

По форме селения могут быть разделены на три вида: кучевые, террасообразные (вертикальная зональность) и горизонтальные. Для современных селений характерна правильная уличная форма планировки со светлыми, удобными, красивыми домами.

АРХЕОЛОГИЯ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ИСТОРИИ ДАГЕСТАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА НА РАННИХ ЭТАПАХ МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА

Современное дагестанское горское поселение с его характерной ступенчатой планировкой и компактным расположением жилищ представляет собой исторически сложившийся в условиях горного рельефа своеобразный архитектурный ансамбль, удовлетворяющий социальным, хозяйственным и бытовым нуждам его обитателей, а также потребностям обороны. Устройство горского жилища отличается продуманной, целесообразной планировкой жилых и подсобных помещений, своеобразием приемов строительной техники. Нет сомнения, что за всем этим скрывается огромный опыт, накопленный поколениями горцев за их многовековую историю.

Однако история дагестанского поселения и жилища в целом, также как и история горского поселения и жилища в отдельности, до сих пор не была предметом специального изучения, так как необходимый для этой цели археологический материал был получен совсем недавно. Тем не менее, в трудах многих советских исследователей, посвященных различным вопросам дагестанской археологии и этнографии, можно найти немало ценных наблюдений и соображений по данному вопросу, способствующих его разрешению. Предлагаемая статья является первой попыткой систематического рассмотрения накопленных в настоящее время археологических материалов. Она ставит своей целью осветить эволюцию дагестанского поселения и жилища на ранних стадиях меднобронзового века, охватывающих эпохи энеолита и ранней бронзы. Определенный интерес для нашей темы представляют также сведения о поселениях и жилищах древнейших обитателей Дагестана, с которых мы и начнем рассмотрение материала.

Как известно, территория Дагестана была заселена первобытным человеком еще в каменном веке. От эпохи нижнего палеолита здесь сохранились следы стоябищ открытого типа и пещерные стоянки. В верхнем палеолите и мезолите преобладают стоянки открытого типа, расположенные обычно в есте-

ственно-защищенных, укромных местах на солнечной стороне, вблизи воды и охотничьих угодий.¹

Имеющиеся данные позволяют составить некоторое представление и о возможном облике жилищ того времени. Раскопками Чохской стоянки вскрыта часть жилой площадки с остатками кострищ, протянувшейся узкой (шириной около 2 м) полосой вдоль подножья отвесной скалы и вплотную примыкавшей к нему. В культурных отложениях жилой площадки почти совершенно отсутствовала щебенка и обломки известняка, что указывает на существование над ней в древности какого-то перекрытия.² Основываясь на этом, можно предположить, что скала служила задней стеной для сооруженных вдоль нее жилищ, которые снаружи и сверху, вероятно, ограждались деревянным каркасом, накрытым ветвями и шкурами животных. К сожалению, многое в устройстве этих жилищ остается неясным. В частности, по имеющимся данным невозможно установить, строили ли обитатели стоянки длинные коллективные жилища или они жили в небольших отдельных хижинах.

Как ни скудны приведенные данные, они позволяют заключить, что верхнепалеолитическое население территории Дагестана уже накопило известный опыт организации жизни и быта в горных условиях и научилось использовать выгоды пересеченного горного рельефа при выборе мест для стоянок и при устройстве своих жилищ.

Крайне ограничены наши сведения о поселениях последующей эпохи. Судя по известным неолитическим памятникам, в это время на территории Дагестана получают широкое распространение поселения открытого типа, расположенные на древних морских и речных террасах.³ Интересно отметить, что эти же признаки свойственны также и неолитическим поселениям Западного Кавказа.⁴

Данные об устройстве неолитических жилищ в настоящее время совершенно отсутствуют.

---

¹ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 5—18; его же. Каменный век Дагестана. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1962, стр. 7—16.

² В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. Ученые записки Ин-та ИЯЛ Даг. фил. АН СССР, т. III, стр. 139; его же. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1957 г., Махачкала, 1958, РФ ИИЯЛ, д. № 2481, л. 8.

³ В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 21; В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ города Буйнакса (Дагестан). КС ИИМК, 67, 1957, стр. 78; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 19—20.

⁴ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 124—129.

Слабая изученность неолитических памятников Дагестана не только лишает нас возможности охарактеризовать особенности быта древнейшего оседло-земледельческого населения края, но также не позволяет выявить истоки тех более или менее устойчивых признаков, которые отличают дагестанское поселение и жилище энеолитической эпохи.

Большинство известных в настоящее время энеолитических поселений расположено в приморской равнине, по берегам пересекающих ее небольших рек и потоков, и в низовьях крупных речных долин южного Дагестана. Все они приурочены ко второй древнекаспийской террасе или к соответствующим ей древним речным террасам Самура и Гюльгерычая и располагаются чаще всего поблизости от их уступов.⁵

Поселения занимают обычно вершины небольших холмов естественного происхождения (Каякент,⁶ Великент, Мамраш,⁷ Ходжалкала, Гильяр,⁸ Шаракуи⁹ и др.), а в отдельных случаях представляют собой зольные холмы — тепе, образованные золой и строительными остатками.¹⁰

Как известно, поселения на естественных холмах и в виде зольных холмов — тепе свойственны и Закавказскому энеолиту. Однако, в Закавказье каждый из этих типов поселений соответствует определенной естественно-географической зоне (низменности и предгорью),¹¹ тогда как в Дагестане подобных различий не наблюдается.

Другая отличительная особенность рассматриваемой группы дагестанских поселений заключается в том, что почти все они состоят не из одного, а из нескольких холмов. Чаще всего они занимают два — четыре холма,¹² но иногда встречаются поселения, расположенные на одиннадцати и даже — на девятнадцати холмах.¹³ Считается установленным, что один из этих холмов, обычно обладающий более мощным культурным слоем, является основным. Назначение остальных холмов

⁵ В. Г. Котович. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1957 г., лл. 108—109.

⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 20.

⁷ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 121, 135.

⁸ В. Г. Котович. Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. (Итоги и проблемы). Ученые записки Ин-та ИЯЛ Даг. фил. АН СССР, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 336.

⁹ Раскопки южного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1961—1962 гг.; руководитель — М. И. Пикуль.

¹⁰ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 133.

¹¹ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949; стр. 174.

¹² А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 20; В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 121, 135; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 336; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 30—31.

¹³ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 134, 135.

с менее значительным по мощности культурным слоем остается пока не выясненным.¹⁴

Описывая данную группу дагестанских энеолитических поселений, многие исследователи отмечают их укрепленный характер.¹⁵ Основанием для подобного заключения является расположение поселений на вершинах холмов, обычно достигающих в высоту 8—10 м.

Однако, значение данного обстоятельства для целей обороны по нашему мнению сильно преувеличено. Расположение холмов с поселениями на открытых участках древних морских и речных террас, отличающихся к тому же ровным, слабо расчлененным рельефом, фактически обеспечивало беспрепятственный доступ к ним со всех сторон. В этих условиях крутизна склонов холмов, где находились поселения, вряд ли могла служить серьезным препятствием для неприятеля.

Крайне слабая защищенность этих памятников выступает особенно наглядно при сравнении их с дагестанскими поселениями эпохи ранней бронзы,¹⁷ а также некоторыми энеолитическими поселениями Северо-Западного Кавказа.¹⁸ Обитатели этих поселений стремились максимально использовать особенности пересеченного рельефа в оборонительных целях, а иногда дополнительно возводили вокруг них оборонительные стены.

Слабая защищенность энеолитических поселений приморского и южного Дагестана не представляет собой исключительного явления. Энеолитические поселения в виде одиночных зольных холмов — тепе и на вершинах естественных холмов встречаются, как это уже отмечалось, и в Закавказье.¹⁹ Известны они и за пределами Кавказа — в Передней²⁰ и Средней Азии.²¹

¹⁴ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 336.

¹⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. КС ИИМК, XIII, 1946, стр. 131; Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 6; Очерки истории Дагестана. Т. I, Махачкала, 1957, стр. 8; В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 121.

¹⁷ Описание этих памятников: Верхнегунибского, Сигитминского и др. поселений дается ниже.

¹⁸ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. Сб. материалов по археологии Адыгеи, т. II, Майкоп, 1961, стр. 74—85.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 174.

²⁰ Г. Чайд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 166—170 и др.; П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин. (К вопросу о первых земледельческих поселениях древнего Востока). СА, 1959, № I, стр. 262.

²¹ В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 44—54; его же. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. Тр. ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960, стр. 11—34.

В горных районах Дагестана в настоящее время известно всего лишь три памятника, принадлежность которых к энеолитической эпохе не вызывает сомнений. Это — Гапшиминское (Акушинский район),²² Мекегинское (Левашинский район),²³ и обнаруженное в 1962 Гинчинское (Советский район)²⁴ поселения. Немногочисленность этих памятников и их территориальная разобщенность существенно ограничивают наши возможности в изучении тех специфических особенностей, которые отличают энеолитические поселения горного Дагестана.

Все они располагаются в различных топографических условиях. Гапшиминское поселение находится в небольшой замкнутой горной долине, отличающейся укромным, как бы замаскированным расположением на местности. Гинчинское поселение располагается у крутого берега небольшого горного потока, ограждающего его с одной стороны. Мекегинское поселение занимает вершину и часть склона невысокого удлиненного холма. С севера и востока он огражден труднопроходимыми каньонами Мекегинского ущелья, по дну которого текут небольшие горные речки. Западная сторона полого опускается на расстояние около 200 м, а затем ограничивается крутым оврагом, южная — остается открытой. Такое расположение поселения придает ему естественно-укрепленный облик.

Как видно, в расположении каждого из трех известных нам в горном Дагестане энеолитических поселений прослеживается некоторое своеобразие. Данное обстоятельство отличает их от энеолитических поселений приморской равнины, где подобные различия почти совершенно не ощутимы. Причину этого, очевидно, следует искать в значительно большем разнообразии природных условий горного Дагестана.

Общим для горных поселений является расположение их на южных, постоянно обогреваемых солнечными лучами склонах, причем в таких местах, которые делали возможным использование пересеченного горного рельефа в качестве труднопреодолимых естественных преград на подступах к ним. Однако, значение последнего обстоятельства не следует преувеличивать.

Расположение горных поселений у обрывистых берегов рек, несомненно, ограничивавшее и затруднявшее беспрепятственный доступ к ним, все же само по себе не могло обеспе-

---

²² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 23.

²³ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Ученые записки Ин-та ИЯЛ Даг. фил. АН СССР, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 285.

²⁴ М. Гаджиев. Гинчинский могильник — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1962, Рук. фонд ИИЯЛ, л. 11.

чить их круговой обороны. Оставались открытыми те части поселения, которые не были защищены естественными преградами. Выходом из положения могло быть возведение специальных оборонительных сооружений, хотя бы на тех участках, откуда было легче всего проникнуть неприятелю. Однако, ни на одном из упомянутых памятников остатков оборонительных сооружений не было обнаружено. Основываясь на этом можно предположить, что энеолитические обитатели горных районов Дагестана, подобно населению приморской равнины, при выборе мест для своих поселений еще не придавали оборонительному фактору решающего значения.

Исключительно важную роль в выборе мест для поселений играли потребности оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, служившего основным занятием энеолитических племен, населявших приморские и горные районы Дагестана.²⁵ Как известно, хозяйственная деятельность энеолитического населения в основном протекала в ближайших окрестностях поселений. Это предъявляло к ним большие требования, так как от наличия здесь соответствующих благоприятных условий зависело в конечном итоге благополучие обитателей этих поселений.

При знакомстве с сохранившимися в непо потревоженном состоянии энеолитическими поселениями приморского и горного Дагестана обращают на себя внимание значительные толщи культурных напластований, мощность которых обычно достигает 1—1,5 м, а в отдельных случаях даже превышает 2 м. Это свидетельствует о прочной и длительной оседлости местных племен, населявших различные естественно-географические зоны Дагестана. Необходимо отметить, что среди энеолитических памятников Дагестана пока не обнаружено временных, сезонных поселений, подобных выявленным в Закавказье.²⁶

Зависимость расположения дагестанских энеолитических поселений от земледельческих занятий населения выступает весьма наглядно. Поселения приморской равнины тяготеют к берегам рек и небольших потоков. Подобная картина наблюдается и в расположении раннеземледельческих поселений в Юго-Восточном Прикаспии, на территории нынешней Туркмении. Исследователи туркменистанских памятников справедливо расценивают это как результат широкого распространения в ту эпоху земледелия, основанного на «ли-

---

²⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э., стр. 131; В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 285—286, 290—293.

²⁶ О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 256.

манном» брошении.²⁷ Оно предполагает использование для посевов низменных участков по берегам рек и ручьев, затапливаемых ими во время паводков.²⁸ Вполне допустимо предположить, что расположение дагестанских памятников в сходных условиях указывает на применение и здесь аналогичной системы земледелия.

Не является случайным и расположение горных поселений в речных долинах или поблизости от них. Известно, что эти долины изобилуют естественными террасами,²⁹ ровные поверхности которых, покрытые плодородными аллювиальными почвами, как бы предназначены самой природой для занятия земледелием.

Выбор места для поселений во многом зависел также от наличия в ближайших окрестностях достаточного количества пастбищных угодий, обеспечивавших кормовую базу скотоводства, бывшего в ту пору оседлым, придомным. Немаловажное значение имела также близость к источникам питьевой воды (рекам, родникам и т. д.).

Таким образом, рассмотрение имеющихся материалов позволяет заключить, что в энеолитическую эпоху на территории Дагестана получили распространение два типа поселений: поселения приморских и южных районов на вершинах естественных холмов и в виде зольных холмов (так называемые телли или тепе) и горные поселения в речных долинах. Первый тип поселений находит себе аналогии вне пределов Дагестана — в Закавказье, Передней и Средней Азии, тогда как второй по целому ряду особенностей может быть связан с местной традицией устройства поселений, уходящей своими истоками в неолитическую и, может быть, даже еще более глубокую древность. В выборе мест для поселений энеолитические племена Дагестана руководствовались главным образом потребностями земледельческо-скотоводческого хозяйства, оборонительный фактор не играл в эту эпоху значительной роли.

Сведения о внутренней планировке энеолитических поселений Дагестана в настоящее время совершенно отсутствуют. Весьма ограничены также данные об устройстве и планировке жилищ.

Начало изучению дагестанского энеолитического жилища положил А. А. Русов, раскопавший в 1880 г. на одном из Мамайкутанских «курганов» остатки небольшой прямоуголь-

---

²⁷ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 234.

²⁸ Там же.

²⁹ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. Республики. Дагач, 1926, стр. 88.

ной в плане землянки.³⁰ К сожалению, приводимые им сведения об этих раскопках крайне скудны, что лишает нас возможности представить себе устройство данного жилища. Однако, засвидетельствованный ими факт существования полуземляночного жилища прямоугольной формы представляет несомненный научный интерес.

Следующий шаг в этом направлении был сделан уже в советское время А. П. Кругловым, исследовавшим на Каякентском энеолитическом поселении часть турлучной постройки на каменном фундаменте. Внутри помещения были обнаружены остатки наземной, круглой в плане глинобитной печи типа тондыра. Однако, планировка и размеры самого помещения остались невыясненными из-за незначительной величины разведочного шурфа (2×2 м).³¹

Позже некоторые исследователи пытались разрешить вопрос о форме и даже размерах каякентского жилища гипотетически. В специальной литературе по этому поводу были высказаны различные, нередко взаимоисключающие предположения. Так О. А. Абибуллаев считает каякентское жилище прямоугольным,³² а Р. М. Мунчаев — круглопланым.³³ Разумеется, все это отнюдь не способствует решению вопроса, который из-за отсутствия необходимых данных и поныне следует считать открытым.

В 1959 г. при раскопках Мекегинского энеолитического поселения были выявлены, впервые в Дагестане, остатки двух круглопланых жилищ полуземляночного типа. Стенки одного из них были изнутри обложены камнем. Обкладка состояла из крупных, вертикально поставленных известняковых блоков сочetaвшихся местами с кладкой из небольших, уложенных насухо в несколько рядов известняковых плит. На камнях местами сохранились: следы обмазки. Пол жилищ выложенный тонкими плитками и обломками керамики, обмазывался глиной. Внутренний диаметр жилищ не превышал 4 м. В центральной части жилища находился очаг в виде углубленной в землю небольшой ямки, стены и верхние края которой были тщательно обмазаны глиной. У стены другого жилища были обнаружены остатки двухкамерной печной конструкции, напоминающей современные дагестан-

---

³⁰ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах в южном Дагестане. Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Протоколы подготовительных комитетов, М., 1882, стр. 602—605, табл. XVI, 5.

³¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 20.

³² О. Абибуллаев. Энеолитическая культура Азербайджана. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 71.

³³ Р. М. Мунчаев. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 60; ср. также Т. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 36.

ские печи для выпечки хлеба и обжаривания зерна (кор, карн, хар и др.).³⁴

Выявление круглопланных жилищ на Мекегинском поселении имеет большое значение. Этим самым значительно расширяется ареал бытования на Кавказе круглопланных энеолитических жилищ типа толосов, который отдельные исследователи еще недавно ограничивали преимущественно южным Закавказьем.³⁵

С другой стороны, выявление круглопланных жилищ прояснило вопрос о генетической связи между ними и погребальными сооружениями в виде круглых и овальных колодецеобразных склепов, зафиксированных в последние годы в ряде могильников бронзового века Дагестана,³⁶ происхождение которых до этого оставалось необъяснимым. А самый факт бытования подобных погребальных сооружений на значительной части территории горного Дагестана наводил на мысль, что и здесь в предшествующую эпоху получили широкое распространение круглопланные жилища типа толосов.³⁷ И действительно, остатки круглопланного жилища полуземляночного типа были обнаружены в 1962 г. в горном Дагестане на Гинчинском энеолитическом поселении.³⁸

Таким образом, в энеолитических памятниках Дагестана в настоящее время представлено два типа жилищ: прямоугольное и круглопланное. Прямоугольное жилище находит себе аналогии в энеолитических памятниках Закавказья.³⁹ Еще более широкое распространение на Кавказе имеют круглопланные жилища, выявленные и в Закавказье,⁴⁰ и на Се-

³⁴ В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1959 г. Махачкала, 1960, РФ ИИЯЛ, д. № 2643, лл. 16—23.

³⁵ О. Абибуллаев. Указ. соч., стр. 71.

³⁶ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КС ИИМК, 71, 1958, стр. 44; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 36—37; М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. Ученые записки Ин-та ИЯЛ Даг. фил. АН СССР, т. X, Махачкала, 1962, стр. 167.

³⁷ В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ, л. 24.

³⁸ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, л. 11.

³⁹ О. Абибуллаев. Указ. соч., стр. 71; О. Джапаридзе. Указ. соч., стр. 256; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Урбниси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепия-кохи), Тбилиси, 1962, стр. 61.

⁴⁰ Е. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения 1936—1937 гг. ВДИ, № 4(5), М., 1938, стр. 255—256; Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аркский энеолит. ВГМГ, XIII — В. Тбилиси, 1944, стр. 101—102; его же. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 26—27; Б. А. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 172—173; О. Абибуллаев. Указ. соч., стр. 68—71; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 37; О. Джапаридзе. Указ. соч., стр. 256

верном Кавказе.⁴¹ Известны они и за пределами Кавказа, на Ближнем Востоке.⁴²

Сходство планировки и отдельных деталей интерьера дагестанского энеолитического жилища с закавказским уже отмечалось в литературе.⁴³ Наряду с этим необходимо отметить и существование некоторых различий между ними. Дагестанские энеолитические жилища отличаются от закавказских тем, что они устраивались как полуземлянки. Полуземляночные жилища в это время встречаются в Закавказье как редкое исключение,⁴⁴ тогда как известные нам сейчас дагестанские жилища, несмотря на их значительную территориальную удаленность друг от друга, относятся именно к типу полуземлянок.

Дальнейшая эволюция древнего дагестанского поселения и жилища прослеживается на памятниках бронзового века, особенно на более изученных в настоящее время памятниках эпохи ранней бронзы.

В эпоху ранней бронзы в приморской равнине еще встречаются единичные поселения на вершинах небольших холмов. К их числу относится известное Джемикентское поселение, исследованное в 1939 г. А. П. Кругловым.⁴⁵ Однако, в последующие периоды бронзового века поселения этого типа перестают функционировать. Подобная картина наблюдается и в Закавказье, где затухание жизни на этих поселениях объясняется перенесением деятельности человека в горные районы, что было вызвано развитием яйлажного, полукочевого скотоводства.⁴⁶

В Дагестане следы интенсивной, человеческой деятельности в эпоху ранней бронзы выявлены не только в горных районах (Гонобский могильник, Верхнегунибское и Усишинское поселения),⁴⁷ но и в предгорье (второй Карабудахкент-

⁴¹ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 36.

⁴² T. Burton-Brown. Excavations in Azerbaijan. London, 1951, p. 34; M. E. Mallowan and J. Cruikshank. Prehistoric Assyria. Excavations at Tall Arpachijan, Iraq, II, London, 1935, pp. 25—32; Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 177.

⁴³ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 34—46.

⁴⁴ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. I. Эпоха энеолита и бронзы. Баку, 1959, стр. 23—26; О. Джапаридзе. Указ. соч., стр. 256.

⁴⁵ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 30.

⁴⁶ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 6.

⁴⁷ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 25—36; его же. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ, лл. 64—65; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение (предварительное сообщение о раскопках 1958 г.). МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 88—108.

ский и Чиркейский могильники, Чиркейское поселение),⁴⁸ в том числе и в пограничной полосе между предгорьем и приморской равниной (верхнее Сигитминское поселение, Миатлинский могильник).⁴⁹ Следовательно, у нас нет никаких оснований утверждать, что в указанный период местные племена оставили эти районы.

Очевидно, следует искать другое объяснение интересующего нас факта. Представляется вероятным, что одной из главных причин оставления этих поселений явилась значительно возросшая в то время опасность вооруженных нападений со стороны соседних племен, противостоять которым эти слабо защищенные поселения не могли. И не случайно, все известные в Дагестане поселения эпохи ранней бронзы (за исключением Джемикентского) носят ярко выраженный оборонительный характер.

Упоминавшееся выше верхнее Сигитминское поселение расположено у вершины скалистой гряды в мало удобном для жизни месте, лишенном близких источников воды, открытом холодным северным ветрам, но зато трудно доступном для неприятеля.⁵⁰

Чиркейское поселение находилось на вершине господствующей над местностью, труднодоступной горы Тад-Шоб.⁵¹

В горном Дагестане обнаружен целый ряд поселений, располагавшихся в естественно-укрепленных, труднодоступных местах, чаще всего у вершин небольших кряжей, крутых склонов гор и т. д. Именно в таких условиях находились известные поселения эпохи ранней бронзы: Верхнегунибское (Гунибский район)⁵² и Усишинское (Акушинский район).⁵³ Интересно отметить, что аналогичным образом располагались Кулинское (Кулинский район),⁵⁴ Кучрабское (Чародинский

---

⁴⁸ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, № 68, 1958, стр. 147—175; Н. Д. Пунтцева. Отчет 18-го Чиркейского отряда Дагестанской археологической экспедиции за 1959 г. Махачкала, 1960, РФ ИИЯЛ, д. № 2635, лл. 2—16; К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии Ин-та ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. фил. АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 23.

⁴⁹ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. Ученые записки Ин-та ИЯЛ Даг. ФАН СССР, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158—159; его же. Миатли — новый памятник бронзового века в северном Дагестане. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 32—42.

⁵⁰ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 158.

⁵¹ К. А. Бредэ. Отчет об археологических разведках на берегу Сулака и доисследовании нижнего Сигитминского поселения в 1958 г. Махачкала, 1959, РФ ИИЯЛ, д. № 2551, лл. 36—37.

⁵² В. М. Котович. Указ. соч., стр. 88—89.

⁵³ В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г., л. 54.

⁵⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 32.

район),⁵⁵ Ингердохское и Местерухское (Ахвахский район)⁵⁶ поселения, которые по имеющимся материалам предварительно датируются исследователями энеолитической и даже позднеолитической эпохами. Встречаются подобные поселения и в последующие периоды бронзового века. В качестве примера укажем на известное Андийское поселение (Ботлихский район).⁵⁷

Весьма примечательно, что обитатели некоторых дагестанских поселений эпохи ранней бронзы, не довольствуясь естественной защитой, дополнительно возводили вокруг них оборонительные сооружения. Верхнегунибское поселение было обнесено каменной стеной,⁵⁸ Чиркейское — земляным валом.⁵⁹ Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что в эпоху ранней бронзы при выборе мест для поселений оборонительный фактор стал играть решающую роль. Подобное расположение дагестанских поселений не является чем-то исключительным. Закавказские поселения этой эпохи также носят укрепленный характер.⁶⁰ Можно думать, что аналогичная картина имела место и на Северном Кавказе.⁶¹

В расположении дагестанских поселений рассматриваемой эпохи наряду с оборонительным фактором по-прежнему важное значение играет также и хозяйственный фактор. В окрестностях всех названных поселений имеются пригодные для возделывания участки земли (речные террасы, высокогорные плато, пологие склоны и т. д.). С переносом поселений из низовий рек лиманное земледелие уступает место более производительному пашенному земледелию, основанному на ис-

---

⁵⁵ Д. М. Атаев и В. М. Котович. Отчет о работе 2-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1957 г. Махачкала, 1958, РФ ИИЯЛ, д. № 2478, л. 98.

⁵⁶ Там же, л. 103.

⁵⁷ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 94. В этой связи необходимо отметить, что наряду со скальными поселениями в горном Дагестане в эпоху средней бронзы получил распространение также тип сравнительно слабо защищенного горно-долинного поселения (Ср. напр. Ирганайское поселение). Однако, рассмотрение этих поселений выходит за хронологические рамки, намеченные для настоящей статьи. Подробнее об Ирганайском поселении см Д. М. Атаев и М. Н. Погребова. Отчет о работе 2-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 г. Махачкала, 1959, РФ ИИЯЛ, д. № 2545, л. 35.

⁵⁸ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 93—94.

⁵⁹ К. А. Бредэ. Указ. отчет, л. 37.

⁶⁰ В. А. Гурко-Кряжин. Циклопические сооружения Закавказья. «Новый Восток», 1926, № 15, стр. 212—221; И. М. Джафар-Заде. Циклопические сооружения Азербайджана. Труды Азерб. фил. АН СССР, т. 55, Баку, 1938, стр. 19; Л. М. Меликсет-Бекоев. Мегалитическая культура в Грузии. Тбилиси, 1938, стр. 65, 69, 71; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 43; К. Х. Кушнарера. Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама. КС ИИМК, 69, 1957, стр. 129—135.

⁶¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 22, 24.

пользовании примитивных пахотных орудий и тягловой силы животных. С увеличением поголовья скота, принадлежавшего жителям отдельных поселений, возрастает потребность в обширных пастбищных угодьях. Все это приводит к тому, что в эпоху ранней бронзы впервые ощущается острый недостаток необходимых для развития земледельческо-скотоводческого хозяйства земель (пахотных и пастбищных). Нехватка земель и борьба за скот вызывали обострение враждебных отношений между племенами, рост межплеменных столкновений.

Раскопки отдельных поселений этого времени познакомили нас с некоторыми деталями их внутренней планировки. На Сигитминском поселении обнаружено два ряда жилищ, расположенных один над другим.⁶² На Верхнегунибском поселении прослежено несколько рядов жилищ, также ступенчато возвышавшихся друг над другом.⁶³ Основываясь на этом можно предположить, что и в других дагестанских поселениях эпохи ранней бронзы, расположенных на горных склонах, имела место та же ступенчатая планировка жилищ.

Исследованием этих поселений накоплен значительный материал, характеризующий дагестанское жилище эпохи ранней бронзы. Многие детали устройства этих жилищ уже достаточно подробно освещены в литературе. Коснемся лишь некоторых из них, представляющих интерес для нашей темы.

На Джемикентском поселении раскопками А. А. Русова обнаружены два жилища типа прямоугольных землянок с обложенными камнем стенами. Они были соединены между собой узким проходом.⁶⁴ Здесь же А. П. Кругловым были обнаружены остатки аналогичного по устройству сильно разрушенного жилища.⁶⁵ Таким образом, и самый тип Джемикентского поселения и характер обнаруженных на нем жилищ продолжает энеолитические традиции.

Совершенно новый тип жилищ выявлен при исследовании скальных поселений со ступенчатой планировкой.

Жилища верхнего Сигитминского поселения имеют подпрямоугольную форму, основания их углублены в скалу, а стены возведены над скалой из уложенных насухо рядов каменных плит. Внутри жилищ обнаружены «лежанки», вырезанные в скале, глинобитные печи для сушки зерна и выпечки хлеба (кор, кари), «культовый», тоже глинобитный очаг круглой формы с высоким орнаментированным бортиком.⁶⁶

⁶² В. И. Каневец. Указ. соч., стр. 58.

⁶³ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1961, РФ ИИЯЛ, д. № 2967, л. 161.

⁶⁴ А. А. Русов. Указ. соч., стр. 599—601.

⁶⁵ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 32—33.

⁶⁶ В. И. Каневец. Указ. соч., стр. 158—159.

На Чиркейском поселении, в урочище Тад-Шоб, обнаружены прямоугольные в плане помещения, стены которых сложены из небольших каменных плит.⁶⁷

Большой интерес представляют остатки нескольких монументальных построек, выявленных на Верхнегунибском поселении. Они отличаются большими размерами, прямоугольной формой и ступенчатым устройством полов внутри каждого отдельного помещения. Стены их сложены насухо из крупных известняковых блоков. Внутри жилищ также выявлены остатки «лежанок» и уже известных глинобитных печей для обжаривания зерна и выпечки хлеба.⁶⁸ Монументальные жилища Верхнегунибского поселения, возведенные на крутом (40—45°) склоне, не находят себе прямых аналогий среди синхронных памятников Дагестана. Некоторые, весьма отдаленное сходство с ними обнаруживают циклопические крепости Закавказья.⁶⁹ Более близкое сходство с ними наблюдается в некоторых памятниках Малой и Передней Азии: Троя I. Богазкёй, Терми, Алишар и др.⁷⁰

Таким образом, основываясь на имеющихся материалах можно утверждать, что в эпоху ранней бронзы в предгорных и горных районах Дагестана получили широкое распространение скальные поселения, в которых устойчиво повторяются основные черты современного горского селения с характерной ступенчатой планировкой и компактным расположением жилищ.

В это же время оформляется в основных чертах прямоугольное горское жилище с каменными стенами, в архитектурном облике и внутреннем устройстве которого появляется ряд элементов («лежанки», глинобитные печи для обжаривания зерна и выпечки хлеба и др.), доживающих до современности.⁷¹

Своеобразная особенность многих древних и современных горских жилищ состоит в том, что их основания углублены

---

⁶⁷ К. А. Бредэ. Указ. отчет, лл. 38—39.

⁶⁸ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 90—94.

⁶⁹ В. А. Гурко-Кряжин. Циклопические сооружения Закавказья. «Новый Восток», 1926, № 15, стр. 212—221; Л. М. Меликсет-Бекоев. Мегалитическая культура в Грузии, стр. 65, 69, 71; И. Н. Цицишвили. Истоки грузинского зодчества. Тбилиси, 1955.

⁷⁰ R. Naumann. Architektur Kleinasien von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. Deutsches Archäologisches Institut. Tübingen, 1955, ss. 64—69, 155—158.

⁷¹ Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4, стр. 187—195; С. С. Агаширинова. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — нач. XX вв. Ученые записки Ин-та ИЯЛ Даг. фил. АН СССР, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 260; С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX — нач. XX вв. Махачкала, 1960, стр. 60; М.-З. О. Османов. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки Ин-та ИЯЛ Даг. фил. АН СССР, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 244.

в скалу. Это обстоятельство послужило некоторым исследователям поводом для высказывания предположения об их «пещерном» происхождении.⁷² И хотя мы действительно располагаем единичными фактами, свидетельствующими об использовании пещер для жилья в бронзовом веке,⁷³ однако они ни в коей мере не определяли путей развития дагестанского жилища в древности.

Как свидетельствуют все приведенные выше материалы, традиция сооружения наземных жилищ восходит на территории Дагестана к эпохе верхнего палеолита. В глубокую древность уходят своими истоками круглопланные и прямоугольные жилища, представленные в Дагестане на ранних стадиях медно-бронзового века. И, несмотря на то, что мы не располагаем пока материалами, которые бы освещали древнейшие этапы эволюции каждого из них, их связь с простейшими формами наземных шалашей считается установленной.⁷⁴ Таким образом, у нас нет никаких оснований связывать известные в настоящее время разновидности дагестанских древних жилищ с пещерами. Что же касается характерного для прямоугольных горских жилищ приема углубления их оснований в скалу, то он возник не из стремления древних горцев подражать в устройстве своих жилищ пещерам, а был обусловлен своеобразием горного рельефа, необходимостью создания на крутых склонах горизонтальных площадок, без которых невозможно возведение здесь капитальных построек.

В заключение остановимся на вопросе о происхождении горских прямоугольных каменных жилищ эпохи ранней бронзы и их взаимоотношении с энеолитическими прямоугольными и круглопланными жилищами. Вопрос этот, помимо узко специального интереса для освещения эволюции домостроительства в древнем Дагестане, имеет и более широкое значение.

Как известно, жилища, их типология и планировка являются весьма важным в этнографическом отношении элементом материальной культуры, отражающим не только уровень экономического и социального развития общества, но также некоторые специфические признаки, могущие в известной мере служить и этническим показателем. Постепенное эволюционное развитие какого-либо определенного типа жилищ на оп-

---

⁷² И. И. Пантюхов. О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 15; Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 9—16; З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2, стр. 155—156; В. И. Канивец. Памятники бронзового века на Сулаке. Махачкала, 1956, Рук. фонд ИИЯЛ, д. № 2326, лл. 60—62.

⁷³ М. И. Исаков. Чиркатинские древности в Дагестане. СА, 1961, № 4, стр. 253.

⁷⁴ Ю. Липс. Происхождение вещей. М., 1954, стр. 21.

ределенной территории обычно свидетельствует о непрерывности процесса этнического развития. Резкие изменения в планировке жилищ и приемах домостроительства отражают нарушения этого процесса, вызываемые, как правило, проникновением в местную этническую среду иноэтнических элементов.⁷⁵ Таким образом, решение вопроса об эволюции дагестанских жилищ на ранних стадиях медно-бронзового века представляет определенный интерес и для освещения этногенетических процессов, имевших место на территории Дагестана в указанные эпохи.

Распространившееся в самом начале эпохи ранней бронзы на значительной части территории Дагестана прямоугольное каменное жилище предстает перед нами как уже сложившийся в своих основных элементах и довольно сложный для своего времени архитектурный комплекс с устойчиво повторяющимися деталями интерьера. Его специфической особенностью является отчетливо выраженная приспособленность к горным условиям («ступенчатая» планировка жилищ и углубление в скалу их оснований), указывающая на то, что данный тип жилища сформировался в условиях горного рельефа. Следовательно, истоки известного нам в эпоху ранней бронзы горского домостроительства необходимо искать в предшествующей энеолитической эпохе и преимущественно в районах с пересеченным рельефом (горы, предгорье).

Рассматривая известные нам типы древних дагестанских построек, нельзя не обратить внимания на сходство планировки прямоугольных жилищ эпохи энеолита и ранней бронзы (Мамай-кутан, Джемикент) с прямоугольными же горскими жилищами эпохи ранней бронзы (Сигитма, Тад-Шоб, Верхний Гуниб). Однако, при более детальном их сопоставлении выясняется, что сходство это носит чисто внешний характер, тогда как существующие между ними различия оказываются весьма глубокими. Наиболее выпукло эти различия проявляются в приемах домостроительства: в одном случае сооружались жилища типа полуземлянок, в другом — наземные постройки. Основным строительным материалом для сооружения надземных частей полуземляночных жилищ была глина. Камень использовался лишь в качестве вспомогательного материала для обкладывания их углубленных в землю оснований. В противоположность им, возвышавшиеся над скалой стены горских жилищ, целиком возводились из камня. Сооружение монументальных каменных построек на крутых горных склонах путем сухой кладки стен свидетельствует о весьма высоком для своего времени уровне развития строительного дела, прекрасном знании свойств камня, использовавшегося в ка-

---

⁷⁵ См. напр., С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 74—77.

честве основного строительного материала, знакомстве с элементами строительной механики.

Таким образом, рассмотрение приемов домостроительства двух древних типов дагестанских прямоугольных жилищ позволяет заключить, что эволюционная связь между ними отсутствует. Каждый из них обусловлен конкретными условиями той среды, в которой он сформировался. Связь каменных жилищ с горным рельефом уже отмечалась выше. Возникновение жилищ типа полуземлянок и землянок было возможно в условиях равнины. И не случайно аналогичные жилища в виде простых землянок (азербайджанские «казма», грузинские «сахли») и более сложных построек (азербайджанские и армянские «карадамы», грузинские «дарбази») и поныне бытуют во многих равнинных и горно-долинных районах Закавказья.⁷⁶

Изучение взаимоотношения между прямоугольными каменными постройками эпохи ранней бронзы и энеолитическими круглопланными жилищами представляет интерес не только для дагестанской тематики. Вопрос этот является частью общей проблемы о культурно-историческом взаимоотношении круглопланных и прямоугольных жилищ, уже давно стоящей в центре внимания исследователей, занимающихся передневно-сточной и закавказской тематикой.

Она играет важную роль в освещении исторических судеб древнейшего населения Передней Азии. До недавнего времени считалось, что наиболее распространенным типом жилищ в позднем неолите и на ранних этапах медно-бронзового века здесь были круглопланные толосы. Что же касается прямоугольных жилищ типа мегаронов, то они признавались более поздними, а их проникновение в Малую Азию связывалось с движением «арийских» племен.⁷⁷ После раскопок С. Бледжена в Трое I выяснилось, что и прямоугольные мегаронообразные жилища бытовали здесь с глубокой древности.⁷⁸ Для понимания этногенетических процессов важно отметить что, несмотря на длительное сосуществование обоих типов жилищ, эволюционная связь между ними в памятниках Малой и Передней Азии не была прослежена. Повсеместно наблюдаемый здесь процесс замены круглопланных жилищ мегаронообразными исследователи ставят в связь с изменениями в этническом составе населения.

В энеолитических памятниках Закавказья круглопланные и прямоугольные жилища сосуществуют. Рассматривая круг-

⁷⁶ В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана. в XIX в. «Кавказский этнографический сборник», III, М.-Л., 1962, стр. 29—30, 36—38; «Народы Кавказа», т. II, М., 1962, стр. 102, 104, 288—289.

⁷⁷ W. Dörpfeld. Troia und Illion. Berlin, 1902.

⁷⁸ Г. Найлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 68.

лопланнные жилища, обнаруженные в памятниках куро-аракского энеолита, все авторитетные специалисты отмечают их исключительное сходство с аналогичными постройками, выявленными в памятниках Малой Азии, Месопотамии и Эгейского мира.⁷⁹ Некоторые исследователи идут в этом вопросе еще дальше, полагая, что круглопланнные толосы появляются в Закавказье под влиянием переднеазиатской культуры.⁸⁰

Что же касается взаимоотношений закавказских круглопланнных жилищ с прямоугольными, то здесь еще остается много неясного. В ряде случаев наблюдается применение сходных приемов домостроительства при возведении различающихся по плану построек. В некоторых памятниках имеет место даже своеобразное слияние обоих типов, в результате чего по мнению исследователей, появляется прямоугольное жилище с закругленными углами.⁸¹ Однако видеть в этом переход круглопланнных жилищ в прямоугольные пока нет достаточных оснований. Тем более, что в некоторых районах Закавказья круглопланнные жилые и хозяйственные постройки до нашего времени (абхазский «акуацв», грузинский «пацха»).⁸²

Возвращаясь к рассмотрению дагестанских материалов, отметим, что в настоящее время у нас отсутствуют какие-либо данные, которые могли бы подтвердить существование эволюционной связи между круглопланнными и каменными прямоугольными жилищами древнего Дагестана. Помимо различной планировки на это указывают также разные приемы домостроительства. Круглопланнные постройки, обнаруженные в горных районах Дагестана, сооружались таким же способом, что и рассмотренные выше прямоугольные жилища типа полуземлянок и землянок, расположенные на равнине (полуземляночный тип жилища, обкладка оснований стен камнями, глинобитные надземные части построек). Не вызывает сомнений, что отмеченные приемы строительства круглопланнных жилищ могли возникнуть скорее в равнинных, чем в горных районах. В этой связи интересно отметить что у населяющих приморский Дагестан кумыков и поныне широко бытуют круглопланнные хозяйственные постройки «алачыкъ»,⁸³

---

⁷⁹ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит, стр. 113—114; Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 172—173; Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 36—37.

⁸⁰ О. Джапаридзе. Указ. соч., стр. 260.

⁸¹ Там же, стр. 256.

⁸² И. А. Аджинджал. Жилища абхазов. Автореферат кандидатской диссертации, Сухуми, 1950, стр. 4—7; «Народы Кавказа», т. II, стр. 285, рис. 3.

⁸³ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961, стр. 204—205, рис. 38.

в устройстве которых прослеживается определенное сходство с энеолитическими толосами.

Отсутствие преемственной связи между различными типами жилищ, широко бытовавших на территории Дагестана на ранних стадиях меднобронзового века, позволяет высказать предположение о том, что населявшие его в эту эпоху племена не были этнически однородными. Судя по имеющимся данным, мы можем говорить по крайней мере о двух группах населения — о строителях полуземляночных круглопланных и прямоугольных жилищ и о строителях прямоугольных каменных жилищ горского типа.⁸⁴

Возникает вопрос, какая из указанных традиций домостроительства является в Дагестане более древней? Ответить на него помогают наблюдения над устройством погребальных сооружений в некоторых могильниках горного Дагестана. Мы имеем в виду погребальные сооружения Гоновского и Гинчинского могильников, расположенных в непосредственной близости друг от друга и характеризующих две последовательные стадии развития местной культуры в эпохи ранней и средней бронзы. Погребальное сооружение более раннего по времени Гоновского могильника представляет собой ряд ступенчато расположенных прямоугольных камер,⁸⁵ тогда как в более позднем Гинчинском могильнике погребальные сооружения имеют вид круглопланных колодцеобразных склепов.⁸⁶

Как известно, погребальные сооружения отражают форму и планировку реально существовавших жилищ. Основываясь на этом мы можем заключить, что в погребальном сооружении Гоновского могильника нашла свое отражение более древняя по сравнению с погребальными сооружениями Гинчинского могильника традиция строительства ступенчатых прямоугольных жилищ. А из этого, в свою очередь вытекает вывод, что техника строительства прямоугольных, ступенчато расположенных жилищ имеет в Дагестане весьма древние истоки. Следовательно, наряду с известными нам круглопланными и прямоугольными жилищами полуземляночного типа на территории горного Дагестана очевидно существовал и развивался еще один тип энеолитического жилища, а именно: горское каменное жилище с прямоугольной ступенчатой планировкой.

---

⁸⁴ К аналогичному выводу о наличии двух разных этнических элементов в составе населения, оставившего Гинчинский могильник, пришел и М. Г. Гаджиев, анализирувавший особенности погребального обряда племен горного Дагестана в эпоху бронзы. (См. М. Г. Гаджиев, Гинчинский могильник-памятник эпохи бронзы горного Дагестана, стр. 105).

⁸⁵ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 25.

⁸⁶ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы, стр. 167.

И только крайне слабой изученностью неолитических и энеолитических поселений горного Дагестана можно, по нашему мнению объяснить тот факт, что подобные жилища до сих пор здесь не были еще обнаружены.

Устройство погребальных сооружений Гонобского и Гинчинского могильников устанавливает факт более глубокой древности прямоугольной ступенчатой горской архитектуры по сравнению с круглопланной и исключает всякую возможность для предположений о привнесении прямоугольного типа жилищ в горный Дагестан откуда-либо извне в готовом виде к началу эпохи ранней бронзы.

Нам представляется вероятным связывать традицию сооружения прямоугольных, ступенчато расположенных жилищ с местным этническим субстратом, существовавшим в горном Дагестане задолго до появления здесь племен — носителей традиции круглопланного домостроительства. Облик культуры древних местных племен в последнее время начал несколько проясниться.⁸⁷ Исключительно важное значение для этого могли бы иметь раскопки Кулинского, Кучрабского, Ингердохского и Местерухского поселений в горном Дагестане, предварительно датированных энеолитом и даже поздним неолитом.⁸⁸ Судя по расположению этих поселений на крутых горных склонах, мы вправе ожидать здесь выявления следов древнейшей горской архитектуры со ступенчатым расположением прямоугольных каменных жилищ.

В строителях круглопланных толосов очевидно следует видеть выходцев из Закавказья, передвинувшихся в Дагестан и, частично, на территорию Чечено-Ингушетии,⁸⁹ в процессе распространения куро-аракской энеолитической культуры. Наряду с круглопланными жилищами, они принесли в приморские районы Дагестана широко практиковавшийся в Закавказье и в более южных областях, но чуждый местным племенам обычай устраивать поселения на вершинах естественных холмов. Пришельцы оказали сильное влияние на развитие культуры местных дагестанских племен. В частности, это нашло свое отражение и в устройстве круглопланных жилищ и погребальных сооружений. Можно думать, что с течением времени закавказские пришельцы растворились в местной этнической среде, на что указывает целый ряд археологических данных, в частности, унификация планировки

---

⁸⁷ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Автореферат кандидатской диссертации, стр. 19.

⁸⁸ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 32; Д. М. Атаев и В. М. Котович. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1957 г., лл. 98, 103.

⁸⁹ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 157.

погребальных сооружений в дагестанских памятниках эпохи поздней бронзы, распространение характерной местной керамики с грубо обмазанной наружной поверхностью и некоторые другие признаки.

Передвижение закавказских энеолитических племен не следует рассматривать как единичное, исключительное явление. Подобная картина наблюдается и в других областях юга нашей страны и в Восточном Средиземноморье. В качестве примера укажем на археологически засвидетельствованные случаи передвижения раннеземледельческих племен, оказавшие более или менее значительное влияние на формирование культуры и процесс этнического развития раннетрипольских племен Поднепровья⁹⁰ и энеолитического населения Южного Туркменистана.⁹¹ Следовательно, передвижение закавказских племен на территорию Северо-Восточного Кавказа мы вправе рассматривать на широком историческом фоне расселения раннеземледельческого населения, охватившего значительные пространства и сыгравшего огромную роль в распространении важнейших достижений культуры и экономики, в формировании крупных этнических общностей.⁹²

В заключение нашего обзора подведем некоторые итоги.

Судя по имеющимся археологическим данным, основные элементы дагестанского горского поселения с характерным ступенчатым расположением прямоугольных каменных жилищ сложились к началу эпохи ранней бронзы. Истоки их, вероятно, восходят к энеолитической и, быть может даже, позднеэнеолитической эпохам. Их возникновение и бытование связано с местной этнической средой.

Появление в приморских районах поселений на вершинах естественных холмов и распространение на значительной части территории горного Дагестана круглопланных жилищ связывается с передвижением из Закавказья племен-носителей куро-аракской энеолитической культуры. Замена круглопланных жилищ прямоугольными в эпоху ранней бронзы указывает на растворение пришельцев в местной этнической среде. Процесс этот окончательно завершился, по-видимому, к началу эпохи поздней бронзы.

---

⁹⁰ С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 286—287.

⁹¹ В. М. Масон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, стр. 52; В. И. Сарияниди. Новый тип погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 235—238; его же. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 150.

⁹² Н. Я. Мерперт. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой. КС ИА АН СССР, 83, 1961, стр. 4—5.

Археологические материалы опровергают предположение о «пещерном» происхождении дагестанского горского жилища. Сложившийся здесь к эпохе ранней бронзы тип жилища с углубленным в скалу основанием определялся особенностями домостроительства на крутых горных склонах, требовавшими сооружения специальных горизонтальных площадок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

История.

Магомедов М. Из опыта работы Дагестанской партийной организации за преодоление пережитков ислама в сознании трудящихся в современных условиях	5
Османов Г. Классовое расслоение дагестанского доколхозного аула	23
Гаджиев А. Революционные выступления солдат в Дагестане в период первой русской революции	64
Каймаразов Г. Из истории народного образования в Дагестане в XIX веке	90
Алиев Б. Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ	109

Этнография.

Агаширинова С. Свадебные обряды лезгин XIX — начала XX века	133
Исламмагомедов А. Поселения аварцев в XIX—XX вв.	155

Археология.

Котович В. М. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века	177
---	-----

Учёные записки
Том XII
(Серия историческая)

Редактор Г. Д. Даниялов
Техн. редактор Э. С. Геллер

Сдано в набор 18/XI-63 г. Подписано в печать 17/III-64 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Объем 12,5 п. л. Учётно-изд. л. — 16 п. л.
Тираж 1000. СО 5404. Зак. № 630. Цена 83 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

ской власти, когда труженику были предоставлены максимум льгот, процесс хозяйственного роста мелких овцеводов протекал слишком медленно.

Различие между горами и равниной проявлялось не только в степени развития процесса осередничания аула. Оно было еще более наглядным в степени их технической оснащенности. Так, обследование 1926 года регистрировало в республике 37 624 сельскохозяйственных орудия, из них 22 174, или 59,0 процентов, примитивных и 15 450, или 41,0 процента, сложных, усовершенствованных. Как распределялась эта техника между географическими зонами? На горы приходилось 21 243 орудия, или 56,5 процента всей зарегистрированной техники. Из них 21 243, или 98,6 процента, составляли примитивные сохи и лишь 1,4 процента являлись усовершенствованным. На равнине, наоборот, соотношение было в пользу усовершенствованных орудий, — они составляли 92,2 процента всей земледельческой техники равнины.¹¹⁶ Таким образом усовершенствованная земледельческая техника, для эксплуатации которой требуются относительно обширные земельные просторы, концентрировалась на земледельческой равнине, где и были такие массивы. А в горах, где земли не хватало, где преобладало террасное земледелие на клочке, добытом у природы трудом поколений, в то время сложной технике, из-за сильной пересеченности поверхности, как говорится «делать было нечего». Мелкий собственник, которому принадлежала земля в горах, вполне обходился примитивной сохой для вспашки своего клочка.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru